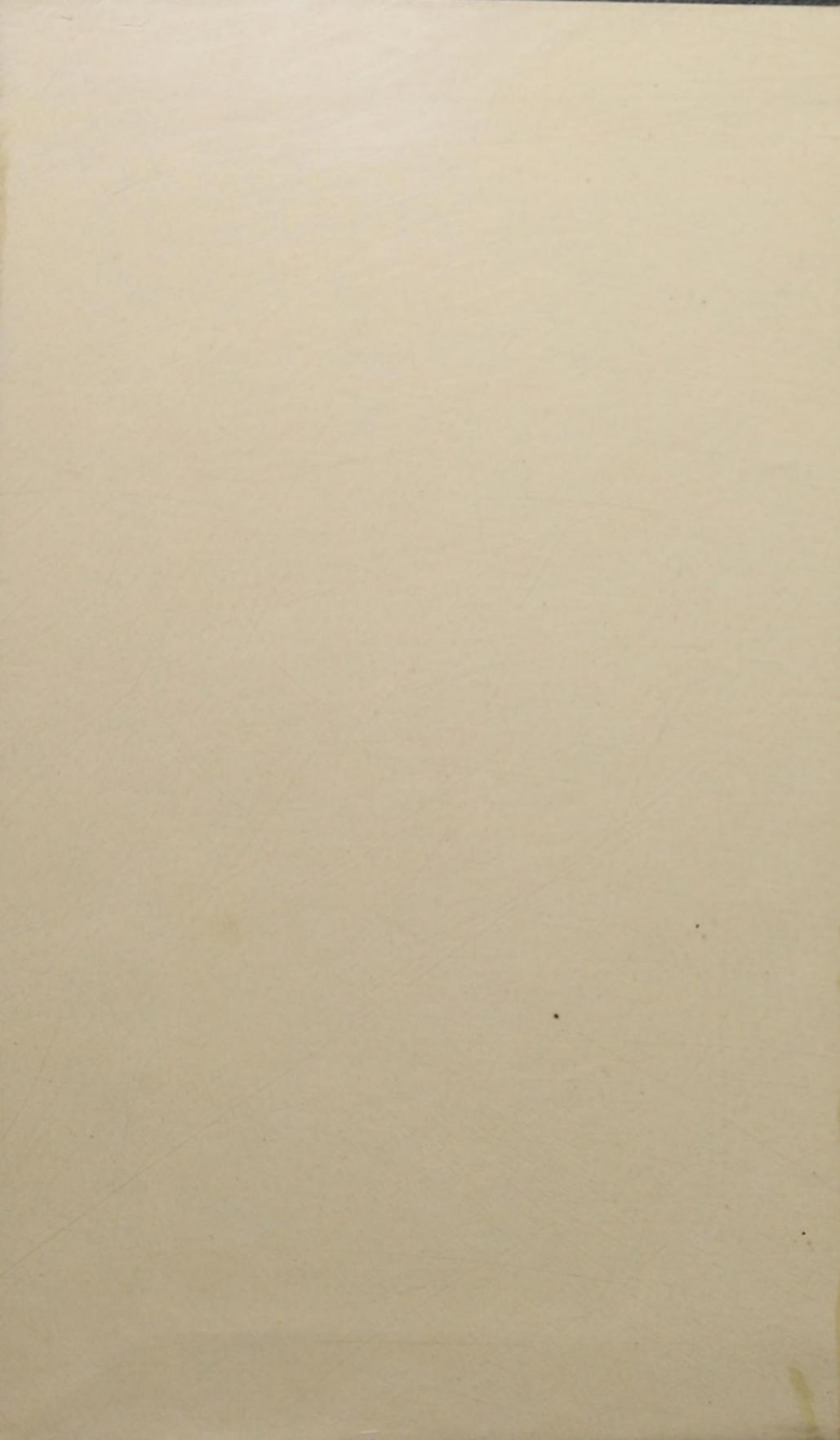
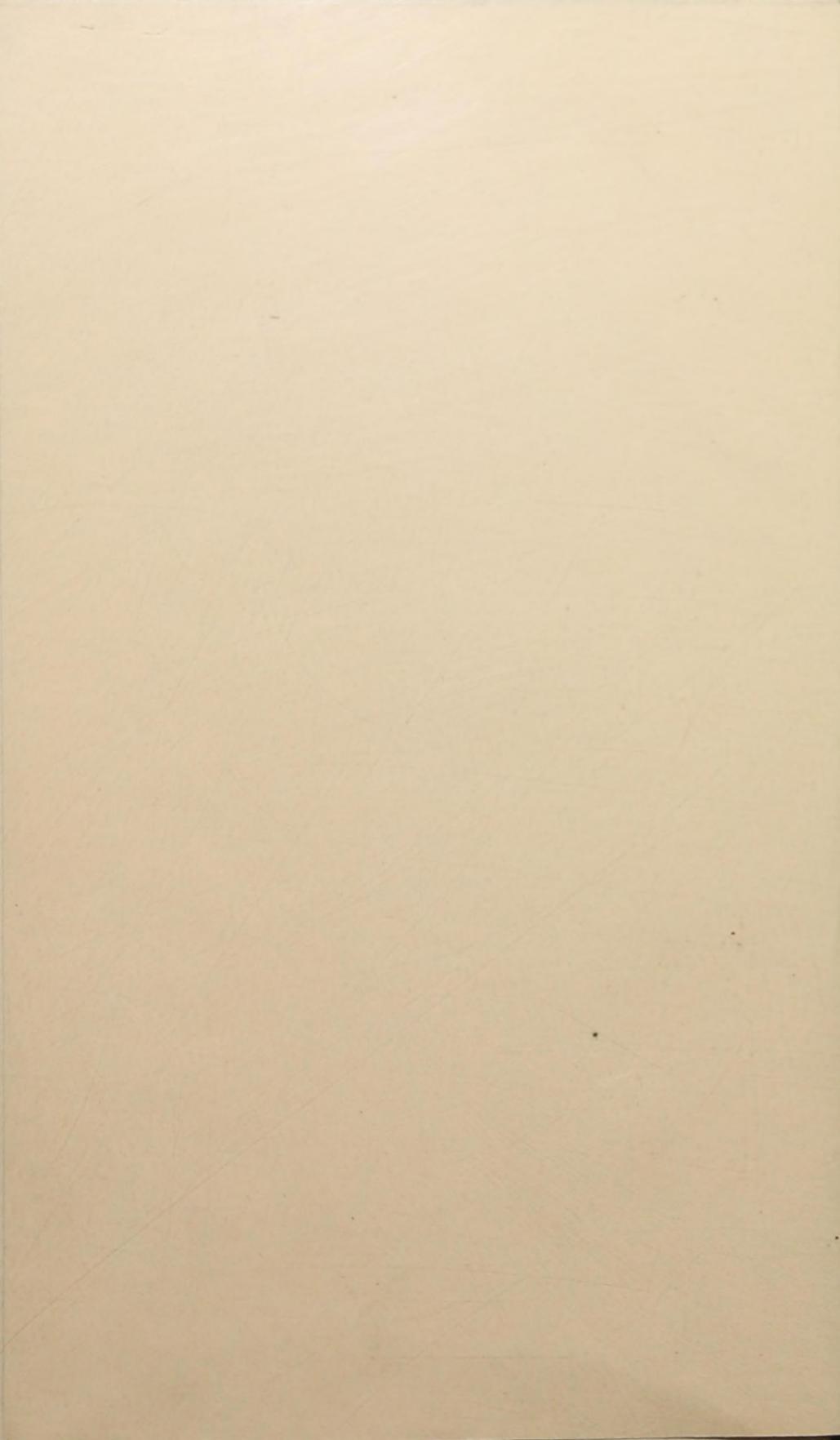

63.5
150
1000
8218

Томографическая
сборка
№ 1 1895.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА

Высочайше го. Т-во Свироп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровск. д. Левенсонъ.

1895.

91.

266.

Э. И. Этнографическое
обозрение.

14

год 8215 / 150

91.
Э. II.

39
2

Годъ 7-й.

Нн. XXIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1895, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Имв. № 932-1389 / 1895-1897

266-
-1389-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ
ВЪ СЕВЕРНОМЪ ОТДѢЛѢ
Под № 932-1389-17/100 1937

МОСКВА.

Высочайше е. в. Т. го Св. в. А. А. Левенсонъ. Комиссіонери ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петролѣ, д. Левенсона.

1895.

12
116

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.
Москва, 21 апрѣля 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Очерки крестьянскаго быта Самарскаго уѣзда. <i>Ест. Всеволожской.</i>	1
II. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. (На основаніи соч. Axel'a Heikel'a и друг. источниковъ) <i>Н. Н. Харузина</i>	35
III. Забѣтки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ. (По поводу соч. П. И. Житенцаго: „Мысли о народныхъ малорусск. думахъ“). <i>Н. Θ. Сумцова.</i>	79
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. I. О зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ. (По соч. Grosse и Ch. Letourneau). <i>Н. Харузина.</i>	108
V. Смѣсь: Изъ старинныхъ рукописей. «Вѣдомость о масленичномъ поведеніи 1762 года» Сообщилъ <i>П. А. Дилакторскій.</i>	118
Масляница въ Саранскомъ уѣз. Пензенской губ. Святи. <i>Н. Н-ова</i>	122
Толки народа. (Антихристъ. — Мышиный царь. — Гадюки). <i>А. Дикарева.</i>	125
Этимологіи въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. <i>Г. Н. Потанина.</i>	127
VI. Критика и библиографія. 1. Отчеты о новыхъ книгахъ.	130—154
Jos. Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmen-schen. <i>H. X.</i> (130).—Rich. Hildebrand. Ueber das Problem einer allgemeinen Entwicklungsgeschichte des Rechts und der Sitte. <i>H. X.</i> (130).—Gust. Le Bon. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. <i>H. X.</i> (134).— А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новейшихъ временъ. Перев. съ нем. подъ ред. Н. А. Мѣдикова. Т. I и II. <i>А. Крымскаго.</i> (135).—П. Кожовцовъ. Къ исторіи средневѣковой филологіи и еврейско-арабской литературы. I. „Книга сравненія еврейскаго языка съ арабскимъ“	

Абу-Ибрагима и бий-Баруна. *А. Крымскою.* (137).— Михайло Драгоманов. Оповідання про задріх богів. *А. Крымскою.* (139).— Georgian folk-tales translated by M a r t o g u W a r d g o r. *А. Хах—ова.* (140).—А. Шахматовъ. Исследования въ области русской фолетники. *Романа Гранста.* (140) В. Ф. Демичъ. Очерки русской народной медицины. *Д. Никольскою.* (143).—К. Н. Бобрицкий. Материалы къ вопросу о физическомъ развитіи современного студенчества. *Д. Никольскою* (144)—И. И. Минкевичъ. Камни, какъ медицинское средство въякъ предметъ обожанія на Кавказъ (Прог. завед. Имп. Кавк. Медич. Общества). *Д. Никольскою.* (145).—Д-ръ Ростовцевъ. Замѣтки о врачебной помощи инородческому населенію въ Россіи. („Ежепедельникъ“, 1894). *Д. Никольскою.* (146).—В. Н. Сторожевъ. 1) Тверское дворянство XVII в. Вып. 1—3. 2) Воронежское дворянство по десятиамъ XVII в. Вып. 1 *И. Х.* (147).—П. Ерусалновъ. 1) Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ.— 2) Жертвоприношенія черемисъ Барскаго уѣз. Уезмеж. губ. по случаю неурожая (Извѣстія Оренбургск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.), *И. Х.* (148).—„Живая Старина“, изд. Отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ., подъ ред. В. И. Ламанскаго. 1894 г. Вып. 1. *Ет. Л—кою.* (151).—„Кубанскій Сборникъ“. (Труды Куб. Обл. Стат. Комитета). Т. II. (1891) подъ ред. Е. Д. Фелицына, т. III (1894) подъ ред. В. А. Щербини. *А. Хах—ва* (152).—Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 г. *Н. Я.* (152).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ 155—164
3. Обзорніе эстонской періодической печати за 1894 годъ.
(Walgus. Eesti Postimees. Olulik). свящ. *К. Тизика.* . 164—166
4. Кавказская библиографія. Предлож. (Тифлиссій Вѣстникъ 1873—1880. Тифлиссій Листокъ 1886—1889). *А. Хаханова.* . 167—168
5. Новости этнографической литературы русской и иностранной 169—178
- VII. Вопросы и отвѣты. Нѣмота и космоязычіе. *А. Малинки.* 179
- VIII. Извѣстія и замѣтки. Десятилѣтіе(1884—1894) Общества изученія Амурскаго края.— Приамурскій Отдѣлъ И. Русск. Географич. Общества; его Троицкосавско-Кяхтинское отдѣленіе и Забайкальская областная еніація.— Изданіе „Памятниковъ древне-русской письменности по малорусскимъ рукописямъ“ и серія этнографическихъ трудовъ общаго характера (во Львовѣ).—Чехо-славянская этнографическая выставка.—Татуировка у италіанцевъ 181
- Поправки къ кн. XXIII и XXIV 183
- Приложенія:* Рисунки финскихъ жилищъ (три табл. №№ 1—18)

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА

Самарскаго уѣзда.

Населеніе Самарскаго уѣзда разнообразно, благодаря большому количеству переселенцевъ, по преимуществу изъ западнаго и юго-западнаго края: хохлы, поляки, литвины живутъ въ смежныхъ селеніяхъ; встрѣчаются поселки отставныхъ солдатъ, нѣмецкія колоніи, татарскія, мордовскія и чувашскія деревни. Всѣ упомянутые поселенцы сохраняютъ вѣроисповѣданіе и обычаи мѣсть, откуда они пришли. Коренное населеніе состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, еще въ прошломъ столѣтіи переселенныхъ своими помѣщиками въ Самарскую губернію изъ различныхъ мѣсть центральной Россіи; съ теченіемъ времени они выработали обычаи, общіе для всего крѣпостнаго населенія этой губерніи, по такъ какъ среди нихъ много старообрядцевъ всевозможныхъ толковъ, то и въ нравахъ явилась нѣкоторая разница.

Въ этомъ очеркѣ мною собраны нѣкоторыя черты изъ жизни православнаго населенія. При собираніи свѣдѣній мнѣ пришлось ограничиться небольшимъ райномъ, заключающимъ въ себѣ нѣсколько селъ и деревень. Благодаря удаленности этой мѣстности отъ губернскаго города (въ 130 вер. отъ Самары) и отъ желѣзной дороги (въ 70 вер.), населеніе наиболѣе сохранило нравы прежней патріархальной жизни; вся обрядность на свадьбахъ, похоронахъ, пѣсни, примѣты и суевѣрія оберегаются стариками и женщинами, передаются изъ рода въ родъ и горячо отстаиваются. Мужчины менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣніе, развивающееся подъ вліяніемъ грамоты, и солдаты, вносящіе въ деревню нравы и понятія городской жизни.

Занятіе здѣшняго крестьянина исключительно земледѣліе; населеніе довольно зажиточное; большинство не довольствуется своимъ

надѣломъ и арендуетъ землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ; сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, полбу; часть хлѣба продаютъ, а себѣ оставляютъ прокормиться до пови, въ крайности до весны. Рядъ неурожайныхъ годовъ тяжело отозвался на населеніи, разоривъ многихъ крестьянъ. Возможность заработка у сосѣда-помѣщика, а зимою извозъ хлѣба служить немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

У женщинъ еще сохранился старинный костюмъ: сарафанъ изъ синей пестрядины, съ густыми складками позади; на спинѣ проймы (щепеть) обшиты позументомъ; спереди рядъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ сарафана яркій ситцевый фартукъ съ оборкой; на подолѣ фартука нашиты въ нѣсколько рядовъ узкія полоски изъ разноцвѣтныхъ ситцевъ. Голову поверхъ повойника повязываютъ краснымъ платкомъ; старухи носятъ темныя цѣта; дѣвушки въ праздничные дни надѣваютъ головной уборъ—ленту съ бисерной сѣткой—„поднизочкой“, спускающейся на лобъ. Мужская одежда дѣлается изъ домашнихъ цвѣтныхъ холстовъ, а армяки, кафтаны и др. верхнее платьѣ, за исключеніемъ шубъ, изъ толстаго, коричневаго домашняго сукна. Въ послѣднее время цвѣтные холсты начинаютъ замѣняться ситцами, а сарафанъ платьемъ городского покроя.

Въ большинствѣ случаевъ слывуть „богатѣями“ и живутъ зажиточно тѣ изъ крестьянъ, которые не дѣлятся, живутъ большими семьями, иногда человекъ по 25—30. Семей такихъ осталось уже немного. Порядокъ и благоустройство держатся въ нихъ безпрекословнымъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ семьи главѣ дома—«отцу и хозяину» и матери—«хозяйкѣ». Себѣ въ помощники хозяинъ беретъ одного изъ сыновей, болѣе энергичнаго, не всегда старшаго; его зовутъ «большакомъ», а жена его «большуха»—помощница хозяйки. На обязанности хозяйки лежитъ распределеніе работъ женщинамъ и стряпня у печи, въ чемъ ей помогаетъ большуха. Снохи и дочери обязаны принести стряпухамъ воды, дровъ, убирать скотину и исполнять другія работы по хозяйству. Лѣтомъ, когда женщины уходятъ на работы въ поле, дома остается только хозяйка и на ея попеченіи малыя дѣти. Хозяинъ распределяетъ работы и расходы; въ его рукахъ находятся всѣ деньги, зарабатываемыя семьей, и въ расходованіи ихъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. На старость онъ прикапливаетъ

себѣ казну, скрывая ее обыкновенно отъ семьи и зарывая деньги въ подпольѣ въ землю. Если онъ не распредѣлитъ при жизни своихъ сбереженій, то послѣ его смерти наслѣдники начинаютъ разыскивать казну, которая иногда безслѣдно пропадаетъ. Названіе клада облакаетъ таинственностью искомое наслѣдство, и случалось, что въ этихъ поискахъ на наслѣдниковъ нападалъ такой суевѣрный страхъ, вызывавшій въ ихъ воображеніи живые фантастическіе образы, что они бросали все розыски. Такимъ образомъ, создались нѣкоторые рассказы о злыхъ духахъ и привидѣніяхъ, охраняющихъклады и мѣшающихъ брать ихъ. Бываетъ, что кто-нибудь изъ семьи выкрадетъ казну рабѣ, и потому все розыски наслѣдниковъ остаются безъ успѣха.

За исключеніемъ хозяина, все члены семьи не имѣютъ личной собственности; какъ трудъ ихъ, такъ и заработанныя деньги всецѣло принадлежать семьѣ. Утаить изъ полочки или купить подарокъ женѣ считается зазорнымъ, какъ-бы воровствомъ изъ общаго капитала, и вызываетъ ссоры. Получки распредѣляются хозяиномъ на нужды домохозяйки, на сѣвъ, аренду, покушку скотины, посуды и др. вещей для хозяйства. Верхняя одежда: тулупы, армяки, шапки, валенки идутъ изъ семьи для всѣхъ ея членовъ, а также расходы по свадьбамъ, похоронамъ, крестинамъ, приемъ и угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Снохъ, вступающей въ семью, разрѣшается имѣть свою «собенну», т. е. отдѣльное имущество, состоящее изъ скотины, 2—3 овецъ, или телки, которыхъ она послѣ свадьбы получаетъ въ подарокъ отъ своихъ родныхъ, или отъ свекра и свекрови. Эта «собенна» и деньги, собранныя ею на свадьбѣ, составляютъ ея оборотный капиталъ; изъ него она должна одѣвать не только себя, но и мужа и дѣтей. Трудъ женщины все время года принадлежитъ семьѣ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые она имѣетъ право поденщиной зарабатывать деньги на свою собенну.

Большія семьи держатся обыкновенно до смерти отца; послѣ его смерти мать уходитъ къ одному изъ сыновей, который и получаетъ на ея долю нѣсколько большую часть наслѣдства. Дѣлятся по жребію; кому выйдетъ домъ, тотъ получаетъ меньшую долю въ скотинѣ и деньгахъ. Матери даютъ право выбрать себѣ, что она пожелаетъ: изъ скотины и изъ имущества. По смерти матери, собственность ея, состоящая изъ коробки (сундука), хол-

ство и различной женской одежды, переходить къ дочерямъ. Въ семьяхъ, гдѣ еще держится уваженіе къ старшимъ, послѣдняя воля имѣетъ большое значеніе; если умирающій отецъ объявлялъ семьѣ свое распоряженіе, стыдомъ считается не исполнить его, а также обидѣть мать при раздѣлѣ.

Насколько въ однихъ семьяхъ держится уваженіе къ родителямъ, настолько въ другихъ на нихъ смотрять, какъ на обузу, въ особенности, если годы сдѣлали стариковъ неспособными къ работѣ и безсильными держать семью въ страхѣ и повиновеніи. Въ бѣдныхъ семьяхъ чаще встрѣчается плохое отношеніе къ родителямъ, особенно къ матери. Выдѣлы изъ семьи одного изъ сыновей происходятъ и при жизни отца, также и полные раздѣлы, при чемъ отецъ выбираетъ, кому остаться съ нимъ въ домѣ, и это считается для избраннаго честью. Солдаты, возвратившись со службы, рѣдко остаются въ семьѣ. Очень часто причиною раздѣловъ служатъ женскія ссоры и неурядицы. На случай раздѣла, богатая семья заранѣе строитъ лишнія избы. При постройкѣ закидываютъ подъ матицу или въ передній уголь шерсть (для разводки скотины) и деньги (для богатства). Переходъ въ новый домъ сопровождается обычаями и повѣртіями. Домовой считается охранителемъ благосостоянія и покровителемъ скотины; является онъ въ видѣ чернаго звѣрка, похожаго на кошку, потому принято въ каждомъ домѣ имѣть кошку для домового; при переходѣ на новое мѣсто въ обычаѣ «зывать домового». Послѣ общей молитвы и родительскаго благословенія, хозяйка начинаетъ вѣть (плакать) и причитаетъ уходящему сыну: «милое мое дитятко, не къ празднику я тебя снаряжаю, а на вѣчное житье». А сноха беретъ въ руки кошку и выходитъ съ нею во дворъ зывать домового и громко кличетъ 3 раза: «милый дѣдушка, родимый, айда съ нами на вѣковѣчную!». Наканунѣ свекровь и сноха затѣваютъ по квашнѣ. Послѣ благословенія берутъ образъ, кочета (пѣтуха), кошку, обѣ квашни *) и идутъ въ новый домъ. Квашню, затѣянную снохою, свекровь уноситъ къ себѣ домой, а свою оставляетъ на новосельи. (Примѣта, чтобы хлѣбородъ былъ въ обѣихъ семьяхъ).

Характерныхъ фамилій не встрѣчается: Макаровы, Панины, Киселевы, Горлановы, Тяжовы. Существуютъ фамиліи изъ про-

*) Подъ квашнею подразумѣвается самое тѣсто.

звищъ, напр. Кривоноговъ, или самая прозвища; такъ семью Новичковыхъ зовутъ Улитиними, по матерѣ Улитѣ, отличавшейся своей энергіей и дѣловитостью. Паниныхъ зовутъ Павловыми по имени дѣда, всѣми уважаемаго въ селѣ; подобныя прозвища связаны также иногда съ памятью о людяхъ особенно порочныхъ. Зять, вступившій въ семью, если вдобавокъ онъ пришлый изъ другой мѣстности, прозывается по фамиліи тестя.

Однообразная трудовая жизнь крестьянина скрашивается празднествами, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ свадьбы; большинство ихъ совершается послѣ Покрова, по окончаніи работъ и уборки хлѣба; вѣнчаніе происходитъ по опредѣленнымъ днямъ: по воскресеньямъ или понедѣльникамъ. Свадьбы въ богатыхъ семьяхъ обставляются наибольшей обрядностью; предшествуетъ вѣнчанію цѣлая недѣля вечеринокъ, «вечорокъ» для парней и дѣвушекъ, подругъ невесты. Послѣ вѣнчанія вся родня гуляетъ и пируетъ нѣсколько дней.

Дѣвушки выходятъ замужъ между 16 и 22 годами. Случается, что и 25-лѣтнюю просватываютъ, но не иначе, какъ за вдовца. Парень женится не ранѣе 18 лѣтъ, или солдатомъ, по возвращеніи со службы. Родители дѣвушки и парня сговариваются повѣнчать своихъ дѣтей иногда за 2—3 года до свадьбы. Если дѣвушка воспротивится выбору родителей, то ее принуждать не стануть, чтобы въ будущемъ не винила она родителей въ своей горькой долѣ. Такіе случаи рѣдки, такъ какъ дѣвушекъ просватываютъ очень молодыми и онѣ подчиняются волѣ родительской. Тайныхъ свадебъ и увоза невесты не бываетъ, но случается, что, получивъ согласіе матери, вѣнчаются тайно отъ отца невесты. Причину такихъ свадебъ служитъ влеченіе молодыхъ людей другъ къ другу, а препятствіемъ личная вражда между родителями жениха и невесты, или разница въ матеріальномъ положеніи; въ случаѣ примиренія съ обманутымъ отцомъ, наступаютъ гулянья и пирушки. Не принято, чтобы женихъ приходилъ въ домъ къ невестѣ, даже въ тѣ праздники, когда его родители угощаются у ея отца; только за недѣлю до свадьбы онъ со своими товарищами является на вечерки. Сближеніе молодыхъ людей происходитъ отъ частыхъ встрѣчъ на гулянкахъ на улицѣ; положеніе нареченныхъ даетъ имъ право гулять вмѣстѣ, а такъ какъ просватываютъ за 2—3 года, то подобное сближеніе молодыхъ людей очень плохо отзывается на

правственности. Случается, что свадьбы расходятся, а дѣвушка несетъ на себѣ всю тяжесть послѣдствій излишняго сближенія и осужденіе, въ то время какъ парень ничего не теряетъ во мнѣніи окружающихъ. Такую дѣвушку выдаютъ въ другую деревню или село, въ болѣе бѣдную семью, или за вдовца. Если парень изъ чужой деревни позволить себѣ излишнее ухаживанье за дѣвушкой, то молодежь вступаетъ за свою односельчанку и расправляется съ нимъ, иногда очень жестоко.

Для сватовства установлена условная форма, и такъ какъ оно почти всегда предвидѣно, то, когда являются родители жениха въ домъ невесты, все уже приготовлено къ ихъ приѣму. Сваты садятся подъ матицей и начинаютъ разговоръ въ аллегорической формѣ, напр.: «У васъ бѣлъ ленокъ, а у насъ ковылокъ: хорошо бы ихъ соединить!» Или: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ: не продадите-ли?» Если сватаютъ за годъ и болѣе, то отвѣчаютъ, что товаръ еще не доспѣлъ до дѣла, можно и повременить. Затѣмъ идутъ въ чуланъ*), гдѣ сидитъ невеста, спросить ея согласія. Когда сватаютъ неподходящаго, неожиданнаго жениха, то прямо не отказываютъ, что равносильно обидѣ, а отговариваются молодостью невесты и нежеланіемъ выдавать ее въ этотъ годъ. Въ случаѣ взаимнаго соглашенія рядятся въ кладкѣ. Кладкою называются расходы жениха по свадьбѣ, угощенію и подарки невестѣ. Состоитъ кладка изъ слѣд.: водки 2—3 ведра и болѣе; иногда выпиваютъ на 70—80 руб.; баранины 2—3 пуда; невестѣ башмаки и валенки. Если родители невесты небогатые, то выговариваютъ на пиво 2—3 пуда муки и 1 пудъ солоду, а невестѣ шубу.

Свадьба состоитъ изъ трехъ періодовъ: 1) *зпной*, на которомъ происходитъ рукобитіе; онъ назначается черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства; 2) *оповѣщеніе* за недѣлю до вѣнчанія, и 3) *обрученіе*, собственно самое вѣнчаніе, такъ какъ предварительное обрученіе и обмѣнъ кольцами не въ обычаѣ.

Смотрятъ крестьяне на женщину, какъ на рабочія руки; сильная, здоровая дѣвушка, хорошая работница, выхода замужъ, будетъ пользоваться въ новой семьѣ лучшимъ положеніемъ, чѣмъ другая сноха, непроторная или болѣзненная. Этимъ взглядомъ

*) Чуланъ—крошечная комнатка, отгороженная отъ горницы.

на женщину обусловливается и самый обычай прощанія невесты и угощенія ея родни со стороны жениха. Отсюда названіе запо-емъ того дня, въ который объявляютъ свадьбу, и поговорка: отецъ жениха говорить отцу невесты: «я тебя пою до вѣнца, а ты меня до ковца», т. е. до конца жизни. До вѣчанія родитѣ жениха приходится искать расположенія родныхъ невесты, но разъ она вступила уже въ новую семью, ея родители, чтобы жилось ей лучше, постараются ладить со свекромъ и свекровью. За богатаго жениха дѣвушка не стремится выходить, такъ какъ въ богатыхъ семьяхъ хозяйство большое, замучать на работѣ, и молодухи первое время не выдерживаютъ и заболѣваютъ отъ непосильнаго труда. «У свекра деньги на крестѣ, а у снохи грязь на хвостѣ», говоритъ пословица. Предпочитаютъ выходить въ небольшую семью, чтобы снохъ было немного, меньше ссоръ и сплетенъ, а главное были бы добрые, справедливые люди.

Дѣвушка съ 12 лѣтъ сама начинаетъ заготавливать себѣ приданое. Она копить деньги, какъ подаренныя, такъ и заработанныя (по воскресеньямъ она имѣетъ право работать на себя и идти на поденщину къ сосѣду-помѣщику); на нихъ она покупаетъ ситцы, выжеть варежки, чулки, шарфы себѣ и будущему суженому. Мать съ своей стороны копить для дочерей холсты и всякую одежду.

Въ приданое даютъ *коробью* (сундукъ), или коробку съ холстами, бѣлыми и цвѣтными. Бѣлыхъ холстовъ даютъ по 10 кусковъ, въ кускѣ 22 арш., цвѣтныхъ или пострядины по 5 кусковъ; изъ цвѣтнаго холста невеста шьетъ для жениха шаровары и рубахи по 6 штукъ. Затѣмъ въ коробью идутъ полотенца, сарафаны и др. женская одежда.

Постель, т. е. подушки и дерюгу, вмѣсто одеяла, тоже приносятъ невеста, а войлокъ, на подстилку, идетъ отъ жениха. Кромѣ того, молодая должна имѣть для своего хозяйства хребтугъ (торба), пологъ для перевозки зерна, мѣшокъ для муки (для этихъ вещей вырабатывается изъ оческовъ льна и ковоили очень грубая, толстая и прочная ткань), затѣмъ полотенце и столешникъ (скатерть). Если вещи не укладываются въ коробью, то мать невесты отдаетъ ихъ свекрови, когда приходитъ на горной столъ, т. е. на угощеніе въ домѣ молодыхъ послѣ вѣнца. Въ прежніе годы женихъ дарилъ невестѣ подвѣчный нарядъ, который присылалъ съ подружьемъ наканунѣ свадьбы. Въ настоящее время подружье

спрашиваютъ: «Если что нужно для невесты — спрашивайте, не нужно — отказывайте»; обыкновенно отказываютъ.

Запой обставляется слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день родители жениха созываютъ всѣхъ своихъ родныхъ, въ сопровожденіи которыхъ ведутъ жениха въ домъ невесты и несутъ съ собою водку на угощеніе невестинной родни. Крестный отецъ и крестная мать занимаютъ на свадьбахъ почетное мѣсто, они-же посажонные, а крестная мать зовется свахою. На запой женихова сваха несетъ невестѣ сладкій пирогъ съ изюмомъ, а подругамъ невесты «курникъ*») и «закуску», т. е. лакомства, орѣхи, пряники и конфеты; все это сваха отдаетъ дѣвушкамъ, какъ только придетъ въ домъ невесты. Изъ парней женихъ выбираетъ себѣ товарища, знакомаго или родственника. Товарищъ сопровождаетъ жениха на запой и другія свадебныя празднества и имѣетъ исключительное право свободно обращаться съ подругами невесты, цѣловать ихъ и шутить съ ними.

У невесты на запой собираются всѣ ея родные и въ ожиданіи жениха разсказываются по лавкамъ въ переднемъ углу. Невеста съ подругами сидитъ въ чухалѣ. Когда является женихъ со своими родными, его впускаютъ въ домъ послѣ нѣкотораго сопротивленія. — «Ожидали-ли такихъ бунтовщиковъ?», спрашиваетъ отецъ жениха. — «Можемъ ихъ назадъ проводить», отвѣчаютъ родные невесты. Затѣмъ всѣ входятъ въ избу и останавливаются въ ожиданіи рукобитія, къ которому тотчасъ-же приступаютъ. На столѣ уже приготовленъ круглый пшеничный хлѣбъ (пирогъ); всѣ присутствующіе молятся Богу; отецъ жениха кладетъ на хлѣбъ правую руку ладонью вверхъ, мать покрываетъ ее своею рукою ладонью внизъ; родственница невесты, сноха или другая молодая женщина, покрываетъ ихъ руки концомъ полотенца. Выше складываютъ крестные жениха свои руки; ихъ покрываютъ тѣмъ же полотенцемъ, перегибая его. За ними еще выше складываютъ руки родители и крестные невесты; руки ихъ перекладываютъ тѣмъ-же полотенцемъ. Тогда отецъ невесты, призывая въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ родныхъ, объявляетъ имъ, въ какой кладкѣ уговорились съ женихомъ, и прибавляетъ, что, въ случаѣ отказа отъ брака, несо-

*) Курникъ — пирогъ съ говядиной, иногда съ кашей и яичами, а также съ курицей.

гласная сторона обязуется уплатить неустойку въ 25 руб. Та-же родственница раскрываетъ руки и снимаетъ полотенце. Во время рукобитія невѣста вѣснть въ чуланѣ, причитая:

«Не влады, родимый батюшка, свои За думушки, за крѣпкія,
 бѣлы рученьки, За слова, за вѣрныя!
 Не за поручивай мою буйную голо- Не дѣль ты мнѣ, батюшка,
 кушку На рѣвы воженъки подняться,
 За поруки, за великія, Съ подруженьками сравниться!»

Послѣ рукобитія жениха сажаютъ подъ образа между его крестными, а рядомъ съ нимъ товарища. Подлѣ свахи садится мать, подлѣ крестнаго отецъ жениха и далѣе вся родня жениха по старшинству. Отецъ жениха начинаетъ угощать своимъ виномъ родныхъ невѣсты; прежде всѣхъ онъ подноситъ отцу невѣсты два стакана водки, которыми они обмѣниваются три раза и выпиваютъ. Невѣста вѣснть въ это время слѣдующее:

«Пей-ка, родимый батюшка, пей! Назадъ выкупишь,
 Меня не пропей. А меня пропьешь,—
 Пропей, батюшка, верона коня. Ты не выкупишь.
 Ты его пропьешь,—

Или:

Ужъ ты, батюшка, пей, Ты его пропьешь,—
 Да меня не пропей! Назадъ выкупишь,
 Пропей, батюшка, А меня пропьешь,—
 Свой широкой дворъ. Ты не выкупишь.

Когда свать подноситъ вино матери, невѣста причитаетъ:

«Ужъ ты, матушка, пей, Ее пропьешь,—
 Да меня не пропей! Назадъ выкупишь,
 Пропей, матушка, А меня пропьешь,—
 Коробью съ добромъ, Ты не выкупишь.

Тѣ же причитанія она повторяетъ, когда свать угощаетъ ея крестныхъ отца и мать. Затѣмъ дѣвушки хоромъ поютъ пѣсню.

«Нащиплю я себѣ хмѣлю ярового; Охъ, ты пей-ка! меня не пропей-ка!
 Наварю я себѣ пива молодого. Пропей, батюшка, коня своего воро-
 Призову я къ себѣ батюшку род- ного,
 ного: Да съ сѣделочкою, да съ упряжеч-
 Охъ ты, батюшка, да ты родимый, кою!»

Изъ чулана выходить невестина сваха и подаетъ жениху на кругломъ блюдѣ подарокъ отъ невесты: шарфъ, перчатки, платокъ. За нею идетъ невеста и подноситъ жениху двѣ рюмки съ виномъ; они обмѣниваются три раза рюмками, отпиваютъ, цѣлуются, и невеста уводитъ въ чуланъ жениха и его товарища.

Тогда всѣ родные садятся за столъ обѣдать, а дѣвушки поютъ величанія роднымъ жениха.

Первое величаніе жениху — „Будри русы:“

Ужъ какъ будри русы!
По плечамъ будри лежать,
Ровно жаръ горять,
Развиться хотять,
Жениться велять.
Женись, женись, дитятко,

Бери богатаго купца дочь,
Собою личную,
Отъ людей отличную,
Рѣчьми разговориву,
Лександру Гаврилову!»

Затѣмъ товарищу жениха:

Розинъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
По горницѣ ходишь,
Манерно ступаешь,
Сапожки козловые,
Чулочки шелковые.
Въ зеркало глядишь,—
Самъ на себя дивишься.
На добра коня садишься,—
Подъ нимъ конь-то веселится.

Онъ тросточкой машешь,—
Подъ нимъ конь-то пляшетъ.
Лугами-то ѣдешь,—
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Соловухи расцвѣтаютъ.
Его дѣвушки встрѣчаютъ,
За дубовый столъ сажаютъ,
Скатерть бѣлу разстилаютъ,
Стаканъ вина наливаютъ,
На подносѣ поднашаютъ.

Отцу жениха поютъ:

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ ль-
ветъ:
Авдотья Петра къ сердцу жметъ.
«Это правда твоя, вся истинная.
Подвинься, Авдотьюшка, поближе ко
мнѣ!
Ты будешь помилѣе мнѣ.
Скажи-ка, Авдотьюшка, кто милѣе
тебѣ?»

Матери жениха поютъ «Щепетиху»

«Ужъ ты, Авдотьюшка, щепетиха!
Ты, Петровна, щеголяха!
Она пишетъ къ обѣднѣ не ходишь;
Все бы ей на лошадакъ, басть.
Подъ ней кони вороные,
Что взвошчички молодые,
Не женатые, холостые.»

Крестному отцу жениха:

— «Мнѣ милѣе милешенекъ ты, яс-
ной соколъ!»—
«Эго, Петровна, правда твоя вся,
истинная».

«Какъ у чарыньки у серебряной зо-
лотой вѣнокъ!
У Григорія у Митрича дорогой умъ-
разумъ!»

Гдѣ ни ходить, ни гуляеть,	Выйди меня встрѣтить!
Спать домой приходять:	«Нейду, нейду, не встрѣчаю,
Брячить за колечко,	Сына я качаю,
Брячить за золотое.	Легко отвѣчаю,
«Выйди, выйди, Дарьюшка (или его жены),	Перемѣны себѣ чаю!

Свахѣ или крестной матери жениха:

Хвалилась сваханька житьемъ-бытьемъ, богатствомъ.	Она пишеть, въ обѣдѣ не ходить;
«У меня много житья-бытья:	Все бы ей да из лошадакаъ, баетъ,
Шесты лемится шелковѣхъ платьевъ».	Подъ ней кони вороные, Извозчички молодые, Не женаты, холостые.

Дѣдушкѣ или старшему родственнику:

Ходить Митрій по двору,	Аксиньюшка молвить: «а это—мой
Гуляеть Павлончъ по широкому.	ясной соколъ!»!
А люди то молвятъ: чей то такой? А это, Аксиньюшка, правда твоя, правда истинная.	

Всѣхъ родныхъ жениха величаютъ по старшинству. Родныхъ невѣсты на заюф не величаютъ.

Величаніе жениху:

Вѣлому румяному,	Платочекъ батистовый,
Русому кудрявому,	Михайло написанный.
Михайлу Дмитриевачу, —и его невѣстѣ:	А другой атласный, Дмитричъ прекрасный.
Лежала тесина черезъ синее море,	А третій зеленый,
Лежала тесина.	Михайло веселый.
По этой тесинушкѣ свѣтъ Михайло переходилъ.	Въ кобѣ лента злая, Лександрушка бравая.
Лександрушку переводилъ.	Другая атласная,
Вотъ луга, луга, луга—	Григорьевна прекрасная.
Парень дѣвущкѣ слуга!	Третья зеленая.
Вотъ зеленые луга—	Лександрушка веселая.
Парень дѣвущкѣ слуга!	

Брату жениха женатому и его женѣ:

Какъ по сѣничкамъ тутъ ходила, погуливала	Она ходила, похаживала, Она будила, побуживала,
Молода жена, боярыня,	Своего ли друга милаго,
Барвара, свѣтъ Ивановна.	Свѣта Петра Иваныча.

Послѣ всякой пѣсенки одна изъ дѣвушекъ подходитъ къ тому лицу, которое величали и просить «на пѣсенку»; даютъ 2—3 коп. на угощеніе дѣвушкамъ.

Обѣдъ на свадебныхъ и др. пиршествахъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: 1) похлебка съ картофелемъ и мясомъ (говядиной или бараниной), съ клецками изъ яицъ и муки, 2) лапша, 3) жареная свѣжиня (часть говядины или баранины), 4) иногда жареный поросенокъ, 5) салыикъ—каша гречневая съ саломъ, топленая въ плошкахъ, 6) пшеникъ—каша изъ пшена съ яйцами, топленая въ плошкахъ, 7) лепешникъ—лепешки или блины изъ гречневой муки, перемазанныя масломъ, 8) курникъ—пирогъ изъ пшеничной муки съ говядиной или курицей, 9) пышечникъ—круглый пирогъ, состоящій изъ маленькихъ пышекъ, испеченныхъ изъ пшеничной или гречневой муки, 10) сладкіе пирожки или пирогъ съ изюмомъ: крышка пирога сдѣлана рѣшеткою, въ отличіе отъ пирога, подаваемого на похоронахъ, который закрываютъ сверху сплошнымъ блиномъ. Кончается обѣдъ свѣжиною, которую подаютъ вторично.

Какъ ежедневно за обѣдомъ, такъ и на пирахъ ѣдятъ все вмѣстѣ, не соблюдая старшинства при раздѣленіи пищи. Только право рѣзать свѣжину принадлежитъ хозяину дома. Въ ожиданіи гостей хозяйка развѣшиваетъ по стѣнамъ утиральники (полотенца), которые служатъ вмѣсто салфетокъ. Хлѣбъ пшеничный зовется пирогомъ, а ржаной—караваемъ. Изготовленіе нѣкоторыхъ кушаній различно въ соседнихъ селахъ, что дало поводъ къ прозвищамъ. Такъ напр. въ Липовкѣ пекутъ курники съ говядиной и курами, а въ Дмитровкѣ съ кашей и съ яйцами; потому Липовцы въ насмѣлку прозвали Дмитровцевъ „кашниками“, жителей деревни Садковъ прозываютъ „кужѣнками“, такъ какъ они часто пекутъ ватрушки. Ватрушка—кужѣнка.

Послѣ обѣда родные жениха идутъ въ чуланъ прощаться съ невѣстой и дарятъ ее, родители по 1 р. и меньше, а остальные родные, кто сколько можетъ—и по 5 коп. Женихъ и товарищъ его запрягаютъ лошадей и везутъ подругъ невѣсты кататься по селу. Невѣста остается дома. Возвратившись съ прогулки, молодежь пляшетъ, поетъ пѣсни и угощается лакомствами, принесенными свахой. Родные жениха уводятъ съ собою родныхъ невѣсты „на колышки смотрѣть“, т. е. на жениховъ домъ, гдѣ ихъ ждетъ угощеніе.

За недѣлю до свадьбы происходит *оповѣщеніе*. Сватья сговорятся, когда прислать бабъ, и въ назначенный день 4—5 женщинъ изъ жениховой родни идутъ къ невѣстѣ „съ повѣстью, съ гостинцемъ“ (дѣвушки съ повѣстью не ходятъ). Гостинецъ состоитъ изъ печатки душистаго мыла, серегъ, борка (борокъ—бусы), ситца на кофту и курника; несутъ его сестра или сноха. Женщинъ ждетъ у невѣсты угощеніе, а дѣвушки поютъ имъ пѣсни и величаніе. Кладку отвозитъ отецъ жениха самъ накануне оповѣщенія, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ее везетъ одинъ изъ родственниковъ, когда бабы идутъ съ повѣстью. Съ этого дня и до обрученія цѣлую недѣлю невѣста не имѣетъ права выходить изъ дому.

Къ ней сходятся подруги, дѣвушекъ 10, гостить у нея всю недѣлю, помогая дошивать приданое; вмѣстѣ съ невѣстою онѣ „плачутъ по косѣ“.

Плачь по косѣ состоитъ изъ различныхъ причитаній, въ которыхъ описывается свободная, беззаботная жизнь дѣвушки и предвидится тяжелая замужняя доля. Невѣста вопить, обращалась къ подругѣ:

«Ты поди-ка-си, милія подруженька,	Своими горькими слезами!
Бо жей, во свадьбѣ горькой!	Знать, не долго мнѣ съ вами, подру-
Не прогибайся на меня, маля под-	женки,
руженька,	Сидѣть въ красныхъ дѣвушкахъ!
Что не вышла я, тебя не встрѣтила	Распоследніе деньки счетные,
Среди пути дороженька!	Распоследніе часы минуточки!
Я встрѣтила тебя только	Отойдешь-то, знать, мнѣ, подруже-
Среди новой своей горенки;	ньки,
И словами-то я тебя не ласковыми,	Воля батюшкина, и нѣга-то матуш-
	кина».

Другое причитаніе.

«Милы мои подруженьки,	Отойдутъ-то съ вами всѣ гульбы,
Отгуляла-то я по широкой по улицѣ,	забавушки,
Отпѣла-то я съ вами развеселы нѣ-	Всѣ дѣвичьи прохладушки!»
сенки;	

Подруги поютъ пѣсню, въ которой рассказывается, какъ сваха послѣ вѣнца будетъ убирать голову новобрачной:

«Вечеръ мою косынку въ банѣ па-	А къ поднимъ-то мою косынку
рили;	сваха распела,
А по утру-то мою косынку подруги	Раздѣляла мою косынку на шесть
птели;	долей,

Запела же косыньку на двѣ косы, Покрыла же косыньку краснымъ бу-
 Положила косыньку поверхъ головы, мачень».

На это невѣста отвѣчаетъ:

«Не пойте, мила подруженьи, Безъ веселой пѣсенки
 Миѣ веселу пѣсену! Миѣ растошнихонько».

По вечерамъ приходитъ женихъ съ товарищами и приноситъ невѣстѣ гостинецъ, орѣхи, пряники, конфеты, а дѣвушкамъ подсолнухи. Невѣста сидитъ съ нимъ въ чуланѣ, тогда какъ ея подруги играютъ и танцуютъ съ парнями. Такіе вечерки устраиваются въ теченіе всей недѣли и составляютъ самое большое удовольствіе для молодежи. Кромѣ свадебныхъ вечеровъ не существуетъ въ домахъ общихъ собраній для парней и дѣвушекъ. Изъ плясовыхъ пѣсень для молодежи приняты только двѣ, Чижикъ и Лебеда. Чижика танцуютъ парень и противъ него одна или двѣ дѣвушки. Хоръ окружаетъ танцующихъ и поетъ:

Чижикъ, чижикъ, чижикъ,	Танцевать заставила.
Маленькій воробушекъ!	У чижика на рукѣ
Не я тебя вспоила,	Спята дѣвица и красавица,
Не я тебя векормила,	Видитъ чижика во снѣ,
На ножки поставила,	Улыбается.

Лебеду танцуютъ съ фигурами попарно парень съ дѣвушкой, взявшись за руки, въ 4 пары и болѣе. Хоръ поетъ:

Я пошю лебеду на берегу,	Со донскимъ, со молодымъ казакомъ.
Свою крупную рассадушку.	Со удалымъ, добрымъ молодцомъ.
Погорѣла лебеда безъ дождя.	Пошлю я казака по воду. —
Свакала я, паясала по лугамъ,	Ни воды вѣтъ, ни казаченьки.
По зеленымъ дубравушкамъ,	

Пѣніе и пляска сопровождаются игрою на дудкахъ, издающихъ тонкій однообразный звукъ. Дудка состоитъ изъ двухъ тоненькихъ трубочекъ съ отверстиями по бокамъ, вставленныхъ на равной высотѣ въ коровій рожокъ.

Игра въ сосѣди—единственная. Выбираютъ старосту, который спрашиваетъ у играющихъ, довольны-ли сосѣдомъ; недовольные смѣняются мѣстами.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ всю недѣлю передъ вѣнчаніемъ женихъ и невѣста читаютъ молитву. „Живый въ помощи“ для счастливой супружеской жизни.

Наканунѣ свадьбы по-утру дѣвушки топятъ баню для невѣсты и приговариваютъ:

«Топись-ка, нова банюшка, Варитесь мылки щелочка,
Калитесь желти камешки, Про душу ли, про Марьюшку!»

Затѣмъ покрываютъ невѣсту фатой и ведутъ въ баню. По возвращеніи невѣста благодарить за баню родителей, братьевъ, снохъ и всѣхъ домочадцевъ, кланяясь имъ въ ноги и приговаривая: «Благодарю тебя, родимый батюшка, на парной на банюшкѣ; а тебя, родима матушка, на шелковомъ на вѣничкѣ».

Одна изъ подругъ или сестра принимаютъ за расчесываніе волосъ, а невѣста со слезами причитаетъ:

Подойди-ка ко мнѣ, мила сѣстрица,	Посередь косы плети-ка желѣхонько,
Ко моей ко буйной головушкѣ!	Вплетай шелкову косоплеточку;
Ты бери-ка-ся во праву во руче-	На конецъ-то моей косыньки
ньку	Вяжи узлы частые;
Мелко частый гребешокъ!	Въ шелкову то косоплеточку
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку	Подвяжи мои злы ленточки,
гладехонько,	Розовыя, разбукетовыя;
Плетяка-ка русу косыньку часте-	На буйну головушку
хонько.	Подвяжи мою подвязочку!»

Сестра отвѣчаетъ:

Пшла я тебѣ, мила сѣстрица, русу	На концѣ-то косыньки вязала узлы
косыньку,	частые;
Пшла ее размелѣхонько;	Въ шелкову косоплеточку вязала злы
Посередь твоей косыньки вплетала	ленточки;
расшелкову косоплеточку.	На буйну то головушку разбисерну
	подвязочку.

Обѣ плачутъ. Причесавъ невѣсту, дѣвушки принаряжаются и идутъ за пивомъ и за мыломъ; съ ними идутъ женщины, родственницы, всего 15 человекъ. Родные жениха ожидаютъ посланныхъ отъ невѣсты, но жениха прячутъ. Сестра невѣсты говоритъ: «Вотъ возьмите ведро, невѣста угорѣла, вашего пивца захотѣла». Ей отвѣчаютъ, что это дѣло жениха, а его нѣтъ дома. Сестра невѣсты кличетъ его три раза по имени—и женихъ выходитъ наливать пиво. Дѣвушки поютъ ему величаніе «кудри русы». Затѣмъ просятъ у жениха палочку нести ведро и за палочку поютъ ему пѣсенку. Женщины въ сопровожденіи поддрузья несутъ невѣстѣ ведро съ пивомъ, мыло и курникъ.

Женихъ запрягаетъ лошадей и везетъ дѣвушекъ кататься, подѣхавъ къ невѣстиному окну, онъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ. Принесенное подружьемъ ведро съ пивомъ дѣвушки покрываютъ платкомъ, который невѣста даритъ подружью, и приговариваютъ: „У нашего платочка четыре уголочка, пятая середочка.“ Подружье его выкупаютъ, дая дѣвушкамъ деньги.

Вечеромъ къ невѣстѣ сходятся всѣ родные, и если свадьба небогатая, то приносятъ съ собою угощеніе (говядину, хлѣбъ, масло, яйца). Крестная несетъ «на косу» невѣстѣ въ подарокъ рукава^{*)}, крестный отецъ образъ и хлѣбъ, которыми они будутъ благословлять невѣсту. „На косу“ даритъ деньги; при прощаньи всѣ дарятъ „на косу“ невѣстѣ. Это собраніе называется главнымъ вечеромъ и устраивается только въ томъ случаѣ, если родные невѣсты передъ вѣчаніемъ не дѣлаютъ обѣда и угощенія.

Наканунѣ свадьбы къ жениху сходятся всѣ родные на „собраніе“, на которомъ происходитъ выборъ дружки. Въ дружки выбираютъ старшаго изъ родныхъ; его обязанность быть полнымъ распорядителемъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ; въ знакъ его полномочій ему даютъ кнутикъ, для расправы съ бунтовщиками. Все время, пока онъ состоитъ при своей почетной должности, называется «дружкойной большиной». При выборѣ дружки къ нему подходитъ отецъ [жениха, угощая его виномъ, а женихъ кланяется ему въ ноги, говоря: «Послужи съ конемъ, съ сѣдломъ, съ молодецкой уравой въ дружки». Эти слова служатъ отголоскомъ стариннаго обычая увоза невѣсты. Дружка заставляетъ себя просить три раза, наконецъ, соглашается и съ тѣми-же словами просить себѣ въ помощники подружья.

Крестному, онъ же и посаженный отецъ, оказывается особый почетъ: его выбираютъ въ тысяцкіе. Во времена крѣпостного права должность тысяцкаго была самой почетной для крестьянина, и въ свадебныхъ обрядахъ сохранили это названіе для самаго почетнаго гостя. Послѣ тысяцкаго выбираютъ подсвашника беречь сваху, и четырехъ кучеровъ въ правльщики. Дальніе родственники везутъ за поѣздомъ жениха лагунь съ пивомъ и называются

*) Женская рубашка дѣлается изъ 2 матерій; ставъ изъ синей пестрядины, а верхняя часть, закрывающаяся сарафаномъ, и рукава—изъ ситца; она то и называется рукавами.

лагуниками. За выборами слѣдуетъ обѣдъ. За столомъ женихъ сидитъ рядомъ съ крестнымъ, подъ образами. Друга садится съ краю и кличетъ кличъ, который онъ повторяетъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ:

Есть ли у нашего князя наречен- Шевелись, не лѣнись, поворачи-
наго, вайся,
У его отца и матери, Что есть въ печи, все на судну ла-
Поваръ батюшка, поварушка ма- вочку меча!^{*)}
тушка?

Передъ переменной кушанья, дружка, повторяя кличъ, заканчи-
ваетъ его:

Блюдечко наливай, другимъ накры- Гости сидятъ, поѣсть хотятъ!
вай, Гости сидятъ, переменнымъ хотятъ.
Намъ на столъ подавай!

Затѣмъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго, Давайте пива двойнаго,
У его отца и матери, Нѣтъ двойнаго—простаго,
Гвоздара, бочкаря, скорые поспѣш- Нѣтъ простаго—безъ простаго!
ники? Повсюду дожди, и здѣсь не канетъ.

По окончаніи обѣда гости благодарятъ хозяевъ, говоря: „мы
вашей бѣдѣ кланяемся“.

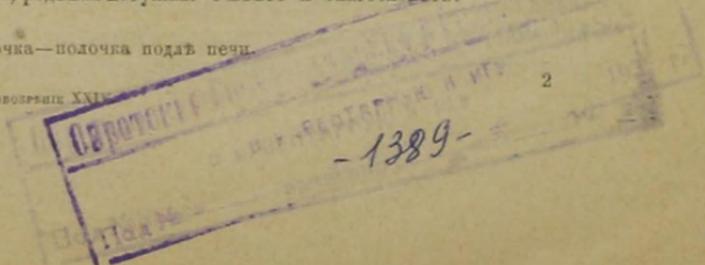
На слѣдующій день наступаетъ *обрученіе*.

Къ вѣнцу жениха собираетъ сваха, одѣваетъ его; отъ порчи,
отъ глаза насыпаетъ ему въ карманы и въ сапоги пшена, а въ одежду
втыкаетъ иголки и булавки. У жениха собираются всѣ поѣзжане.
Передъ благословеніемъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ:
„Гости званы, гости браны, господа поѣзжане, прошу покорно
изъ двора, да въ хату!“

„Заводится поѣздъ“, т. е. готовятся къ выѣзду, садится
за столъ закусить. Затѣмъ дружка зоветъ „благословлять на
мѣсто“:

Есть ли у нашего князя наречен- Умѣли свою дитятку вспоить, вскор-
наго жить,
Родимый батюшка, родимая матушка? Умѣйте и благословить!

*) Судна лавочка—подочка подвѣ печи.

Благословляютъ жениха отецъ и мать; дружка кличетъ также крестныхъ, и они благославляютъ оба однимъ образомъ. Къ невѣстѣ ѣдутъ впереди дружка съ подружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ, сваха съ подсвашникомъ, а позади лагуниники. Невѣсту къ вѣнцу свариваютъ сваха и братъ.

Братъ ее обуваетъ и кладетъ деньги въ правый башмакъ, чтобы богато жила. Отъ порчи въ сарафанъ втыкаютъ 3 иглы, подпоясываютъ сверхъ сорочки кускомъ отъ бредня; на гайтанъ (снурокъ, на которомъ виситъ крестъ) привязываютъ написанную воскресную молитву („Да воскреснетъ Богъ“). Сестра или подруга причесываетъ невѣсту и заплетаетъ косу, а невѣста вопитъ:

Подойди-ка, мила сестрица,	Плети-ка русу косыньку частехонько,
Ко моей ко буйной головушкѣ!	Посередѣ косы плети-ка мелехонько,
Ты бери-ка-ся во праву рученьку	Вилетай шелкову косоплеточку,
Мелкѣ частой гребешокъ!	На конецъ-то моей косыньки
Чепи-ка ты мнѣ буйну головушку	Вилети страсти-ужасти,
гладехонько,	Три ножичка разбулатныхъ!

Затѣмъ невѣсту покрываютъ фатой, выводятъ въ горницу и сажаютъ подъ образа рядомъ со свахой. Братъ со скалкою или полѣномъ въ рукѣ садится подлѣ невѣсты. Закрываніе лица невѣсты фатою указываетъ на отголосокъ стариннаго русскаго обычая. На столъ передъ невѣстой подруги ставятъ „крѣсту“ (сокращеніе слова красота), цвѣтокъ или березку, украшенную конфетами и лентами. Прѣзжкаетъ поѣздъ съ женихомъ. Дружка подходитъ къ крыльцу и читаетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Сейчасъ же начинаютъ благословлять невѣсту. Дружка подходитъ къ крыльцу, повторяя молитву. Когда кончится благословленіе невѣсты, дружкѣ отвѣчаютъ, «аминь»; на встрѣчу ему выходятъ крестный и отецъ невѣсты, подносятъ дружкѣ стаканъ вина и ведутъ его въ избу выкупать „крѣсту“ и дѣвичью косу, а поѣзжане съ женихомъ ожидаютъ во дворѣ.

Войдя въ избу дружка говоритъ, обращаясь къ подругамъ:

«Шипи ворбна, соколъ на мѣсто!» Но подруги окружаютъ невѣсту и требуютъ выкупа дѣвичьей красоты; дружка, выкупая крѣсту, даетъ дѣвушкамъ деньги (20—30 коп.), невѣста же вопитъ: «Не продавайте, милы подруженьки, мою раздѣвичью крѣсоту не пуцайте моихъ разлушниковъ!» Дѣвушки, получивъ выкупъ, разступаются, убираютъ крѣсту. Дружка повторяетъ братьямъ:

«Шинь ворона, соколь на мѣсто!» Братья замахваются на него скалкой и говорят: «У нашей сестрицы по рублю косица, по копѣйкѣ волосокъ!» Невѣста вопить:

Не берите, мои родные братцы, зо- Въ золотой то чарѣ зелено вино,
лотую чару, Зелено вино распропейчиво;
Она приманчива, да обманчива. Пропьете вы меня, не выкупите.

Дружка кладетъ въ стаканъ денегъ и наливаетъ водки; братъ, выпивая, требуетъ еще выкупа, наконецъ уступаетъ свое мѣсто (деньги идутъ брату, или невѣстѣ). Тогда дружка приглашаетъ въ избу жениха и поѣзжанъ. Сваха жениха приноситъ лакомства и курникъ, кладетъ ихъ на блюдо на столъ и выкупаетъ такимъ же образомъ косу невѣсты у невѣстиной свахи. Невѣста вопить:

Ты почто, распрѣзжая свахонька, Стану дѣвать свою дѣвичью крѣ-
Ко мнѣ близко приближашься, согу?
Ко моей-то ко русой косынкѣ Во чистѣ поле мнѣ ее пустить—
Силѣ больно пристунаешься? замарается,
Пледа то мнѣ русу косынку, Во снѣ-то море пустить—заку-
Пледа мила сѣстрица; нается,
На конецъ то моей русой косынки Во темный-то лѣсъ пустить—за-
Влетала страсти-ужасти, плуруется;
Три ножичка разбулатныхъ. Звать отказать-то ее милой сѣст-
Ты обрѣжешь свои бѣлы рученьки, рницѣ!
Замарашь на мнѣ расцвѣтно платѣ, Натка-ся, мила сѣстрица,
Расцвѣтно платѣ—подѣвичное. Неси ее соблюдаючи,
Ну, куда-жь теперь, распрѣзжая Меня горьку воспоминаючи!
свахонька,

Сваха жениха расплетаетъ косу, кладетъ ленты на курникъ и отдаетъ блюдо дѣвушкамъ. Ленты переходить въ пользу сестры или подругъ невѣсты. Всѣ гости кладутъ деньги невѣстѣ «на косу», затѣмъ садятся за столъ обѣдать; дружка выкликиваетъ кличь стряпухамъ. Жениха и невѣсту сажаютъ подъ образами между свахами и кладутъ имъ ложки и вилки черенками въ обратную сторону, чтобы показать, что они не имѣютъ права ѣсть.

Послѣ обѣда поѣздъ собирается въ церковь. Впереди ѣдутъ дружка съ подружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ отцомъ, а невѣста со своею свахой. Къ дугѣ невѣстиной повозки привязываютъ три платка, которые невѣста даритъ своимъ братьямъ—кучерамъ. Изъ родныхъ невѣсты въ церковь ѣдутъ только сваха

и братья. Передъ отъѣздомъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ:

Бояре, господа поѣзжане,
 Будьте по мѣстамъ,
 Какъ ясны соволы по гаѣздамъ!
 Чинь чина почитать,
 Другъ дружку не забывать!

Дружка съ подружьемъ,
 Тысяцкій—большой баринъ,
 Сваха съ подсвашникомъ!
 Не всѣмъ на имя, а всѣмъ челомъ!

Съ образомъ (благословеніемъ жениха) въ рукахъ онъ обходитъ вокругъ поѣзда, крестится, ударяетъ кнутомъ лошадь и повторяетъ кличъ, такъ до 3 разъ. Затѣмъ дружка подходит къ воротамъ, но отворить ихъ не пускаютъ родные невѣсты, требуя выкупа. Выкупивъ ворота и открывъ ихъ, дружка чертитъ кнутомъ крестъ на землѣ среди поѣзда; затѣмъ пропускаетъ повозки, давая всякому поѣзжанину цѣловать икону. Дружка провожаетъ поѣздъ до церкви и снова возвращается въ домъ невѣсты, выкупать приданое, коробью, на которой сидитъ сноха или братъ и требуетъ выкупа. По выкупѣ коробы дружка уѣзжаетъ въ церковь, а «коробошники», братъ, сестра, зять и сноха невѣсты, везутъ приданое въ домъ жениха, гдѣ ихъ угощаютъ, напиваютъ до-пьяна и отправляютъ домой, когда прибудетъ изъ церкви свадебный поѣздъ, чтобы коробошники не встрѣтились съ новобрачными.

При входѣ въ церковь съ невѣсты снимаютъ фату. Послѣ вѣнчанія, въ сторожкѣ свахи заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, причемъ правую плететъ сваха женихова, а лѣвую—невѣстина; косы закручиваютъ на головѣ, надѣваютъ повойникъ, повязываютъ платкомъ и снова накрываютъ фатой. Самыми почетными и богатыми считаются свадьбы въ вѣнцахъ, отличающіяся тѣмъ, что вѣнцы не снимаютъ съ новобрачныхъ въ церкви, а они идутъ въ нихъ до дому, предшествуемые духовенствомъ; въ такомъ случаѣ косы молодой свахи заплетаютъ въ чуланѣ. Для замужней женщины считается стыдомъ показаться простоволосой не только передъ посторонними, но и передъ близкими родными. Изъ церкви возвращаются обѣ свахи въ одной повозкѣ съ невѣстой.

Новобрачныхъ родители встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, благословляютъ, причемъ три раза обводятъ образомъ и хлѣбомъ кругомъ, надъ ихъ головами. Затѣмъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ, угощаютъ виномъ, заставляя три раза обмѣняться стакана-

ми, всякій разъ называя другъ друга по имени. Послѣ того, какъ они пообѣдаютъ, сваха женихова и дружка уводятъ ихъ „на подкѣтъ“. Если не имѣется лишней избы, то подкѣтъ устраивается и зимою въ холодномъ помѣщеніи, напр. въ амбарѣ. Молодой заставляеть свою жену снимать сапогъ съ правой ноги, въ которой она заранѣе кладеть деньги ей въ подарокъ. Между тѣмъ родные новобрачнаго идутъ за родными молодой звать ихъ на «горной столъ». Когда придуть «горные гости», сваха и дружка идутъ за молодыми «поднимать съ подкѣти». Молодая переодеваетъ мужа въ принесенную ей въ приданомъ для него одежду. Затѣмъ они выходятъ на встрѣчу родителямъ молодухи и кланяются имъ въ ноги. Сваха выноситъ подвѣчную сорочку новобрачной. Этотъ обычай устраняется въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, заранѣе извѣстной роднымъ жениха. Скрытая же нецѣломудренность ведетъ за собою плохія послѣдствія: родныхъ молодой выгоняють вонъ съ бранью, свекровь подноситъ ей матеря шить вино изъ разбитой посуды, а молодую мужъ и родные убиваютъ до полусмерти. Положеніе ея въ семьѣ становится невыносимымъ отъ побоевъ и упрековъ и кончается тѣмъ, что она убѣгаетъ въ домъ къ своему отцу. Вся грубая свадебная обрядность очень вѣрно характеризуетъ крестьянскіе нравы и въ дѣвушкѣ невѣстѣ вызываетъ не стыдъ, а чувство довольства и гордости за свою честь. Послѣ приѣма горныхъ гостей, наступаютъ ихъ величанія, угощенія, ѣдятъ до-сыта и напиваются до-пьяна. Дѣвушки въ этомъ пиру не участвуютъ, а плясовые пѣсни поютъ женщины. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ:

Дуна бѣла, ружья,
Со инымъ гуляла,
Любезнаго рѣшила;
Я за то его рѣшила,
Что невѣренъ милый былъ,
Не одну мевя любилъ,
Меня горьку, разнесчастну,
Воспокинулъ, позабылъ.
У столика стоючи,
Плачучи, рыдаючи,—
Дружка надждаются.
Горьки слезы не въ помощь,
Разговоры говорить,

Намъ жениться велеть;
Намъ жениться разориться,
Полтора ста стереть,
Велеть Сашеньку взять.
Я по горенкѣ ходила,
Я мила мужа будила:
«Ты, вставай-ка, мужъ хозяйив!»
Пришли гости дорогие,
Твои шурья молодые.
— «Отойди, жена немила,
По тебѣ родня постыла».
На крылечко жена выходила,
Своимъ братьямъ говорила:

«Вы дойдете-ка до дому,
Разскажете своему роду,
Своему роду по поклону,

А батюшкѣ никакого,
Что онъ отдалъ за такого».

Плясовая:

Я вечеръ молода во пиру была,
Медъ пиво пила, сахаръ кушала.
Ужъ я лѣсомъ шла—не боялася,
Ужъ я полемъ шла—не шаталася,
Ко двору молода пришла—пошати-
лася,
За дубову вереву ухватилася.
Стой дубова веревя, содержи меня,
Живу пьяную, не черавую.
Чтобъ не видѣлъ свекоръ батюшка,
Не слыжала бъ свекровь матушка,
Не сказала бъ она своему сыну, мо-
му мужу.
Что мой-то мужъ—горькой пьяница;

Онъ домой то приходитъ—все рас-
чванится, разломается:
«Разувай меня жена, раздѣвай,
Часты пуговики разстегивай,
Шелковый петли расхлестывай!»
«У тебя ли, у годы, ноги грязныя,
У меня ли, у молодѣи, ручки бѣ-
лыя,
На рукѣ то кольцо позолочено, по-
дареное;
Мнѣ не батюшка купилъ,
Мнѣ купилъ подарилъ милъ, сер-
дечный другъ!»

Плясовая-же:

На улицѣ ромода (мѣда),
Жена мужа продала;
За то его продала,

Плететь лапти короба,
Веревки вѣтъ, какъ гужи.
«Носи жена, не тужи,
А порвется—навяжи!»

Еще:

Въ Тангирогѣ (Таганрогѣ) случи-
лася бѣда:
Тамъ убили молодого казака,
Схоронили при широкой долинь.
Тамъ летѣли соколки стороной,
Сѣли, пали у солдатики на дворѣ,
Крылышками широко дворъ размели,
Голосами все солдатку будили:
«Встань, проснися ты, солдатка мо-
лода,

Встань, послушай, люди бають, го-
ворять,
Все солдатку ругаютъ, бранятъ!»
А чужіе-то мужья все со службицы
идуть,
Моего мужа въ колясочкѣ везутъ.
Закатися красно солнце за лѣсокъ;
Я пойду молода во зелененькій садокъ,
Я сорву ли съ розы розовый цвѣтокъ,
И совью ла дружкѣ милому вѣнокъ!

Эти пѣсни женщины поютъ, какъ на свадебныхъ, такъ и на дру-
гихъ гуляньяхъ.

На другой день постѣ вѣнчанія, молодые «клянутся въ ноги»
всѣмъ роднымъ и гостямъ. Молодая дарить подарки свекру, све-
крови и ближнимъ роднымъ мужа; они за поклонъ дарятъ ей «на
сбѣнну» овцу, телку или деньги. Скотину дарятъ только родители.

Затѣмъ въ сопровожденіи дружки молодые обходятъ съ поклономъ всѣхъ гостей, которыхъ дружка угощаетъ виномъ и приговариваетъ:

Кланяется вамъ нашъ князь ново-	По мочи, по силѣ—рублема четыре,
брачный со своею княгиней,	А если покажется въ честь, то руб-
Съ повномъ и съ медомъ, съ пиз-	комъ поклономъ. На новое мѣсто много имъ надо:
Извольте стопочку выпить, а дѣвкамъ	На шильце, на мыльце, на банное
не позволитъ,	строенье,
Не рублемъ, не гривенной, одной зо-	На горшечки, на окатнички, сита,
лотой полтиной,	рѣшота, на кривыя веретенца.

Обойдя всѣхъ съ поклонами, новобрачные въ сопровожденіи свекра и свекрови идутъ къ тестю и тещѣ „на блинкі“ и звать ихъ къ себѣ въ гости. Ихъ встрѣчаютъ на дорогѣ челоуѣкъ пять изъ родныхъ молодой, ряженныхъ козою, медвѣдемъ, лошадыю, съ пѣснями, плясками, прибаутками, не пускаютъ въ домъ къ родителямъ. На приглашеніе въ гости мать новобрачной отвѣчаетъ: „Кабы не было погодки, что не выпалъ бѣлый снѣгъ! Кабы не было заботки, не пошелъ-бы въ тотъ конецъ!“ Свадебныя гулянки продолжаются нѣсколько дней, причемъ послѣ блинковъ, какъ родные новобрачной, такъ и вся родня ей мужа дѣлаютъ складчину на водку, кто сколько можетъ, и на собранныя деньги продолжаютъ гулять. По окончаніи всѣхъ свадебныхъ празднествъ молодые благодарятъ дружку за хлопоты и дарятъ ему платокъ и курникъ.

Кромѣ свадебныхъ гуляній существуютъ пирушки и приемы гостей въ престольные праздники, на Рождество, на Пасху и на Новый Годъ, сопровождающіеся угощеніемъ, а главное хорошей выпивкой. Молодежи предоставляется гулять на улицѣ. Въ прежніе годы молодежь много веселилась на Святкахъ, ходили ряжеными, гадали, но въ настоящее время обычай эти вывелись, и веселятся болѣе на Масляницѣ. Воскресенье передъ Масляницей называется „закатальнымъ“; съ него начинаютъ гулянья и длятся всю недѣлю. Молодежь дѣлаетъ ледяную гору, зовется она Красной горою, и катается съ нея; катаются также на пошевняхъ, т. е. въ саняхъ, и съ пѣснями гуляютъ по улицамъ. Съ перваго ноября нѣсколько дней длятся Кузьминки, тѣ-же засидки. Дѣвочки собираются въ одинъ домъ, сносятся провизіей, которую выпрашиваютъ или тайкомъ уносятъ изъ семьи, пекутъ блины, дѣлаютъ

яичницу, поютъ пѣсни и веселятся въ избахъ и на улицѣ. Послѣ Пасхи начинается рядъ весеннихъ гуляній, въ которыхъ принимаютъ участіе только дѣвушки и молодыя женщины. Въ былые годы дѣвушки праздновали Семякъ, рядили березку, уходили съ нею въ лѣсъ, гдѣ заплетали вѣнки, пекли яичницу; сохранилось празднованіе Семика въ немногихъ мѣстностяхъ. Время отъ Фоминаго воскресенья и до Петровскаго заговѣнья, зовется „весною“ и сопровождается хороводами и пѣніемъ исключительно весеннихъ пѣсней. Начинаются весеннія гулянья шествіемъ дѣвушекъ во кругъ села. Это весеннее шествіе называется Пчелою, такъ какъ толпа дѣвушекъ напоминаетъ собою летящій рой и поетъ пѣсню, называемую тоже Пчелою. Слова пѣсни слѣдующія:

Ты зари ли, зари вечеряя!	Ко листочку ко бумажному,
Ты пчела ли, моя пчелышка,	Ко цвѣточку ко лазоревому.
Ты пчела ли, пчела летучая,	— Ты чего, пчела, видѣла?
Ты летучая, да бархучая!	Ты чего, пчела, слышала?
Ты куды пчела лѣгивала?	— Ужъ я видѣла, слышала,
— Ужъ я лѣгивала, полетывала,	Какъ красная дѣвка плакала,
По чисту полю погуливала,	За стараго мужа идучи,
Ко сырой землѣ прикладывалась,	За молодымъ не бываючи.

Во второмъ куплетѣ повтореніе пѣсни, но окончаніе иное:

Ужъ я видѣла, слышала,	За младаго мужа идучи,
Какъ красная дѣвка плясывала;	За старымъ побываючи.

Въ послѣднее воскресенье передъ Петровскимъ заговѣньемъ устраиваютъ проводы весны. Одѣваютъ куклу въ дѣвичій нарядъ и съ нею во главѣ Пчела обходитъ все село; на площадяхъ шествіе останавливается, заводятъ хороводъ; въ середину выходятъ двѣ дѣвушки и подъ пѣніе Пчелы пляшутъ, приподымая высоко куклу. Въ веснѣ парни не принимаютъ участія. Пчела—пѣсня излюбленная, но кромѣ нея существуетъ цѣлый рядъ пѣсней, которыя поются только весною; привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

Мы пойдемте, дѣвушки, по лугу	Какъ у бѣлаго шатра сидѣлъ ста-
	шаромъ, рый мужъ,
Вдоль по улицѣ мячѣмъ.	Погубитель мой! — погубилъ мою
Мы подойдемте-ка, дѣвушки, ко бѣ-	головушку,
лому шатру!	Всю дѣвичью вѣрсту, молодецкую
	молодость!

Царь по городу гуляетъ,
Царь царевну выбираетъ.
Не твоя-ли, царь, царевна
Середь города гуляетъ,
Не твоя-ли молодая?
Вы постоите, растворайте-ка ворота!
Ты выйди-ка, царь, во городъ,
Возьми за ручку царевну,

Постановь ее на мѣсто,
Подойди-ка къ ней поближе,
Поклонися ей пониже!
Ты возьми ее за ручку,
Обведи вокругъ городочка!
Городочекъ ли маненекъ.
А царевна молодая
Середь города гуляла.

Повидимому, въ этой пѣснѣ намекъ на обрядъ вѣнчанія.

Вечоръ ли молоденька
Поздно вечеромъ сидѣла,
Я до самой полуночи,
До девятаго часу ночи
Я ждала ли, поджидала
Своего ли друга мила,
Своего дружка милого.
Я насилу дождалася,
На шеешку бросилася,
Слезами то заливалася,
Въ слезахъ дружка не узнала,
Въ слезахъ дружку говорила:
«Ужъ ты другъ ли мой, дружочекъ,

Сердцу радость, животочекъ,
Про насъ ли съ тобой люди бавятъ,
Люди бавятъ, все смолчаютъ.
На людей я не глядѣла,
Любить дружка захотѣла,
Любила дружка очень вѣрно,
Очень вѣрно, безотмѣнно.
Люблю дружка въ постоянствѣ,
А онъ меня приубрамши,
Во тонкой бѣлой рубашкѣ,
Во жемчужномъ во борочкѣ,
Въ гальнатуровомъ платочкѣ».

Вдоль да по улицѣ идутъ дѣвушки,
все молодушки.

«Свекровь - матушка, ты пусти гу-
лять!»

Меня молодую съ собою зовутъ.
Вы постоите-ка, подождите-ка!

— Я гулять пушу, кожу до пять
спущу.—

Я пойду спрошу свекра батюшку:
«Свекоръ - батюшка, ты пусти гу-
лять!»

Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу мужа молодого:
«Молодой мой мужъ, ты пусти гу-
лять!»

— Я гулять пушу, кожу до пять
спущу.—

— Я гулять пушу, кожу до пять
спущу.—

Кожа волочится,—гулять хочется.

Я пойду спрошу свекровь-матушку:

Кожа волочится,—гулять ужъ не
хочется.

Въ пѣсняхъ дѣвушки предвидятъ замужнюю тяжелую жизнь, но смотреть на нее, какъ на неизбежную долю. Въ послѣдней пѣснѣ характеризуется полная зависимость женщины. Безотчетная власть, которой пользуется мужъ по отношенію къ своей женѣ, выражена въ поговоркахъ: „бью не чужую, а свою, хоть веревки изъ нея вью“, или: „жалѣй, какъ шубу, а бей, какъ душу“. Особенно много побоевъ выпадаетъ на долю жены, если мужъ самодуръ; случается, что сосѣди заступаются и отнимаютъ несчастную

Если-же мужъ бьетъ за дѣло, наприм., за избѣну, то никто не заступится, хотя-бы онъ убилъ ее до смерти. „Баба живуча, какъ кошка; избьешь такъ, что посинѣть вся, авъ смотришь отдышится“, говорятъ мужики. Въ настоящее время женщины прибѣгаютъ съ жалобами къ начальству, волостному суду, который и обуздываетъ самодурствующихъ мужей. Женщина терпитъ не только отъ мужа, ее бьетъ свекоръ, свекровь, снохи и золовки допекаютъ злобою и интригами. Положеніе жены совсѣмъ иное, если мужъ вступается зятемъ въ семью, гдѣ онъ чувствуетъ себя пришлымъ и зависимымъ. Работать женщины приходится даже больше, чѣмъ мужчинѣ; вмѣстѣ съ мужемъ идетъ она на сѣнокосъ, жнитво, молотбу, вязку сноповъ, иногда пашетъ и боронитъ; сѣвъ — единственная полевая работа, въ которой женщины не участвуютъ. Зимой встаетъ она много раньше мужа, убереть скотину, задасть корму лошадямъ, затопить печь, чтобы пораньше накормить ребятинекъ. Весь день работая для семьи, только вечеромъ послѣ ужина садится она пряхъ кудель, чтобы заработать на свою собенну, на одежду мужу и дѣтямъ, и измученная придетъ до поздней ночи. Надо еще прибавить, что здоровая крестьянка всякій годъ приноситъ ребенка; беременной работаетъ она до послѣдней минуты и производитъ на свѣтъ довольно легко; въ рѣдкихъ случаяхъ больная остается въ постели недѣлю; для нѣкоторыхъ болѣзнь длится нѣсколько моментовъ. Если роды застануть ее за работой во дворѣ, то она сама приноситъ въ домъ ребенка, обмоетъ его; затѣмъ затопитъ печь и принимается за стиранию къ крестинамъ, которыя назначаются въ тотъ-же день.

Въ крестные просятъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ. Обязанность крестныхъ заключается въ матеріальной поддержкѣ крестника, въ подаркахъ ему по праздникамъ. Если крестникъ осиротѣетъ, то главное участіе въ его судьбѣ обязаны принимать крестные. Особеннымъ почетомъ пользуются крестные на свадьбахъ, назначаясь посаженными, благословляя образомъ, а крестная мать принимаетъ роль свахи. По отношенію къ мальчику, всѣ обязанности лежатъ на крестномъ отцѣ, которому крестникъ приходится духовнымъ сыномъ, тогда какъ крестная мать считается только свидѣтельницей при крещеніи. По отношенію къ дѣвочкѣ роли мѣняются, и крестная мать принимаетъ на себя обязательство.

Послѣ обряда въ церкви, крестная приноситъ ребенка матери

и дарить ему «на ризки». За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе всѣхъ родныхъ, приглашенныхъ „на кашу“. Обычай звать на кашу объясняется тѣмъ, что послѣ угощенія, подаютъ шпешную кашу, подносять ее крестнымъ со словами: „выкупите крественькин, а потомъ и кушайте“. Деньги, которые дарятъ на кашу, какъ крестные, такъ и всѣ гости, идутъ въ пользу родительницы. Есть обычай, что отцу новорожденного крестная подаетъ съѣсть ложку каши, предварительно всыпавъ въ нее горсть соли, чтобы онъ отвѣдалъ, какъ солоно пришлось его женѣ. Или же берутъ небольшой круглый каравай, съ обѣихъ сторонъ отрѣзываютъ по горбушкѣ, такъ что въ серединѣ остается толстый ломоть. Горбушки разрѣзаютъ на кусочки и раздаютъ всѣмъ гостямъ, а середину, посоливъ, даютъ съѣсть родившей; этимъ обычаемъ, вѣроятно, хотить показать, что всѣ гости принимаютъ участіе въ ея страданіяхъ. Къ врачебной помощи не любятъ обращаться, да почти не имѣютъ возможности за отдаленностью земскихъ больницъ. Въ трудныхъ случаяхъ призываютъ деревенскихъ повитухъ, опытныхъ старухъ, которыя своею неумѣлой помощью только увеличиваютъ страданія больной и иногда вызываютъ печальный исходъ. Новорожденного ребенка не купаютъ въ корытѣ, а кладутъ въ пеленкѣ на шестокъ, обмываютъ мыломъ или щелокомъ и попарятъ вѣнникомъ. Щелокъ употребляется, какъ для мытья въ банѣ, такъ и для стирки, вѣдствие дороговизны мыла, которымъ пользуется рѣдкій крестьянинъ.

Бездѣтнымъ людямъ подбрасываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, что случается довольно часто, благодаря распространенной безнравственности въ семейныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ молодежи. Принять подкидыша считается дѣломъ добрымъ для спасенія души, „для душевнѣки“, точно также какъ взять пріемыша, круглаго сироту послѣ родныхъ или знакомыхъ. Ихъ воспитываютъ, какъ родныхъ, усыновляютъ, и они дѣлаются наследниками имущества, наравнѣ съ родными дѣтьми. Если изъ взятаго на воспитаніе вырабатывается хорошій работникъ, а въ семьѣ есть дочери и нѣтъ сыновей, то его принимаютъ зятемъ. Положеніе подкидышей и пріемышей, особенно въ бездѣтныхъ семьяхъ, много лучше горькой доли тѣхъ сиротъ, которые попадаютъ въ руки мачехѣ, такъ какъ добрая и человѣчная мачеха — явленіе рѣдкое въ крестьянскомъ быту.

По способамъ выхаживанія дѣтей и лѣченія ихъ, неудивительно, что въ семьѣ изъ рожденныхъ 9 — 8 человекъ въ живыхъ остаются 2—рѣдко 4. За совѣтами по лѣченію дѣтей прибѣгаютъ къ старухамъ, бабушкамъ, какъ болѣе опытнымъ; кромѣ того, существуютъ общераспространенные способы лѣченія; нѣкоторые изъ нихъ я привожу.

Если у новорожденного ребенка дѣлается худосочіе, такъ называемая собачья старость, то его „перепекаютъ въ печи“. Ребенка сажаютъ на хлѣбную лопату и суютъ въ горячую печь, какъ только изъ нея вынуть хлѣбы. Одна женщина съ улицы спрашиваетъ въ окно, ту которая держитъ лопату: „Что перепекаешь?“ — „Собачью старость“. — „Перепекай лучше, чтобы ей не было!“ Разговоръ повторяется три раза, и три раза сажаютъ ребенка въ печь. Случается, что съ лопаты ребенокъ сваливается и получаетъ обжогъ, или-же задыхается отъ жара.

Другой способъ лѣченія собачьей старости состоитъ въ томъ, что въ теплую печь влѣзаетъ бабушка, кладетъ себѣ на колѣни рядомъ ребенка и кутенка (щенка) и начинаетъ ихъ попеременно парить вѣшникомъ.

купаютъ отъ этой-же болѣзни ребенка съ кошкой, чтобы болѣзнь перешла на животное.

Лѣчатъ собачью старость еще слѣдующимъ способомъ: три дня подрядъ дѣлаютъ по девяти пельменей, начиняютъ ихъ землей, затѣмъ варятъ въ водѣ; пельмени отдаютъ собакамъ, а въ отварѣ купаютъ ребенка.

Если у новорожденного являются судорожныя движенія, напр., отъ расстройства желудка; то заключаютъ, что у него въ спинѣ щетина, которая его раздражаетъ, и ее необходимо выщипать. Съ этой цѣлью подбиваютъ дрожжи пшеничными отрубями; старуха влѣзаетъ въ печь съ ребенкомъ, вымажетъ его всего тѣстомъ, прикроетъ ветошкой, попаритъ вѣшникомъ и начнетъ растирать спину и выщипывать волосы.

Взрослыхъ лѣчатъ также своеобразными способами „Кумоха окидала“, т. е. обметала лихорадка: слѣдуетъ больное мѣсто помочить потомъ съ оконнаго стекла или обтереть обломкомъ копыта, найденнымъ на дорогѣ. Если найдутъ на улицѣ свиную чеплюсть, то ее берутъ и прикладываютъ въ случаѣ заушницы или нарыва за ухомъ; эти болѣзни лѣчатся также прикладываніемъ

заячьей шкурки. Заболить горло, — идуť къ старухѣ знахаркѣ; она съ таинственною молитвой очерчиваетъ три раза сучекъ на стѣнѣ и тѣмъ заговариваетъ болѣзнь.

Боль въ поясницѣ зовутъ „утиной“ и лѣчатъ ее такъ: больной ложится поперекъ переруба (мѣсто на полу *, гдѣ соединяются концами доски) или поперекъ порога. Старуха кладетъ больному на спину вѣникъ и начинаетъ слегка рубить топоромъ. „Что рубишь?“ спрашиваетъ больной. — „Утину“. — „Руби гораздо, чтобъ больше не было“.

Серьезныя болѣзни не поддаются подобнымъ способамъ лѣченія, и появленіе ихъ связано съ суевѣрными представленіями. Когда вихрь крутитъ и подымаетъ столбъ пыли, — говорятъ, что нечистый играетъ. Если человѣкъ попадетъ въ вихрь, то его разбиваетъ параличемъ. Чтобы отдалить отъ себя бѣду, слѣдуетъ говорить: „на воду, на воду, на воду!“ и нечистый пролетитъ мимо и разобьется въ водѣ.

Существуютъ способы предохранять отъ эпидемическихъ болѣзней: наприм., обычай опадивать село отъ чумы. Исполняется онъ слѣдующимъ образомъ. Въ соху впрягаютъ старуху, вдову или дѣвушку, извѣстную своей хорошей жизнью; другая старуха правитъ сохою; ихъ сопровождаютъ нѣсколько дѣвушекъ съ распущенными волосами, изъ которыхъ двѣ помогаютъ тащить соху, ухватившись по бокамъ; въ рукахъ несутъ онѣ восковыя зажженные свѣчи. Шествіе собирается тайно ночью, когда всѣ уснули, и съ пѣніемъ молитвъ обходитъ вокругъ села, пропахивая не глубокую борозду; на перекресткахъ останавливаются и зарываютъ въ землю росной ладанъ.

Есть болѣзни, которыя излѣчиваются заговорами, напримѣръ, „притка“. Приткою называется заболѣваніе или опухоль, явившаяся въ слѣдствіе ушиба. „Тебѣ припритчилось“, т. е. разболѣлось отъ ушиба, скажетъ старуха и начнетъ заговаривать на молоко или воду слѣдующее: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣтетчко, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Матушка сыра земля, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣ-

*) Почти во всѣхъ избахъ полы деревянные; глиняныя мазанки преобладаютъ въ хохладскихъ переселенческихъ деревняхъ.

стечко прости меня Христа ради!⁴ Трижды повторяя заговоръ, всякій разъ она дѣлаетъ надъ молокомъ крестное знаменіе и даетъ пить больному.

Для скотины отъ притки заговариваютъ на воду или на соль, которую даютъ съѣсть животному. Заговоръ для скотины отъ притки слѣдующій:

Шель Христось къ рѣкѣ, къ Іорданѣ,	Кленной (бѣлой) розой покрывалъ.
Тростью ногу накололъ,	Ты земля крѣпись!
Пруды, ключи заговаривалъ.	Святой узелъ завяжись, завяжись!
Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ по-	Господи Исусе Христе помилуй насъ.
двала,	Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
За престольный столъ клала,	Аминь.

Перекрестивъ соль или воду, даютъ животному. Заговоры существуютъ отъ многихъ болѣзней, хранятся въ большой тайнѣ тѣми, кому они извѣстны, и передаются въ виду большого расположенія и довѣрія отъ старшаго младшему. Въ противномъ случаѣ они теряютъ силу. Большинство заговоровъ извѣстно профессиональнымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые лѣчатъ также великими травами. Ворожеи не только заговариваютъ болѣзни, но при помощи нечистой силы умѣютъ привораживать сердца, наводить порчу и предвидѣть будущее. Къ ворожеямъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе боятся колдуновъ. Во всякомъ селѣ найдется свой колдунъ. Случайное совпаденіе обстоятельствъ, которое крестьяне не могутъ объяснить себѣ, вызываетъ подозрѣніе въ колдовствѣ. Колдуна всѣ боятся, такъ какъ онъ злой человѣкъ, водится съ нечистымъ и можетъ навести порчу и разореніе, потому стараются жить съ нимъ въ ладахъ. На свадьбахъ ему выказываютъ особый почетъ изъ боязни, чтобы не испортилъ молодыхъ. Обыкновенно славою колдуна пользуется хитрый и умный мужикъ, извлекающій изъ своего положенія извѣстную выгоду и эксплуатирующій своихъ односельчанъ, которые боятся расправиться съ нимъ, утѣшая себя тѣмъ, что ему предстоитъ трудный отвѣтъ передъ Богомъ. Отсюда примѣта, что колдунъ долго, иногда нѣсколько дней мучится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и, чтобы помочь его душѣ разтаться съ тѣломъ, приподнимаютъ конекъ на крышѣ, или передній уголь, послѣ чего тотчасъ же наступаетъ смерть.

Увѣренность, что колдунъ и послѣ смерти можетъ мстить и причинять зло, вызвала обычай прибывать колдуна—покойника къ землѣ осиновымъ колодъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне бываютъ выведены изъ терпѣнія дерзостью колдуна и учиняютъ надъ нимъ самосудъ, кончающійся для него смертью или увѣчемъ. Привожу одинъ такой случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ большомъ, богатомъ селѣ Дмитровка завелся колдунъ; на пирушкѣ поссорился онъ съ своимъ сосѣдомъ, который жилъ хорошо, имѣлъ большой домъ, много скотины, 15 лошадей. «Помнишь ты меня!» пригрозился ему колдунъ, и вскорѣ дѣлается у этого крестьянина пожаръ, сгораетъ домъ и часть скотины; онъ снова строится. Вдругъ наступаетъ падежь на его лошадей. Мужикъ совсѣмъ разоряется. А колдунъ все грозитъ. «То-ли еще будетъ; не долго проживешь подъ новою крышей!» Тогда мужикъ созываетъ народъ, рассказываетъ подробно объ угрозахъ колдуна и ихъ послѣдствіяхъ и требуетъ, чтобы общество вступилось на его защиту. Вызываютъ колдуна. Онъ пробуетъ застрашать всѣхъ своею таинственною властью, но только озлобляетъ мужиковъ, такъ что тѣ принимаются бить его, требуя признанія. Перетрусивъ передъ разсирѣлѣвшею толпою, онъ кается, что взялъ хлѣбъ, вынулъ изъ него середину и съ наговоромъ зарылъ подъ крыльцомъ у своего врага; если хлѣбъ выруютъ, то и несчастье прекратится. При поискахъ дѣйствительно нашли хлѣбъ, но колдуна такъ избили, что онъ едва живъ остался и съ той поры присмирѣлъ. Разоренный имъ сосѣдъ поправился и зажилъ по-прежнему.

Самосудъ крестьянскій очень жестокъ, такъ какъ озлобленная толпа дѣйствуетъ уже безсознательно, вся отдаваясь только чувству мести и злобы. Къ самосуду крестьяне прибѣгаютъ только, когда выведены изъ терпѣнія, чаще всего для расправы съ конокрадами и ворами. «Ни чѣмъ вора не уймешь, коль до смерти не убьешь», говорить пословица; вора или убиваютъ, или избиваютъ такъ, что онъ недолго поживетъ послѣ побоевъ. Убитого самосудомъ общество крестьянское тайкомъ хоронитъ, затѣмъ зачисляетъ въ безъ вѣсти пропавшіе, и судебная власть рѣдко и всегда безуспѣшно принимается за разслѣдованіе. Вообще слѣдствие оканчивается неудачей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло со всей общиной и съ суевѣріями. Характеристичнымъ примѣромъ служить внезапная смерть отъ опоя виномъ. Слѣдователь, пріѣзжалъ

на вскрытіе трупа опойцы нерѣдко находятъ пустой гробъ; покойникъ же исчезаетъ безслѣдно. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Существуетъ повѣріе, что и по смерти опойцу мучитъ нестерпимая жажда, вслѣдствіе чего онъ выпиваетъ всю влагу изъ почвы въ той мѣстности, гдѣ его похоронили, и воду изъ облаковъ, что влечетъ за собою засуху и неурожай. Потому, если опойца умереть въ чужомъ селѣ, то крестьяне не даютъ хоронить его у себя, требуя его отправленія на родину; здѣсь уже является сопротивление начальству, иногда очень сильное.

Когда наступаетъ засуха и не задолго было похороненъ на общемъ кладбищѣ опойца, то его считаютъ причиною бездождія, и все общество, со старостою и другими властями во главѣ, тайкомъ ночью вырываютъ гробъ, вынимаютъ покойника и бросаютъ въ прудъ, въ воду, или же зарываютъ въ соседнемъ владѣніи, а въ спину вбиваютъ ему осиновый коль, чтобы не ушелъ.

Обыкновенный похоронный обрядъ не представляетъ никакихъ особенностей. Въ нарядѣ трауръ также ничѣмъ не обозначается. Съ кладбища возвращаются въ домъ на поминованіе и горячій столъ, устраиваемый преимущественно для бѣдныхъ старухъ, стариковъ и дѣтей до десятилѣтняго возраста. Кроме того, приглашаются на поминальный столъ мужчины, которые несли гробъ, и самые близкіе родные. Для всѣхъ другихъ ходить на поминки считается предосудительнымъ. Кормленіе старыхъ и малыхъ равносильно угощенію нищихъ и убогихъ на поминъ души. Непременное кушанье—блины съ медомъ, или медовой сытою; ими начинается и заканчивается обѣдъ. Поминальные обѣды дѣлаются по обыкновенію на 3, 9, 20, и 40-й дни. Дѣвушку или дѣвочку несутъ въ церковь пять дѣвушекъ съ распущенными волосами; имъ дарятъ по платку и по лентѣ на голову. Изъ причитаній общераспространенное по матери слѣдующее:

Родима матушка, какъ станемъ безъ	Что было у родимой у матушки!
И ходимы, и голодны, и наги, и босы.	Не давала ты надъ нами, родима
Напримѣмся, родима матушка, всего	матушка, вѣтерочку-то вѣнуть,
горюшка многохонько!	Не давала людямъ насъ въ обидушку. —
Никто-то насъ не пожалѣетъ безъ	Безъ тебя то за насъ никто не за-
тебя жалнѣхонько.	ступитъ.
Нѣтъ того ретиваго сердечка, — же-	Никто словечка не молвить!
ланнаго,	Только мы станемъ кубовать горь-
	кой кубушкой.

Характернымъ способомъ поминовенія души служатъ «потаенная милостышка». Она раздается бѣднымъ бобылкамъ, также старикамъ въ теченіе 40 ночей, по три милостышки въ каждую, и состоитъ изъ маленькаго пшеничнаго или полбеннаго хлѣба, въ родѣ просфоры, и восковой свѣчки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заказываютъ келейницамъ читать 40 дней псалтырь по покойникѣ.

«Келейницы» — особый видъ деревенской монахини, чернички. Чувствуя религиозное влеченіе, дѣвушка, иногда еще молодая, отказывается выходить замужъ и выпрашиваетъ у отца разрѣшеніе отдѣлить ей горенку отъ семьи и посвятить себя служенію Богу. Это желаніе рѣдко вызываетъ сопротивленіе у родныхъ; ей строятъ во дворѣ комнатку, куда она уходитъ послѣ всѣхъ домашнихъ работъ, и въ то время, какъ ея подруги гуляютъ на улицѣ, она занимается чтеніемъ молитвъ и псалмовъ и церковнымъ пѣніемъ. Продолжая работать на семью, съ годами она пріобрѣтаетъ большое уваженіе и независимость, зарабатываетъ также на сторонѣ поминаніями. Иногда 3—4 келейницы соединяются и устраниваютъ общежитіе. Духовенство смотритъ на нихъ съ недоброжелательствомъ, такъ какъ онѣ отнимаютъ часть доходовъ поминаніемъ.

Во всѣхъ обрядахъ и суевѣріяхъ христіанскія и языческія вѣрованія тѣсно связаны между собою. Къ главному источнику существованія крестьянъ — хлѣбопашеству относится также немало примѣтъ и суевѣрій; нѣкоторыя изъ нихъ я привожу.

Наканунѣ сѣва вечеромъ хозяинъ запирается въ своей избѣ, зажигаетъ восковую свѣчу и кладетъ передъ образами горсть зеренъ изъ предназначенныхъ для сѣва; затѣмъ начинаетъ усердно молиться о ниспосланіи удачнаго сѣва и урожая. Предварительно въ избѣ затыкались всѣ щелки, всѣ отверстія, трубы въ печи съ тою цѣлью, чтобы нисшедшая отъ молитвы на зерна благодать Божія не могла уйти изъ избы. Этотъ обычай уже исчезъ. Другой состоялъ въ томъ, что при началѣ сѣва отецъ и сынъ выходили съ противоположныхъ межъ. Отмѣтивъ на пашнѣ середину, они начинали сходиться, «брыкал», т. е. бросая сѣмена. Если къ серединѣ первымъ приходилъ отецъ, то удачнымъ предсказывался ранній сѣвъ, а если сынъ, то поздній.

Находить при жнитвѣ спорышью, т. е. два колоса на одномъ стеблѣ (отъ слова «спорый»), ее сохраняютъ до будущаго сѣва,

такъ какъ зерна изъ спорыньи приносятъ урожай. Или же зашиваютъ спорынью въ ладанку и надѣваютъ на крестъ, когда идутъ сѣять.

Остается въ полѣ обѣвокъ—примѣта дурная: въ домѣ будетъ покойникъ-хозяинъ. Подшутилъ обѣвкой полевой—злой духъ, оборачивающійся въ звѣрка; онъ же портитъ человѣка, если тотъ ляжетъ спать на межѣ; заводитъ скотину въ полѣ, если она пущена безъ молитвы.

При окончаніи жатвы оставляютъ пучекъ колосевъ, который завязываютъ узломъ, приговаривая: «вотъ тебѣ, истинный Христосъ, на бородку». Называется это—оставлять истинному Христу на бородку для будущаго урожая.

Многіе изъ обычаевъ и примѣтъ уже исчезли, остальные теряютъ съ каждымъ годомъ приверженцевъ; грамота развиваетъ въ новомъ поколѣніи иные понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ остатки народной самобытной поэзіи, замѣняясь городскими и солдатскими пѣснями и даже передѣланными, исковерканными романами.

Евгенія Всеволожская.

1894 г., 18 сентября.

ЗАМѢТКИ О МАЛУРУССКИХЪ ДУМАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(По поводу соч. П. И. Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Кіевъ. 1893. Стр. 249).

Изслѣдованіе П. И. Житецкаго о малорусскихъ думахъ первоначально было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. и затѣмъ въ 1893 г. издано отдѣльно редакціей этого журнала. Такъ какъ все изслѣдованіе г. Ж. построено на одномъ положеніи—о вліяніи школьной литературы на думы,—то при первоначальномъ печатаніи сочиненія въ журналѣ по частямъ трудно было слѣдить за ходомъ мыслей автора, и отдѣльныя его части представлялись безсвязными. Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе г. Житецкаго обратило на себя вниманіе, по оригинальности и новизнѣ основной мысли и по обилію новыхъ любопытныхъ данныхъ изъ области виршь-ораций и думъ. И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Phil. 1893, XV, Heft 4, стр. 613—614 находитъ, что „Мысли“ г. Ж. представляютъ собою „das hübsch beschriebene Buch“, что авторъ — „gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen“, и въ частности мысль о вліяніи на думы школы рецензентъ называетъ „ein hübscher Gedanke“. Съ г. Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой (въ 2 стр.), но мѣткой и содержательной рецензії въ „Вѣстн. Евр.“ 1893, VI. По словамъ г. Пыпина, изслѣдованіе г. Ж. „дастъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ стараго быта, школы и нравовъ и на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Сочиненіе г. Житецкаго состоитъ изъ 6 главъ, и мы рассмотримъ его послѣдовательно по главамъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной: „Строй рѣчи и поэтический стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, на пространствѣ 38 страницъ г. Ж. говоритъ о вліяніи рими на образованіе стиха

въ думахъ, неравномѣрности и подвижности стиховъ, построеніи предложеній въ думахъ, мѣстѣ сказуемаго, сложномъ сказуемомъ, нарощенія рѣчи, скопленія придаточныхъ предложеній, инверсій. Вообще эта глава посвящена формальной сторонѣ думъ.

Народная поэзія, въ частности думы, весьма мало изучена въ формальномъ отношеніи. Изъ людей науки лишь Миклошичъ, Зимма и Потебня обращали вниманіе на эту сторону народной поэзіи, и все, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи, весьма цѣнно. Мысль г. Ж. заняться поэтическимъ стилемъ и строемъ думъ—мысль очень хорошая; жаль только, что она выполнена неудовлетворительно, и сочиненіе г. Ж. ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала. Прежде всего, 38 стр. для характеристики строя рѣчи и поэтического стиля думъ—слишкомъ мало, особенно мало при стилѣ автора, расплывчатомъ, пространномъ, съ риторическими прикрасами. Затѣмъ, г. Ж. при разсмотрѣннн языка думъ оставляетъ въ сторонѣ цѣныя сообщенія по этому поводу Миклошича, Зимы и Потебни, даже не упомяная ихъ по имени, что даетъ поводъ къ предположенію, что автору остались вполнѣ неизвѣстными „Die Darstellung im slavischen Volksepos“¹⁾, „Serbische Epik“ Миклошича, „Figure“ Зимы, статья Потебни о малор. пѣснѣ XVI в. и многія мѣста въ его „Объясненіяхъ малор. и сродн. пѣсенъ“. Наконецъ, и въ предѣлахъ 38 стр. авторъ не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ и съ 25-й страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія.

Въ оглавленіи первой главы находится заманчивое мѣсто: „архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ“; въ самомъ же изслѣдованіи этому интересному заголовку отвѣчаютъ лишь двѣ страницы (35—36), гдѣ говорится о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ думъ. Тема чрезвычайно интересная и важная, и нужно пожалѣть, что г. Ж. такъ мало обследовалъ архаизмы думъ. Авторъ—специалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ. Но онъ ничего другаго не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное, и въ этомъ отношеніи впадаетъ мѣстами въ излишнюю односторонность. Такъ, въ вопросѣ объ архаизмахъ въ лексическомъ строѣ думъ авторъ могъ только замѣтить церковно-славянскіе элементы, точно этими элементами исчерпывается весь вопросъ объ архаизмахъ думъ. При такой односторонности правильнѣе было бы въ заглавіи изслѣдованія поставить не „Мысли“, а „Мысль“. Въ частности же по вопросу объ архаизмахъ въ лексическомъ составѣ думъ г. Житец-

¹⁾ Русскій переводъ этого изслѣдованія вскорѣ появится въ I т. „Трудовъ Славянскои Комиссіи“ при Имп. Моск. Археол. Обществѣ.

кому многое оставалось еще сдѣлать. Если бы сравнить языкъ думъ съ языкомъ Слова о Полку Игоревѣ, затѣмъ съ языкомъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, хотя бы такихъ характерныхъ по лексическому составу, какъ Рѣчь Ивана Мелешка, Перестречи и посланія Іоанна Вишенскаго, наконецъ, съ современной живой малорусской рѣчью, то вопросу объ архаизмахъ думъ пришлось бы посвятить обширную главу, можетъ быть, цѣлую монографію. Теперь же приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что авторъ напомнилъ о присутствіи въ думахъ архаизмовъ церковно-славянскаго характера.

О многомъ г. Ж. совсѣмъ умалчиваетъ, напр. о запѣвахъ и припѣвахъ, о чемъ ранѣе А. А. Потебня сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, безъ выдѣленія думъ, что было для г. Ж. спеціальной задачей; ничего дальѣе не говорится въ „Мысляхъ“ о такихъ характерныхъ явленіяхъ въ языкѣ славянскаго эпоса, въ частности думъ, какъ повторенія словъ и цѣлыхъ предложений, эпитеты и сравненія, о чемъ ранѣе говорилъ Миклошичъ въ „Die Darstellung im slav. Volksepos“.

Запѣвы привлекали вниманіе выдающихся ученыхъ, А. А. Потебни и А. Н. Веселовскаго. Въ „Объясненіи малор. и сродн. нар. пѣсень“ Потебня находитъ много цѣнныхъ фактовъ и соображеній. А. Н. Веселовскій въ рец. на „Труды“ Чубинскаго (стр. 37—38) даетъ слѣдующую мѣткую характеристику запѣва: „Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивы въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типическою чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зиронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшого дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ народной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людскаго быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа, — какъ и наше обособленное доэгоизма личное чувство растетъ, изощряется и никнетъ — анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ... Народная пѣсня живетъ повтореніями; его избита, потому что связала немногими мотивами и рядомъ ассоціацій, представленныхъ поэтическимъ символизмомъ“.

Мы не имѣемъ основанія требовать отъ автора широкаго изученія запѣвовъ, хотя такое изученіе и не поставили бы ему въ вину; но мы желали бы видѣть изученіе запѣвовъ думъ въ за-

висимости отъ теоріи автора о школьныхъ вліяніяхъ, желали бы получить отвѣты на вопросы: не отразилась ли въ запискахъ думъ своеобразная логика школьнаго пониманія? сливаются ли они съ обыденными пѣсенными записками?

Малорусскія думы очень любятъ *тавтологію* и въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются сопоставленія синонимовъ, двойныя слова, повтореніе нарѣчій, предлоговъ. Отмѣтимъ два, три десятка такихъ случаевъ (по сб. Ант. и Драгом.).

Грунтъ—худоба (119),	батькова—матчина (111, срв. 180, 187),
хлебъ—силь (118),	сира—сырныя (90),
пыли—туманы (113),	сіе—посивае (80),
сребро—злато (91),	стучить—гремять (31),
селомъ—улицею (80),	бере—ханае (109),
звирь—птица (117),	стеле—покладае (116),
щука—рыба...	квиле—проквиле (177),
степь—долина (139),	мыто—промыто (II 21),
стежки—дорожки (II 102),	суды—судыты (49),
долины—яры (79),	рады—радылы . . .
доломъ—дольною (80),	обидь—обидае (248),
часъ—година (139),	сикты—рубаты. . .
свитлиця—камяныця (211),	думаты—гадаты (108),
кайданы—зализо (89),	пыты—пидпываты (212),
пиша—пишаныця (106),	пыть—гулять . . .
чужа—чужанина (332, 190),	леньмо—поленьмо. . .
птыхъ—копье (II 121),	кляла—проклинала (91),
живь—здоровь (116),	бижыть—пидбигае (332),
мало—немножко (117),	потурчила—побасурманила. . .
маль—невельчокъ (113),	

и т. д.

Въ южнославянскомъ эпосѣ и въ эпосѣ великорусскомъ обнаруживается то же самое повтореніе не только предлоговъ, но именъ существительныхъ, сопоставленіе синонимовъ, разнообразныя виды тавтологіи. Такъ, у сербовъ тамница тавна, болг. темна темница, велик. молоденьки молодушки, свѣтлая свѣтлица и др. (Miklosich, Die Darst. 7—26). Любопытныя аналогіи у Гомера указаны Миклошичемъ въ цитир. сочиненіи.

Изученіе *повтореній* въ предѣлахъ думъ также могло бы уяснить кое-что въ ихъ характерѣ и содержаніи. Акад. А. Н. Веселовскій такимъ образомъ объясняетъ повторенія въ народныхъ пѣсняхъ: „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насмытятся за-разъ. Веселые мо-

менты жизни переживаются быстрее... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процесъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тлутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгалась за ними въ сторону, и слова возвращаются къ основной нотѣ и (основному) образу („Нов. изслѣд. о франц. эпосѣ“, изъ оттиска). Очень любопытный примѣръ повтореній въ малорусской думѣ (у Ант. и Драг. I 100, № 33) приведенъ А. Н. Веселовскимъ въ цитированной статьѣ съ указаніемъ весьма характерной параллели въ нѣснѣ о Розандѣ. Г. Житенскому эта статья акад. Веселовскаго осталась неизвѣстной.

Г. Ж. не обратилъ вниманія на *сравненія*, а при изученіи сравненій не лишнимъ было бы вспомнить кое-гдѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ, напр. на стр. 123, при стихѣ думы о Кореунской битвѣ:

Не вербы-жъ то шумили и не галки закричали:
Тожъ козаки зъ ляхамы шво варыть зачинали.

Сравненіе враговъ ляховъ съ галками и битвы съ пиромъ воспроизведено по старому эпическому образу, въ вліяніи виршѣ.

Г. Житенкій также не обратилъ вниманія на *эпитеты*; объ этомъ нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что изученіе эпитетовъ въ думахъ могло бы кое-что уяснить по главному вопросу о вліяніи письменности на поэзію народную. Нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какое важное значеніе имѣетъ эпитетъ въ народной поэзіи; во многихъ случаяхъ эпитетъ является обломкомъ стариннаго міросозерцанія и быта, обломкомъ древнѣйшаго живописнаго состоянія языка. Въ виду такого важнаго значенія эпитетовъ, недурно было бы выбрать ихъ изъ думъ (хотя бы изъ одного сборника гг. Антоновича и Драгоманова), разставить въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ опредѣлились бы характерные приемы художественнаго опредѣленія природы и быта, затѣмъ распределить эпитеты въ предметномъ порядкѣ, что можетъ привести къ любопытнымъ историко-культурнымъ выводамъ, и, наконецъ, остановиться на нѣкоторыхъ эпитетахъ, особенно интересныхъ для историка культуры и психолога. Такая работа могла бы быть произведена приблизительно въ такомъ видѣ:

Бидны невольники (I 88, 90 и др.), Билый камень (I 31, 107), рука (83), нога, лицо, свѣтъ, свѣгъ, габа ((I 219), скамья (I 211), челядь (I 86, 109), Битый шляхъ (I 81, 83), Близка сусида (I 91, 190), Божій свить, Буйный витерь (I 80, 111), Булатна сабля (I 121), Быстрый конь (I 33), хвѣля (I 89), рѣка, Велики дороги росхидныи (I 116), диво (185), грихъ (186), Веселый край (I 191), Вирла жона (I 89), Вороний конь

(I 8, 31 и др.), Высока степь (I 116), Гнѣдый конь (Голов. I 12), Гордый пань (I 8), Горячи слезы, Гострый мечь (I 31), Далека дорога (I 138, 139), Добрая рада (I 1 и др.), Дрибень дощъ (I 9, 80), великор. мелкой частой дождикъ (Труды Яросл. Губ. Ст. Ком. I 13), листе-письмо (I 135), слеза, Жовтая коса (I 86), чоботы (Голов. II 50), мѣдъ на воротахъ (I 31), кость (I 89), Зеленый яворъ (I 85), дубъ (I 134), жупанъ (I 87, 116), диброва (83), Злая хуртовына (I 186), Золотой волось (I 83), столъ (83), човенъ (2), весло (1), перетни (2 и др.), соха (53), грива (3), сѣдло (2), серпы (79), мечь (46), златосини киндяки (219), Калинова стрѣла (2), Каміа тавница, Кленови уши коня (35), Кованый возъ (Голов. I 92), поясъ (Гол. II 50, Ант. I 43, 47), Кривава ничъ (I 185), Кришталева фляшка (I 77), Кровна родына (I 91), Миляны човна (I 1), сошникъ (53), Мизине дзецко (I 39), палець (184), Милосердный Господь (I 90, 88), Опрани кульбаки (I 114), Павный винокъ (I 43), Перлова тканка (Гол. II 50), Пильна годына (Ант. II 6), Пирскій конь (I 35). Писаня скрини (Гол. I 43). Простая дорога (I 91), люди (187), Рудая сукья (I 43). Руса коса (I 135, 138), Святое море (I 182), недіаля (88), небо (194), церква (184), письмо (185 и сл.), Семипядна пишаль (I 111, 219), Сердешни товарищи (I 192). Сивый конь (I 35, 6), волю (43), голубъ (93), зозуля (111), Сиза зозуля, орлы (88, 111), Сыре кориння (I 107), повки сироманци (111). Синее море (99 и др.), Смертельный грихъ, мечь (187), Срибныи пидковы (I 35), польця (53), Старья жоны (I 184), вдовы (187), мать (192), Супротыня хвѣля (I 191), Темный похоронъ (I 117), ничка (118), лѣса (7, 83), Тисови синци (I 44), Тихи воды (I 89), Тяжка неволя (I 88), Хрещеный народъ (I 191 и др.), Червоне убране (I 87), каптанъ (108), китайка (116), таволга (89), Чисте поле (I 7, 43), Чорный пожаръ (I 114), кровь (85), мажа (86), китыця (108), аксамить (165, 167), очи, брови (87, 117 и др.), воронъ (85, 117), хмара (79), Чудныя стороны (I 184), Широкий танецъ (I 36), Шовковый наметъ (I 8), хвостъ коня (35), Яворовы сходци (I 44), Яриі пчолы (I 40), ишеница (79), Ясный соколъ (I 95), огонь (77), зори (90), сонце, (ib.), зброя, мисляць, и т. д.

Цвѣтвые эпитеты самые распространенные. Въ изслѣдованіи Миклошича „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ мы находимъ подборъ наиболѣе встречающихся эпитетовъ сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ „бѣлый“ прилагается къ разнымъ частямъ человеческого тѣла. У Гомера—„бѣлый“ локоть, зубы, ячмень, городъ. У сербовъ также „камена тавница“, „руса коса“. Море—синее у сербовъ и великоруссовъ. Мелкое, дробное—ситное письмо у бол-

гартъ и сербовъ. Голубь и соколъ сивые и въ южнославянскомъ эпосѣ. Здѣсь же находимъ „вѣрную жену“, „зеленый“ боръ, ель, садъ, „золотые“ ключи, кольца, колыбель, чаши, вѣнки, „желтые“ сапоги (рариса), „бѣлую“ пшеницу, „ясное“ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, „широкіа“ дороги, „тихіа“ воды Дуная, „вороныхъ“ коней; у великоруссовъ повторяются почти всѣ эпитеты думъ: „каленая“ стрѣла, „ясный“ соколъ и солнце, „каменные“ палаты, „темные“ лѣса и темницы и др. (подроб. у Миклошича въ Die Darstellung... 26—40).

При группировкѣ эпитетовъ раскрывается широкая и живописная картина украинской природы, стариннаго быта, одежды, оруженія, пищи и пр., напр.: поле чистое (I. 7, 43)¹⁾, степь высокая (116), дороги простыя (91), или „великиа росхидниа“ (116), широкія, далекія (138, 139), дворъ, обмурованный бѣлымъ камнемъ, ворота изъ желтой мѣди (31), тесовыя сѣни, яворовое крыльцо (44), теремъ золотомъ писанный (46), вазы кованыя (Гол. I 92), мажи черныя (Ант. I 86), въ комнатахъ скамьи бѣлыя (211), скрини писаныя (Гол. I 13), флажки хрустальныя (Ант. 77) столы кедровыя, миски мѣдныя, ложки золотыя (297), кафтанъ красный съ черными шурками (108), у женщинъ и мужчинъ жупаны зеленые (87, 116), рубашка бѣлая, какъ свѣтъ, тонкая, какъ листъ, шапочка, якъ макъ дрибенька, съ „стриюцевымъ“ (т. е. страусовымъ) перомъ, дорогой матерія „златолавъ“ (парча) для атамана (219), для казаковъ сукни адаманки (Гол. I 13, 19), иногда чорный аксамитъ (Ант. 165, 167), у гетмана золотой перстень на мизинцѣ (II 4), кованный поясъ, на ногахъ шнурованыя битки, т. е. ботики (Гол. II 50, 74 Ант. I 43) сапоги изъ желтой кожи (Гол. II 50), у пояса шелковый платокъ (Ант. II 4), стрѣла каленая, сабля булатная, золотая (921, 49), мечъ золотой, острый, пицаль семиядная (111, 219), коня сивые, гнѣдые, большею частью вороные, вообще быстрые, и въ добавокъ—съ „кленовыми ушками“ (35) и „серебряными подковами“ (ib.). Нѣкоторыя детали, вѣроятно построены на древней бытовой дѣйствительности, о чемъ см. Ант. и Драг. I, стр. 47 и 49.

Нѣкоторые эпитеты представляютъ большой интересъ. Таковъ, напр., эпитетъ „жовта коса“ для обозначенія красавицы. Въ старинной пѣснѣ о трехъ поповнахъ, взятыхъ въ плѣнъ турками, одна изъ плѣнницъ говоритъ:

Косо моя жовтенькая!
Не маты ты рочесуе,

Визыкъ бичемъ рострипуе
(Ант. и Др. I. 86).

Въ сербской и болгарской народной поэзіи у красавицы коса также русая. Миклошичъ замѣчаетъ по этому случаю въ од-

¹⁾ Одиѣ цвѣровыя семыа, какъ и выше, относится къ сборнику Антоновича и Драгоманова.

номъ мѣстѣ: „Das Epitheton muss uralt sein, da heutzutage röthliches Haar bei den Serben zu den Seltenheiten gehört“, и въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ, что „damit stimmt die Nachricht von Prokopios überein, wonach die Slaven blond *ὀπερὸροι* waren“ (Die Darstellung... 31, 36). Любопытно, что въ средневѣковой Европѣ въ произведеніяхъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и германскихъ красавица—блондинка; у нея золотистые волосы, и въ то-же время прославляются черныя брови дугою, какъ въ малорусскихъ пѣсняхъ „очи карі“. Въ этой мелочи обнаруживается то родство психи малоруссовъ съ западно-европейскими народами, какое въ болѣе яркихъ формахъ сказывается въ существованіи у малоруссовъ множества западныхъ легендъ, новеллъ и фавеллъ, въ обиліи замѣтованныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и румынскихъ словъ. Итальянскій ученый Реньяръ въ предпочтеніи въ средневѣковой поэзіи типа блондинки склоняетъ видѣть антропологическій фактъ: арийцы — блѣлокурая раса. А. П. Веселовскій высказывается противъ этого мнѣнія, въ томъ предположеніи, что согласіе средневѣковой лирики въ культѣ блѣлокурой красавицы есть согласіе чисто литературное, причемъ источникомъ нужно считать сравнительно болѣе древнюю лирику провансальскую и старофранцузскую. Почтенный академикъ идетъ далѣе и говоритъ, что народная пѣсня (приведена одна сицилійская) не подтверждаетъ расоваго предрасположенія къ блондинкамъ (В е с е л. „Новыя изслѣд.“, отд. отт.). Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, получить болѣе полное разрѣшеніе съ подборомъ болѣе большого числа фольклорныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ такая мелочь, какъ „жовта коса“ малорусскихъ думъ, не лишена значенія, давая одинъ шансъ на сторону мнѣнія Реньяра.

Есть въ эпосѣ славянскомъ, въ частности въ думахъ, такія стороны, которыя совсѣмъ не обследованы, о которыхъ ни Миклошичъ, ни Потебня не говорили, и которыя представляютъ большой научный интересъ. Таковы *описательныя выраженія* и общія мѣста. У г. Ж. о нихъ помину нѣтъ. Между тѣмъ специальное изученіе общихъ мѣстъ и описательныхъ выраженій проливаетъ большой свѣтъ на психологію народную, въ особенности при сравнительномъ методѣ. Описательныя выраженія являются часто живой характеристикой предмета или народнаго взгляда на него, и при формальномъ своемъ значеніи не лишены историко-культурнаго содержанія.

Описаніе Украины въ думахъ типичное:

Вызовль, Боже, вси хъ	У край веселый,
бидныхъ невольникивъ	У миръ хрещеный,
На тыхи воды,	Въ города христіанськи
На яени бори,	(I 90).

Описательное выраженіе *многочисленнаго неприятеля*:

Ой по горахъ огни горять,
По долинахъ дыми курить (I 286).

Для выраженія *презрѣнія*:

Не подобало бѣ тоби падѣ намъ, козакии, гетьмановаты,
А подобало бѣ тоби наши козацьки курени підмитаты (II 122).

Для выраженія *изумленія*:

Гей вдарився та пань Савва по полахъ руками (Голов. I 20)...
Ударится обѣ полы руками,
Обильется дрибными слѣзами (Ант. и Др. II 5).

Для выраженія *поспѣшнаго бѣгства*:

... Голыми пятами наживавъ (Ант. II 27).

Это типичное выраженіе повторяется въ „Еясеждѣ“ Котлиревскаго.

Въ думахъ много описательныхъ и общихъ выраженій *для битвы и убійства*, въ зависимости отъ возникновенія думъ въ бурное военное время:

Всю мою землю Волоську обрушивъ,
Все мое поле копьемъ изоравъ,
Усильмъ моимъ волохамъ, якъ галкамъ,
Зѣ плечь головки познимавъ,
Де булы въ поли стежки-дорожки,
Волоськими головками повимощувавъ,
Де булы въ поли глыбокіи долины,
Волоською кровью повывповнювавъ (II 102)...
... Мой турки-явичары
Стали вси въ пень порубаны (I 210)...

Перебійнысь узавъ ляхивъ... у снопы класты...

Печай... взавъ ляхама, якъ снопама, по два ряды класты (II 46).

Послѣдній образъ прямо отвѣчаетъ мѣсту въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелють головами“ и пр.

Еще: тиломъ своимъ панськимъ комары годуваты (II 5).

Взявъ соби за жиночку (Въ „Этнограф. Обзор.“ кн. XVI мною собраны пѣсни на этотъ мотивъ).
Въ чистомъ поли могилочку.

... Три барвы на рокъ убираю:

Ой убираю на веснѣ та зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую (Голов. I 11).
Ой волиды Нечаенька въ дрибный макъ сѣкаты (Голов. I 9).

Описательныя выраженія *никогда*, о чемъ см. мою статью въ XVI кн. „Этнограф. Обзор.“ (1893 № 1), стр. 59—60; кромѣ того, у Ант. и Др. I 271, Гол. I 98, II 6.

Общее выраженіе для *шбелы, смерти*—„надъ NN черный воронъ кряче“ (напр., у Голов. I 9). Черный воронъ любитъ падалъ, и эта черта отразилась во многихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и повѣрьяхъ, о чемъ см. мою статью въ „Этнограф. Обзор.“ кн. IV. Въ исторической пѣснѣ о двухъ сестрахъ - плѣнницахъ черный воронъ пьетъ кровь человѣческую (Ант. и Др. I 85). Твардовскій въ описаніи осады Збаража казаками въ 1649 г. говорить, что казаки ругали осажденныхъ поляковъ и кричали имъ: „сдавайтесь, задерживаете кормъ воронамъ“ (ib. II 55). Повѣрье о зловѣщихъ воронахъ отразилось въ заговорахъ, Словѣ о Полку Игоревѣ и др. памятникахъ древности, о чемъ см. въ III т. изслѣд. Е. Барсова о Словѣ о П. И., стр. 103, 172—174.

Любопытно общее мѣсто малорусскаго эпоса: *казаки топчутъ конемъ дитей*. Такъ Алексѣй Поповичъ—

... зъ города выбигавъ,
Триста душъ дитей маленькихъ
Конемъ своимъ розбивавъ (I 179).

Богданъ Хмельницкій въ думѣ про угнетеніе Украины жидами
До польскаго города прибувавъ...
А которыи бувалы мали диты,
То винъ и киньмы порозбивавъ (II 28).

Другое общее мѣсто *пить съ кумой*:

Печай съ кумою медъ-вино кружае (Гол. I 8, Ант. и Драг. II 58, 62 и мн. др.).

Далѣе типично *сравненіе войны съ пиромъ*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (II 29) и въ думѣ про Корсунскую битву (II 33),—черта архаическая, хорошо извѣстная по Слову о Полку Игоревѣ.

Наряду съ типичнымъ выраженіемъ *ушетенія* въ видѣ *пѣды на жєницинахъ*, что встрѣчается въ древней лѣтописи и во многихъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, стоитъ близкое къ нему *locus communis*—*ораніе поля людьми*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (метитель Богданъ Хмельницкій):

Та старыми жидами оравъ,
А жидивками боронувавъ (II 28).

Въ галицкихъ вариантахъ думъ часто встрѣчается *писаніе писемъ* I 12, 18, 19, 46, 48, 93, 104, 108, что можетъ указывать на сербскія литературныя вліянія, такъ какъ въ сербской народной поэзій писаніе писемъ—излюбленное общее мѣсто.

Стрѣльба въ цель въ думахъ о Байдѣ (у Гол. I 2 и др.) встрѣчается, какъ общее мѣсто, въ великорусскихъ былинахъ, въ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, въ историческихъ преданіяхъ и сказкахъ разныхъ народовъ, о чемъ подробности см. въ моей статьѣ о народныхъ сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ въ „Этнограф. Обзор.“, кн. V, 130 (Вильгельмъ Телль, Ханенко и др. мѣткіе стрѣлки).

Обращеніе къ птицамъ, чаще всего къ орлу, представляется въ думахъ также общимъ мѣстомъ. Средневѣковый греческій эпосъ и ново-греческія пѣсни полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и героями. Обычный мотивъ: птица извѣщаетъ героя о постигшемъ его несчастіи (Дестунисъ, XXXIV т. Сборн. Акад. И. № 1, 21).

Не одні думы заслуживали болѣе обстоятельнаго изученія со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій; и въ тѣхъ виршахъ, которыя въ обилии приведены въ книгѣ г. Ж., есть много замѣчательныхъ образовъ и характерныхъ выраженій. Ограничимся двумя примѣрами:

Хто на семь свѣтъ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился (колесомъ катился).
Лѣта плынуть марне, якъ быстрая рѣка,
Часы молодые, якъ зъ дождю потоки,
Все то марно минаеть (стр. 76).

Для стилистической оцѣнки этого мѣста не лишено значенія слѣдующее выраженіе въ былинахъ о Добрынѣ: „Стала ждать Настасья Добрыню; ждетъ три года; день за днемъ, будто дождь дождитъ, недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить“ (Кирѣев. II 7, Рыбник. II 23, 26).

Въ другой виршѣ:

Прошли лета скоро, якъ быстрыя реки,
А я живу при несчастіи черезъ уси вѣки;
Віють вѣтры въ степу—запрету не мають,
Идутъ мысли въ день и въ ноци—спокою не дають (77).

Для опредѣленія внутренняго значенія и художественной силы этого образа, не лишне будетъ привести превосходное стихотвореніе А. Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ (см. „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1893, III, стр. 159 и сл.). Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII в. совпадаетъ съ высоко художественнымъ образомъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Такія сопоставленія не лишены значенія. Они объясняютъ силу образа, чтò на руку г. Житецкому, въ смыслѣ утвержденія его основной мысли о влияніи виршъ на думы.

На стр. 107, въ виршѣ, еврей говоритъ, что умершій раввинъ „теперь исть въ небѣ вола соробора“. Г. Ж. послѣ „соробора“

ставить: (sic); слово это взято, вѣроятно, изъ Талмуда; „вошь шарборъ“ упоминается въ „Мессіи Правдивомъ“ Галатовскаго и, что любопытно, также въ видѣ насмѣлки надъ евреями.

Обстоятельное изученіе формальной стороны думъ могло устранить иѣкоторыя недостаточныя ясныя и не вполнѣ правильныя сужденія о фактической сторонѣ ихъ. Такъ, на стр. 21 г. Ж. проклятіе, встрѣчающееся въ невольничьихъ думахъ, обращенное къ ненавистой землѣ турецкой, объясняется съ историко-бытовой точки зрѣнія. Разумѣется, такая точка зрѣнія здѣсь возможна; но при этомъ въ статьѣ о стрѣхъ рѣчи слѣдовало бы замѣтить, что форма проклятія основана не только на явленіяхъ жизни и не всегда служила выраженіемъ факта, а часто бывала простымъ эпическимъ приѣмомъ, и въ думахъ часто имѣетъ исключительное формальное значеніе *loci communis*. Съ такимъ значеніемъ чаще всего является проклятіе сына матерью, напр. въ думахъ про Морозенка (*Полит. писни* I 131), въ шотландскихъ балладахъ объ убійствѣ брата братомъ (Child, *The english and scot. ballads*, II № 49). Въ цѣнномъ изслѣдованіи Луки Зимы: „Figure u našem narodnomъ rjesničtvu“ (1880 г.) проклятіе выдѣлено, какъ самостоятельная фигура народнаго эпоса (140—142). Эта риторическая фигура извѣстна была и древнимъ—*ἀρά*, *execratio*). Въ сербскомъ эпосѣ проклятія очень распространены и разнообразны, какъ видно изъ сочиненій того же г. Зимы:

На стр. 12 г. Ж. говоритъ, что „историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованиями грамматической логики“, и далѣе, какъ объяснительный примѣръ, приведено описаніе бури на Черномъ морѣ въ думѣ про Алексѣя Поповича:

... на Чорному мори не гараздъ починае,
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половина мисяца у тьму уступило...

„Видно усиленіе мысли, говоритъ г. Житецкій, выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ“. Такого рода картины, повидимому, по плечу народнымъ поэтамъ, и созданіе такихъ картинъ не требовало особенныхъ усилий мысли. Въ шотландской балладѣ, сложеной подъ прямымъ влияніемъ средневѣковой легендарной литературы о чудесахъ Пресв. Богородицы, о чемъ подробно см. въ моей статьѣ въ I кн. „Кіев. Стар.“ 1894 г., находится подобная картина морской бури:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,

But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee. (Child, The engl. ballads III 18).

Затѣмъ, помимо историческаго реализма, картина бури въ думѣ про Алексѣя Поповича могла возникнуть подъ литературными вліяніями.

Въ концѣ первой главы г. Ж. говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ. Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ“. Далѣе авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному приему: именно сопоставляетъ нѣкоторыя мѣста думъ съ старинными памятниками письменности. Жаль, что у автора нѣтъ сопоставленія улеглись на одной страницѣ (37-й), причѣмъ взято только три отрывка думъ, и сравненіе произведено лишь съ тремя, притомъ поздними, памятниками: „Словомъ о бездождіи“ (конца XVII в.), „Мессіей Правдивымъ“ Галатовскаго (1665 г.) и „Казаньемъ на соборъ пресв. Богородицы“ по рукоп. 1751 г. То же явленіе—глагольная рима—обнаруживается въ гораздо болѣе раннихъ памятникахъ южно-русской письменности, современныхъ возникновенію наиболѣе старинныхъ думъ, напр., въ политическомъ памфлетѣ и бытовой сатирѣ конца XVI в., извѣстной подъ названіемъ „Рѣчи Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г.“, и въ посланіяхъ южнорусскаго писателя конца XVI в. Іоанна изъ Вишні (Вишненскаго).

Опредѣленіе думы, какъ особаго вида народнаго пѣснотворчества, у г. Ж. не отличается достаточной опредѣленностью. На стр. 7-й г. Ж. говоритъ: „въ думѣ передается *продуманный* (подчеркнуто г. Житецкимъ) рассказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія“; на стр. 17-й: „отъ народной малорусской думы именно вѣсть думой пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью“; на стр. 19-й: „вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими“. Квалификація думъ, какъ продуманныхъ произведеній, отвѣчающая основной теоріи автора о большомъ вліяніи на думы письменности, недостаточно опредѣляетъ думы. Продуманность свойственна всей народной поэзіи, и нѣкоторыя лирическія пѣсни проникнуты такой глубокой мыслью, какой нельзя встрѣтить въ думахъ. Таковы, напр., пѣсни: „Ой кудро, кудро, кудрявая“ и „Ой шлы чумаки зъ

Украины“, обследованныя А. А. Потебней въ I т. „Объяснительной малор. и сродн. пѣс.“ (стр. 247, 267), также нѣкоторыя колыдки и др. Г. Ж. правъ въ томъ смыслѣ, что на думяхъ лежитъ своеобразный отпечатокъ размышленія, что при своеобразномъ, болѣею частью историческомъ ихъ содержаніи и своеобразной формѣ въ видѣ длинныхъ и неравномѣрныхъ стиховъ, составляетъ наиболѣе характерную особенность думъ.

По объему и внутренней цѣнности главное значеніе въ изслѣдованіи г. Ж. имѣють 2 и 3 главы, гдѣ говорится о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Вирши разсмотрѣны по тремъ рубрикамъ: вирши правоучительныя, правоописательныя и историческія. Эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими главами богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это болѣею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайловскаго монастыря и Церковно-Археол. Музея при Кіев. Дух. Акад., а также изъ рукоп. сборника Кибальчича XVIII в.

Слабыя стороны этой наиболѣе крупной части изслѣдованія г. Ж. состоятъ въ слѣдующемъ:

Выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи школьной литературы, преимущественно виршъ, на думы, г. Ж. раннія явленія народной словесности объясняетъ, сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками. Думы, какъ извѣстно, существовали уже въ концѣ XVI в., а наиболѣе старинные образцы правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ виршъ г. Ж. приводитъ изъ памятниковъ половины XVII в.: «Лѣкарства роскошникамъ того свѣта», «Острожекаго лямента», или изъ еще болѣе новыхъ памятниковъ XVIII в., вертепной драмы, рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Затѣмъ, авторъ книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени. Совсѣмъ въ сторонѣ оставлены другія литературныя вліянія, напр., вліяніе западно европейской и малорусской легендарной литературы. Такъ, одна изъ лучшихъ думъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ—стоитъ въ тѣсной связи съ легендами о покаяніи грѣшника на морѣ и спасеніи его при участіи Пресв. Богородицы, о чемъ см. мою статью въ I кн. „Кіев. Стар.“ 1894 г. Это вліяніе можно усмотрѣть не только въ основной фабулѣ разсказа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; напр., въ легендѣ, нашедшей мѣсто въ „Запискахъ“ Петра Могилы, говорится, что казаковъ, возвращавшихся съ морского похода на Турцію, захватила страшная буря—„волны противныя“,—и въ думяхъ про Алексѣя Поповича вездѣ выдвинута „злосопротивна хвылечка“.

Нѣкоторыя малорусскія вирши могли возникнуть подъ вліаніемъ западныхъ мистерій, на что уже было указано въ одной небольшой статейкѣ (въ 6 стр.), напечатанной въ галицкомъ альманахѣ «Ватра». Въ замѣткѣ этой рѣчь идетъ о напечатанной въ іюньской кн. «Основы» 1862 г. пасхальной виршѣ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ адѣ съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставивъ въ адѣ только Соломона и Каина. Люциферъ опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Хотя основное содержаніе этой вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ ея была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши приведено одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV в. о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религиознымъ содержаніемъ мистеріи свободно и фамиллярно. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона—священникъ повторяется изъ нѣмецкой драмы: «Christi Auferstehung», по рукописи 1464 г.

Можно думать, что средневѣковая латинская и болѣе поздняя нѣмецкая и польская духовная лирика оказали вліаніе на малорусскія старинныя вирши, въ особенности на вирши правоучительныя. Вообще малорусская схоластическая литература XVII в. стоитъ въ прямой связи съ средневѣковой европейской схоластической литературой, и такое же сходство обнаруживается во всемъ строѣ и содержаніи южнорусской культуры XVII в. Не даромъ мы у южнорусскихъ писателей XVII в., особенно часто у Галатовекаго, встрѣчаемъ Ансельма Кентерберійскаго, Оому Аквинскаго, Дунса Скота, Петра Альфонса, Кантипрата, Ливануса и др. схоластическихъ писателей XII—XIV вѣковъ. Въ народной и полународной виршевой литературѣ малорусской XVII в. обнаруживается значительное сходство съ Vagantlieder средневѣковой Европы.

Христіанская латинская поэзія очень рано возникла на западѣ, въ Италіи, гдѣ она первоначально по самому языку могла пользоваться большимъ распространеніемъ, была памятна не однимъ церковникамъ, но вообще образованнымъ людямъ, грамматикамъ и риторамъ, которые не переводились въ Италіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ XII в. латинская поэзія развилась во Франціи, благодаря возникновенію умственныхъ интересовъ и общему подъему образованія, и почти одновременно она проникла и укрѣпилась въ Германіи въ кругу грамотныхъ людей. Составленіе виршей стало признакомъ образованности. Нѣкоторые писатели приобрѣли въ этой области громкую извѣстность, преимущественно во Франціи (Стефанъ Орлеанскій, Петръ Блуаскій, Гиларій). Выработаны были опредѣленные формы стиха и правила стихотворства: hexametri

consonantes, leonini, caudati, peracterici, repercussivi, pariles, dactylici, reciproci, retrogradi, concatenati, intercesi, circulati, citocadi (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder d. Mittelalters, 7). Стали выработываться самые мотивы, напр., мотив помилования о грѣхахъ. Такъ, клюнійскій монахъ Бернардь фонъ-Морла (XII—XIII в.) въ виршѣ въ 3000 гекзаметровъ, съ римами на концѣ и ассонасами въ серединѣ, оплакивалъ порочность и непрочность мірской жизни. Самое начало этой длинной вирши напоминаетъ многія позднѣйшія малорусскія вирши:

Hora novissima tempora pessima sunt, vigilemus.
Ecce minaciter imminet arbiter ille Supremus

Латинская духовная поэзія стояла самостоятельно въ ряду съ поэзіей рыцарской и поэзіей народной. Въ то время, какъ двѣ послѣднія, въ особенности поэзіи народная, ограничены были національными рамками, латинская поэзія была дорогой гостью въ всѣхъ западныхъ католическихъ странахъ, преимущественно въ средѣ образованныхъ людей. Латинскій языкъ и схоластическая школа были главными ея пропагандистами, и потому неудивительно, что и въ Малороссіи со времени Петра Могилы сильно развиваются вирши, какъ отраженіе уже заглушенной къ тому времени на западѣ латинской духовной поэзіи.

Малорусскіе „мандрованные“ дяки и школьники— пиворѣзы XVII в.— своеобразное мѣстное „культурное переживаніе“ западно-европейскихъ странствующихъ школяровъ, такъ называемыхъ вагантовъ и голіардовъ, которые процвѣтали въ западной Европѣ въ XII в. въ роли главныхъ расадниковъ свѣтской латинской лирики. Ваганты—странствующие грамотѣи-церковники. Ходили они изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пользуясь покровительствомъ закона и добротными даяніями горожанъ и рыцарей. Извѣстенъ указъ Фридриха Барбароссы 1158 г. о свободномъ путешествіи клериковъ по всей странѣ. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей говоритъ: „Urbes et orbem circumire solent scholastici, ut ex multis litteris efficiantur insani... ecce quaerunt clerici Parisii artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides“ (Hubatsch, 14). Странствующие пѣвцы церковники составляли товарищества, и уже во Франціи имъ дано общее наименованіе голіардовъ, причемъ въ одномъ постановленіи Трирскаго собора 1277 г. голіарды стоятъ рядомъ съ *joculatores* и *bufones*; въ эдиктѣ бременскаго архіепа. 1292— „*vagi scholares, qui goliardi vel histriones alio nomine appellantur*“. Изъ другихъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ видно, что голіарды были министрами, распѣвавшими по домамъ духовные стихи. Существуютъ различныя толкованія самого слова „голіарды“, причемъ одно изъ нихъ, производящее это слово отъ *gula* въ смыслѣ *gourmand, glouton*, т.-е. обжоры (Hubatsch, 10), ин-

интересно по отношенію къ названію украинскихъ школяровъ «иворѣзцами.»

Южнорусскіе пиворѣзы XVII в. не только по своему нравственному характеру, но и по излюбленнымъ литературнымъ темамъ напоминаютъ средневѣковыхъ вагантовъ. Ваганты любили говорить о випѣ и вишивкѣ, и поэзія ихъ отличалась значительной грубостью, по сравненію ея съ рыцарской поэзіей. Въ голіяхъ былъ сильный сатирической элементъ, выражавшійся, между прочимъ, въ насмѣшкахъ надъ монахами. Сатира не имѣла личнаго характера; она направлена была или противъ недостатковъ людей вообще, или противъ сословныхъ недостатковъ. При этомъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ сатира голій была вполне благонамѣренная и правдивая. Общей цѣлью латинской поэзіи голіардовъ было—*mores explorare, reprobare reprobos et probos probare*, и южнорусскія правоописательныя и правоучительныя вирши отличались такими же чертами и преслѣдовали такіе же цѣли.

Ваганты и голіарды хвастали своей школьной наукой и ставили себя выше свѣтскихъ жонглеровъ и шильмановъ, вообще выше свѣтскихъ людей:

*Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.*

Другой странствующій латинскій школяръ въ несчастіи говоритъ: «Куда мнѣ обратиться, мнѣ, знакомому съ музами, изучившему Гомера? Къ свѣтскимъ мнѣ не стоить итти; обратиться за помощью я могу только къ клерикамъ». Эти *viri litterati* хотѣли знать только съ *viris litteratis*:

*Aestimetur autem laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est et mutus.* (Hubatsch, 22).

Малорусскіе пиворѣзы раздѣляли этотъ взглядъ вполне и даже выражали его въ сходной формѣ. Они считали свою науку своимъ природнымъ преимуществомъ:

Не пиясь, что тебѣ не дано отъ Бога....
Если не рождень, не сунься въ науку....
Насъ братія соборвѣша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричтити
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управлять,
Но можемъ еще кувшты развѣ писати....

Лучше всего школярское высокоуміе выразилось въ виршахъ монаха Климентія:

Въ простого мужика простой есть обычай,
А въ письменнаго особый политичный звичай. (Житецкій 49, 51).

Тѣсная связь со школой и въ особенности школьная зубри- стика грамматтики наложили свою печать на поэзію вагантовъ и пиворѣзовъ. Такъ, въ латинскихъ виршахъ голіардовъ:

Multum habet oneris do das dedi dare....

Si te forte traxerit Romam Vocativus,

Et si te deponere vult Accusativus, etc...

Малорусскіе виршеплеты стараго времени:

Казавъ мени бакаляръ промовыты: „Азь, Азь!“

А якъ же и не вымовывъ, винъ по шци — разъ, разъ!

Крыкнувъ же винъ у друге: „А ну, кажи: Буки!“ и т. п.

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ латинскихъ стиховъ «Confessio poetae», составленномъ между 1162 и 1165 годами, поэтъ жалуется, что онъ созданъ изъ легкаго матеріала и подобенъ листу, которымъ играетъ вѣтеръ: „Я, какъ корабль, безъ кормчаго, говоритъ поэтъ, какъ птица, безцѣльно носящаяся въ воздухѣ. (Hubatsch, 44). Возможно, что подобнаго рода сравненія не остались безъ вліянія на позднѣйшія малорусскія вирши и пѣсни, напр.:

... .. родины не маю,

На чужини пробуваю и виць свий терлю;

Ой якъ орель по надъ поле повитрємъ носится,

Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселится....

Нѣгде отъ злыхъ чловѣкъ спокою не маю.... (Ж и т. 75).

Ваганты процвѣтали во Франціи въ XII и въ началѣ XIII в.; въ XIII в. они были многочисленны въ Англии и Германіи. Главными путями ихъ движенія и распространенія были Рейнъ („die grosse Pfaffengasse“) и Дунай (Hubatsch, 16). Въ XIV в. ваганты и голіарды подвергаются преслѣдованію со стороны церковныхъ властей за сатирическія вирши противъ порядковъ духовенства и въ особенности папства; они понемногу начинаютъ терять подъ собой школьную латинскую почву. Выгнанные изъ клира и школы, голіарды мало-по-малу отождествляются съ странствующими шпильманами и скоморохами. Въ латинскія вирши вносятся фразы французскія, нѣмецкія, смотря по національности ваганта, и, наконецъ, латынь совсѣмъ замѣняется живыми народными языками. Одни памятники старой латинской поэзіи сохранились въ монастыряхъ, другіе вошли въ студенческія пѣсни. Нѣкоторыми сатирическими произведеніями голіардовъ противъ Рима воспользовались въ XVI в. протестанты.

Допуская возможнымъ вліяніе латинской поэзіи Запада на малорусскія вирши стараго времени, мы до болѣе подробнаго обслѣдованія этого историко-литературнаго вопроса считаемъ нѣсколько смѣлыми и поспѣшными положенія г. Житецкаго о національномъ характерѣ украинскихъ пиворѣзовъ и ихъ литературныхъ произ-

веденій. „Не симпатиченъ для насъ обычай“, говоритъ г. Ж., „въ безцѣльной игрѣ жизни строить всякія штуки, рисоваться передъ народною толпою въ качествѣ удалихъ, добрыхъ молодцовъ, залицаться съ поселениками посредствомъ портретовъ.... Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанию собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства“ (52, 53). Все это, разумѣется, характерно для старой Малороссіи; но „самообличеніе пиворѣзовъ“ получить нѣсколько своеобразное значеніе, если допустить, что при благопріятныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, а, можетъ быть, даже и помимо ихъ, „самообличенія“ могли возникнуть на почвѣ литературныхъ заимствованій и подражаній, напр., подъ вліяніемъ чрезвычайно популярной у вагантовъ, потомъ у студентовъ пѣсни: „*Meum est propositum in taberna mori*“.

„Мы имѣли возможность, говоритъ г. Житецкій, пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ *прошломъ* и въ началѣ *настоящаго* вѣка для практическаго употребленія въ школахъ и въ школахъ. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу великаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ“ (43 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) г. Ж. перечисляетъ нѣсколько самообличительныхъ произведеній пиворѣзовъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Киев. Церковно-Археологическаго Музея.

Прежде всего нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Ж. не издалъ этихъ записей цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, что дало бы читателю возможность судить о внутреннемъ ихъ составѣ, о книжныхъ и народныхъ элементахъ. Разъ уже рѣшено было авторомъ не издавать эти сборники, нужно было по меньшей мѣрѣ представить обстоятельное описаніе ихъ.

Признавая школьные сборники, по немногочисленнымъ и краткимъ извлеченіямъ, весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ вообще и въ частности относительно думъ, я не могу, однако, вмѣстѣ съ г. Ж. утверждать, что эти сборники „должны служить основой для разъясненія вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ на-

родной поэзіи и особенно въ думахъ⁴. Сборники, по словамъ самого г. Ж., относятся къ XVIII и началу XIX ст., а книжный складъ носятъ уже думы XVII и даже конца XVI вѣка, если допустить, что дума про Алексѣя Поповича сложена въ концѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ эта дума сложена не позже начала XVII в. Ощутительное присутствіе въ этой думѣ книжныхъ вліяній расширяетъ поставленный г. Житецкимъ вопросъ о вліяніи школьныхъ учебниковъ вполне возможной гипотезой о болѣе раннемъ книжномъ вліяніи другихъ источниковъ, напр. латинской поэзіи вообще и легендъ въ частности.

У г. Ж. вездѣ, гдѣ говорится о виршахъ, выдвинуто исключительно бытовое начало и упущено возможное литературное начало, параллельное съ бытовымъ, изрѣдка, можетъ быть, и безъ примѣси послѣдняго. „Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похождения ихъ въ область женской красоты; но онѣ сложены въ добродушно шутовомъ тонѣ, который свидѣтельствуеетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немислимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея“ (53). Несомнѣнно, что дьякъ былъ въ старой Малороссіи свой человѣкъ, и можно согласиться съ авторомъ, что дьякъ пользовался симпатіями; но отсюда еще не вытекаетъ первая посылка автора о пѣняхъ про дьяка, какъ свидѣтельствъ народныхъ къ нему симпатій. Пѣсни прощескія на тему о любви дьяка къ женщинѣ легко могли быть заимствованы съ Запада, гдѣ любовныя похождения духовныхъ лицъ получили широкую литературную разработку въ новеллахъ, фацеціяхъ и миннезангахъ. Огромное большинство современныхъ малорусскихъ народныхъ сказокъ и анекдотовъ о любовныхъ похожденияхъ поповъ и дьяковъ построены на западныхъ литературныхъ источникахъ, и весьма вѣроятно, что и старинныя малорусскія вирши черпали изъ неистощимаго источника западно-европейской сатирической литературы на духовенство. Типъ влюбчиваго попа или дьяка давно сталъ излюбленнымъ въ народной словесности, отсюда перешелъ въ сочиненія Котляревскаго и Квитки и донинѣ воспроизводится малорусскими драматургами, и потому мы полагаемъ, что исключительно бытовое объясненіе личности дьяка въ малорусскихъ виршахъ XVIII в. такъ-же несостоятельно въ научномъ отношеніи, какъ было бы несостоятельно сужденіе о нравахъ современныхъ дьячковъ и отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ по персонажамъ въ комедіяхъ г. Крошвинцаго.

Г. Житецкій говоритъ, что люколяры, „постепенно сливаясь съ народной массой, превращались изъ латинниковъ въ псалтырниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго

содержанія^а (54). Возможно, что такое отрицательное отношеніе псалтырники уже нашли въ кунштахъ и виршахъ и затѣмъ лишь примѣнили его къ себѣ и къ окружающей ихъ средѣ.

Разъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ обнаруживается большое сходство въ пѣсняхъ разныхъ народовъ, необходимо къ фактическому содержанію такого рода пѣсенъ относиться съ большою осторожностью, не давая ему бытового приуроченія. А въ пѣсняхъ о дѣякахъ много такихъ совпадений, указывающихъ на общій литературный источникъ. Возьмемъ въ видѣ характернаго примѣра слѣдующія двѣ пѣсни, галицко-русскую (Голов. II, 146—147) и моравскую, (*Súšil*, 76), и сопоставимъ ихъ параллельно:

Дячку, дячку вывчєный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що еденъ
а еденъ?
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралює
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывчєный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що два а два?
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Двохъ ихъ было Божихъ святца,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралює
И кралеваць все буде.

Дячку, дячку вывчєный,
На всѣ школы выбранный!
Повѣдъ же намъ, що три а три?
Трєхъ ихъ было патруляшовъ,
Двохъ ихъ было Божихъ святца,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралює
И кралеваць все буде.

Вопросы и далѣе идутъ въ такой же обстановкѣ, съ такими цифровыми комментаріями:

Штыри лєты ангєлисты...
Пять ихъ было Божихъ раць...
Шести грають лєлію

Žačku, žačku učeny,
Ze všech škol vybirany
A ty viš, nam povíš,
Co je jeden?
A já vim vám povím,
Co je jeden.
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.
Žačku, žačku učeny,
Ze všech škol vybirany!
A ty viš nam povíš,
Co to jsou dvě?
A ja vim, vám povím,
Co to jsou dvě.
Dvě tabule Mojžíšovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest.

Žačku, žačku učeny,
Po všech školach cvičeny,
A ty viš, nam povíš,
Co to jsou tři?
A ja vim vám povím,
Co to jsou tři.
Tři patriarchove,
Dvě tabule Mojžíšovy,
Jeden jest Jesu Krist,
Co nad nami králem jest...

и т. д. съ добавленіями въ слѣдующихъ строкахъ:

Čtyry evangelistove...
Pet ran Kristových krvavých...
Šest jest stoudní kamenných

Передъ паянковъ Мариовъ....
 Семь радости у Бога...
 Восемь свѣчь горить предъ
 Богомъ....

Дячку, дячку вывченый,
 На всѣ школы выбранный!
 Повѣдъ же намъ, що девять?
 — Що я вѣмъ, то повѣмъ:
 Девять коронъ ангельскихъ,
 Восемь свѣчь горить предъ
 Богомъ,
 Семь радости у Бога и т. д.

V Galileji postavenych....
 Sedum darů Ducha svetebo....
 Osmero blahoslavenství....

Devět je zbořů anjelských....
 Deset Božích přikazání....
 Jedenast panen zamordovaných....
 Dvanast apostoľů....

и т. д.

Галицко-русекій вариантъ этой пѣсни съ „ученымъ дякомъ“ подкупаетъ изслѣдователя въ пользу историко-бытового комментарія если не всей пѣсни, представляющей хорошо извѣстный апокрифъ (о чемъ см. Веселовскаго въ Сборн. отд. р. яз. Акад. П. т. XXXII, стр. 78—82, 92—95, 432—433, Н. Сумцова Очерки ист. южнорус. апокриф. сказ. 145—146), — то заглава о дякѣ; но разъ мы находимъ и въ моравскомъ вариантѣ буквальные выраженія объ ученомъ дякѣ, то всякія бытовые приуроченія дѣлаются вообще шаткими.

На стр. 75—76 г. Ж. говоритъ мимоходомъ о псалмѣ „Сиритка“, распѣваемой и теперь лириками. Авторъ замѣчаетъ о близости этой псалмы „къ народному настроенію“ и о „трогательности“ ея содержанія. Соглашаясь съ авторомъ, мы замѣтимъ, что основная тема вообще близка къ народному настроенію и у разныхъ народовъ разработана въ трогательно-меланхолическомъ тонѣ. Остановимся на псалмѣ, указанной у г. Ж., напеч. въ III т. I ч. Голловацкаго стр. 272:

А въ недилю рано взяло свитаты,
 Пишла сиритка мамунци шукаты;
 Ой пишла сиритка горама, долама,
 Здыбавъ ю Господь съ двома ангелама;
 „Где йдешъ, сиритко?“ — „Мамуни шукаты“.
 „Вернись, сиритко, бо далеко зайдешъ,
 Бо далеко зайдешъ, мамунци не знайдешь“...

По указанію Господа, сирота находить могилу матери. Мать посылаетъ ее къ мачехѣ. Мачеха не помыла головы сиротѣ, а прокляла ее, не сшила ей сорочку, а избила ее. Ангелы унесли душу сироты въ рай, а черти унесли душу мачехи въ адъ.

Во Франціи въ Верхней Бретани записана такая пѣсня:

C'était une complainte de trois petits enfants (bis),
 Leur mère était morte, leur père se maria
 A une méchante femme pour élever ses enfants.

Le plus petit demande un petit morceau de pain,
Un grand coup de pied dans le coeur le renversa par terre,
Relève toi, mon frère, nous irons au cimetière
Trouver notre mère...

Dans leur chemin rencontrent Notre Seigneur Jésus-Christ,

— „Ou allez vous, trois anges, trois anges si petits?“

— „Nous allons au cimetière trouver notre mère“...

Спаситель даетъ матери 12 лѣтъ жизни для воспитанія дѣтей (Revue des trad. popul. 1892, IV 292).

На стр. 66—69 г. Ж. приводитъ содержаніе галицкой колячки „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“, основная мысль которой выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Въ чемъ же заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?—спрашивается по этому поводу г. Ж., и затѣмъ говоритъ: „Глубоко трогательный отвѣтъ мы находимъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ“. Древнѣйшимъ вариантомъ этого стиха г. Ж. считаетъ тотъ, который начинается напоминачіемъ о смерти (у Г о л о в. II 21). „По всему видно, говоритъ г. Ж., что стихъ этотъ былъ предназначенъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ... Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей“... Авторъ сходитъ здѣсь съ историко-литературной на историко-бытовую почву безъ достаточнаго фактическаго основанія. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древней апокрифической литературѣ, о чемъ подробности см. въ диссертациі г. Мочульскаго: „О Голубиной книгѣ“, стр. 186—234. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на мало-русской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ.

Отъ краткихъ и общихъ замѣчаній о пѣсняхъ о правдѣ и кривдѣ г. Ж. переходитъ на 69 и на слѣд. стр. къ пѣснямъ о матери вообще и въ частности къ думамъ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Что же связываетъ всѣ эти пѣсни? Г. Ж. связью ставитъ такой общечеловѣческой мотивъ, какъ любовь къ матери: „По народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей (?) любви и безконечнаго (?) самоотверженія. Она есть сама правда—такъ-же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прибита“, поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется матерью родною, а мать въ свою очередь—правдою вѣрною. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа на небѣ“. Это разсужденіе г. Ж., весьма краснорѣчивое (авторъ любитъ выражаться цвѣтисто), въ научномъ отношеніи вполнѣ несостоятельно. Литературныя явленія здѣсь совсѣмъ оторваны отъ исторической почвы и получаютъ слишкомъ одностороннее и искусственное

семейно-нравственное толкованіе. И въ общемъ сужденіи автора о значеніи матери въ малорусской народной поэзіи есть преувеличеніе. Далеко не всегда здѣсь мать является „самой правдой, вѣчно страдающей“. Во многихъ пѣсняхъ мать не лишена большого себелюбія и за оскорбленіе, неуваженіе, или даже простое непослушаніе метитъ сыну проклятіями и низводитъ на него всякаго рода бѣдствія и преждевременную кончину.

У г. Ж. совсѣмъ нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльных думъ, и гдѣ о нихъ заходитъ рѣчь, мы видимъ лишь общія фразы и неопредѣленные характеристики моральнаго свойства. Фактическое содержаніе думъ какъ-то ускользаетъ у автора изъ рукъ, и думы объединяются по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Выше мы отмѣтили, что рядъ разнородныхъ пѣсней объединенъ г. Житецкимъ по мотиву любви къ матери. Другимъ характернымъ примѣромъ такого случайнаго объединенія пѣсней могутъ служить 143 и слѣд. стр. „о рубаныхъ казакахъ“. „Такихъ пѣсней (о рубаныхъ казакахъ) въ малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Последнею заботой ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ“... Далѣе авторъ вспоминаетъ пѣсни о смерти казака вообще, думы о Ѳедорѣ Безродномъ, объ Ивасѣ Коновченкѣ. Рамка для сравненія и объединенія пѣсней взята слишкомъ общая; въ такую рамку можно вставить не только думы о Ѳедорѣ Безродномъ и объ Ивасѣ Коновченкѣ, но массу западныхъ пѣсней, греческихъ о смерти клефтовъ, сербскихъ о смерти юнаковъ, пѣсней шотландскихъ, французскихъ и мн. другихъ. Въ эту рамку можно ввести и „Шотландскую пѣсню“ А. С. Пушкина. Такія общія рамки совершенно бесплодны въ научномъ отношеніи. Дума о Ѳедорѣ Безродномъ оригинальная, а пѣсня о смерти казака въ степи съ обращеніемъ его къ коню съ просьбой извѣстить родныхъ о его смерти можетъ быть заимствованной и лишь приуроченной къ мѣстнымъ условіямъ. Крайности обобщенія по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ обусловлены той особой складкой ума, которая при господствѣ одной общей идеи—въ данномъ случаѣ идеи о вліяніи виршей на думы—пренебрегаетъ и даже совсѣмъ не замѣчаетъ частности, какъ бы важны онѣ ни были по существу своему.

Наклонность къ широкимъ морально-литературнымъ обобщеніямъ думъ, пѣсней и виршей у автора идетъ рука объ руку съ риторизмомъ и многословіемъ, мѣстами затемняющими ходъ изслѣдованія. Среди многословныхъ разсужденій и обобщеній у г. Ж. иногда проскальзываютъ ошибочныя положенія, напр.: „Мы понимаемъ, говоритъ г. Ж., что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностью, но для насъ ва-

женъ поэтической замысль—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, восстанавливающей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и до нынѣ живеть малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ кооперации многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззащитной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это мировоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови* (72). Въ этомъ довольно таки темномъ разсужденіи выдается мнѣніе г. Ж., что малорусская народная этика сводится къ семейной морали. Странно, что такое мнѣніе высказывается въ специальномъ изслѣдованіи о думахъ, т. е. такихъ памятникахъ народной словесности, которые почти всецѣло построены на общественной морали. Но и помимо думъ есть много народныхъ пѣсенъ, доказывающихъ чуткое отношеніе малоруссовъ къ общественной морали. Такое отношеніе обнаруживается даже въ такихъ архисемейныхъ пѣсняхъ, какъ пѣсни колыбельныя. „Общественные интересы въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ выступаютъ на первый планъ. Въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ всѣхъ разрядовъ семейное счастье ставится выше личнаго; общественному же благосостоянію приносится въ жертву то и другое. Идеаль, рисуемый малорусской, отличается нравственной широтой:

Бодай спало—не плакало,

Бодай росло—не болело

Головонька и все тило—

Отцу, матци на втишеньку,

Добрымъ людямъ на службу

(Ветуховъ, въ XV кн. „Этногр. Обзор.“ стр. 99).

Этотъ частный случай съ достаточной ясностью показываетъ, какъ далеко авторъ заходитъ въ своихъ обобщеніяхъ и къ какимъ одностороннимъ выводамъ пришелъ онъ, увлекшись идеей объ исключительно высокомъ значеніи у малоруссовъ идеала матери.

Многія общія положенія, общія замѣчанія г. Ж. заслуживаютъ фактической научной провѣрки. Таковы, напр., вскользь высказанныя замѣчанія о пессимизмѣ, „своиственномъ міровоззрѣніи малорусскаго народа“ (стр. 59), о слияніи въ малорусской поэзіи „скорби и смѣха, безграничной вѣры и безопаднаго (?) сомнѣнія“ (58) и нѣкот. др.

Г. Житецкій часто смѣшиваетъ двѣ по существу различныя точки зрѣнія—историко-литературную и историко-бытовую, не довольствуется ролью историка литературы и вторгается въ исторію бѣга, иногда безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Напримѣръ, на 77—78 стр. г. Ж. приводитъ въ извлеченіи любопытную псалму о молодости и старости, причемъ псалма рекомендуетъ удаленіе отъ міра, бѣгство въ темныя луга, въ степи и пустыни. По этому поводу г. Ж. говоритъ слѣдующее: «Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ Запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а «Вельмъ дугъ—батькомъ». Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьѣ и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псалмѣ:

Не пиду у мырь,	Щобъ душу спасти,
Пиду въ монастырь,	Щобъ Господь простыть...»

Авторъ здѣсь очевидно совѣмъ сошелъ на историко-бытовую почву и упустилъ изъ виду, что псалмы объ удаленіи горемыки въ пустыню или въ монастырь воспроизводятъ тотъ же мотивъ «о спасенномъ пути», который съ полнотой разработанъ въ русской повѣсти или (какъ Срезневскій называлъ ее) старческой пѣснѣ о Горѣ-Злочастіи.

На стр. 90 г. Ж., говоря о виршахъ про Ирода, вспоминаетъ нектати о татарахъ.

Въ книгѣ г. Ж. мѣстами приведены вирши, хотя весьма интересныя, но собственно къ думамъ не имѣющія отношенія, напр., стихотворная легенда о пекельномъ Маркѣ (стр. 98). Эта легенда—своеобразная малорусская переработка широко распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ сказаній о солдатѣ (мужикѣ) въ аду. (Афанасьевъ IV 494, Ватра 124—128, бретонская сказка въ Крѣпидиз II 77, „Кіев. Стар“. 1886 VI 445, Добро-

польскій, Смол. Этногр. Сбор. I, 285, Zbiór Wiadomości VIII 301, Караджичъ, Приповѣтки 301).

При нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ желательно видѣть историческія справки. Такъ, г. Ж. на стр. 104 говорятъ: «во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ... Отывокъ изъ интерлюдіи Довгалевскаго приведенъ по рукописи 1736 г., хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Мотивъ о чудесномъ снѣ былъ уже ранѣе подробно обследованъ на страницахъ „Кіев. Стар.“ въ статьѣ г. Кузьмичевскаго, къ которой можно теперь сдѣлать довольно много дополненій (напр., изъ XVI т. Сборника матер. для опис. мѣсти. и плем. Кавказа, 293 и др.).

Цѣлая IV глава, довольно большая (137—156), носитъ нѣсколько странное заглавіе: «Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ». Относительно научнаго изученія пѣсенъ въ деталяхъ, по отдѣльнымъ мотивамъ, сдѣлано такъ мало, что врядъ ли можно судить о нихъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ. Однѣ лишь колядки разобрали А. А. Потебней по мотивамъ, а пѣсни историческія, балладныя, любовныя, семейно-родственныя и пр. совсѣмъ не подвергались такому изслѣдованію. Какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ? Въ дѣйствительности, мы не находимъ въ этой главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его А. А. Потебня, и глава эта не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ научнаго разложенія и опредѣленія составныхъ элементовъ думъ. Авторъ ограничивается пересказомъ нѣсколькихъ думъ, сопоставляя ихъ по самымъ общимъ признакамъ (думы невольницкія, думы о рубаныхъ казакахъ). Простой фразеологіей представляется замѣчаніе г. Ж. на стр. 138 что то, «что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія казашкой славы». Для того, чтобы доказать такое соподчиненное отношеніе пѣсенъ и думъ, нужно было привести выдержки изъ пѣсенъ и изъ думъ, но такихъ выдержекъ въ книгѣ г. Ж. нѣтъ и быть не можетъ, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій на стр. 139: «для этихъ думъ (о Самойлѣ Кишкѣ, объ Иванѣ Богуславцѣ и др.) почти невозможно подобрать соответствующихъ параллелей въ пѣсняхъ». Несомнѣнно, что «творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній» (стр. 143); но изъ сочиненія г. Ж. не видно, какъ и чѣмъ они могли пользоваться.

Чтобы разобраться въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ, нужна обширная и разносторонняя эрудиція, внимательное отношеніе къ малѣйшимъ деталямъ и большая осторожность въ обобщеніяхъ.

Въ V главѣ г. Ж. говорить о творцахъ думъ. Авторъ путемъ наведеній и литературныхъ вышней старается убѣдить читателя, что творцами думъ были «старци», т. е. нищіе. Проживая въ церковныхъ шпиталяхъ, вблизи школъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церковникамъ, нищіе усвоивали отъ нихъ литературные мотивы и переработывали ихъ по даннымъ народной жизни. Трудно принять эту гипотезу по той причинѣ, что «старци» издавна извѣстны, какъ люди физически немощные, калѣки, больные и престарѣлые; люди такого «убогаго чина» не могли создать такіа сильныя художественныя произведенія, какъ думы. Возможно, что и «старци» были творцами думъ, но не такіе убогіе, какими они являются въ книгѣ г. Ж., какими они въ дѣйствительности были въ XVII — XVIII в., а предположительно такіе, какъ богатыри велико-русской былинны о сорока каликахъ со каликою. Можетъ быть, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ-пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію. Въ 1283 г. въ Курской области татарами были «перемани переходницы, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще» (Л. Майковъ, Матер. по стар. рус. литер. I 41). Среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріатели западныхъ вагантовъ и голлардовъ.

Въ послѣдней главѣ (VI) напечатана старинная (между 1808 и 1827 г.) запись малорусскихъ думъ, принадлежавшая покойному А. А. Котляревскому. Думы и пѣсни расположены въ рукописи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ пѣвну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко, 3) Алексѣй Поповичъ, 4) Ѳеодоръ Безродный, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ и сестра, 9) Самійло Кишка, 10) Иванъ Богословець, 11) Вдова въ г. Чечельничѣ, 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Дѣвѣра съ Дунаемъ и 16) Вдова Ивана Сирка. Отрывки изъ девяти думъ ранѣе были уже напечатаны Н. И. Костомаровымъ въ статьѣ его о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ въ «Русской Мысли» 1880 и 1883 г. Г. Житѣкѣй издалъ полный текстъ 13 думъ; не изданы только пѣсни: Дворянская жена, Чечотка и Попадья, хорошо извѣстныя по другимъ сборникамъ. Въ началѣ главы г. Ж. говорить о языкѣ записи. Составитель записи внесилъ великорусскія слова, но не былъ твердъ въ русскомъ правописаніи. Сверхъ десяти вариантовъ извѣстныхъ уже думъ, руко-

писи Котляревскаго даетъ еще три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Ивана Сирка и 3) Разговоръ Дибра съ Дунаемъ. Последняя дума отличается искусственностью. Повидимому, это искусственная пѣсня, составленная довольно неумѣло, можетъ быть, въ началѣ настоящаго вѣка, на популярный народно-поэтический мотивъ о разговорѣ рѣкъ.

Въ началѣ думъ г. Ж. помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержания, или краткое сравненіе вариантовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варианты. Вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія. Подстрочныя бібліографическія указанія могутъ пригодиться лицамъ, занимающимся думами, хотя они не совсемъ полны. Такъ, г. Ж. оставилъ въ сторонѣ польскіе этнографическіе сборники, въ которыхъ изрѣдка попадаются малорусскія думы; таковы, напр., «Zapiski etnograficzne» Руликowskaго, напеч. въ III т. Краковскаго изданія Zbiór wiadomości, гдѣ находится дума объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, думы о Дмитріи Вишневецкомъ, Семенѣ Паліи и др. Упущены изъ виду кое-какіе варианты, изданные въ русскихъ журналахъ, напр., вариантъ думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, напеч. въ «Кіев. Стар.» 1885, II, 215—228. Но въ общемъ подстрочныя бібліографическія указанія г. Ж. отличаются значительной полнотой.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что г. Житецкій, не изслѣдуя думъ въ отдѣльности и не останавливаясь на частности, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на постановкѣ и рѣшеніи важнаго общаго вопроса о вліяніи школы на языкъ и содержаніе думъ. Авторъ открываетъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, причѣмъ вниманіе изслѣдователей направляетъ въ сумѣжьи между книжной литературой и народной поэзіей, между школой и жизнью, т. е. въ такую область, гдѣ приходится вникать въ весьма сложныя соотношенія безыскусственнаго народнаго творчества, школьнаго образованія и исторически сложившейся бытовой обстановки. Авторъ обнаружилъ большую любовь къ избранному имъ предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Мысли о нар. малор. думахъ», помимо общихъ выводовъ и соображеній автора, заключаютъ въ себѣ новыя фактическіе матеріалы, отрывки изъ любопытныхъ виршъ (по неизданнымъ рукописямъ) и нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ изъ рукописи А. А. Котляревскаго. Все это въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе.

Н. Ө. Сумцовъ.

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

О зачатках и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ.

Grosse: Die Anfänge der Kunst. (Freib. u Leipz. 1894. стр. 301, 8°).
Ch. Létourneau: L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. (Paris. 1894. стр. VII+574. 8°).

Оба труда, заглавія которыхъ мы выписали, затрогиваютъ одну изъ наименѣ разработанныхъ сторонъ науки этнографіи, и какъ таковыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Работа французскаго этнолога рассматриваетъ только часть тѣхъ явленій, въ которыхъ высказывается эстетическое чувство человѣка; трудъ г. Гроссе стремится охватить всѣ указанная явленія: но, въ то время какъ г. Гроссе подвергаетъ наблюденію только наименѣ культурныя народности, г. Летурино рассматриваетъ произведенія народнаго творчества и у культурныхъ народовъ вплоть до средневѣковой литературы, такъ что обѣ работы могли-бы дополнять другъ друга. Основанія сперва на первой.

Г. Гроссе справедливо полагаетъ, что никакая «исторія искусства» недостигнетъ полноты и правильности выводовъ, если авторъ ея не обратитъ вниманія на произведенія художественнаго творчества у первобытныхъ народовъ: во всѣхъ остальныхъ областяхъ социологіи, пишетъ г. Гроссе, научились начинать сначала; всѣ прочія социологическія дисциплины повяли, какую могущественную помощницу онѣ имѣютъ въ лицѣ этнологіи; только наука объ искусствѣ все еще пренебрегаетъ бросить взглядъ на грубыя произведенія первобытныхъ народовъ, даваемые въ ея распоряженіе этнологіей. Наука объ искусствѣ должна распространять кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ племена. Если мы хотимъ достигнуть научнаго пониманія искусства культурныхъ народностей, мы должны раньше проникнуть въ сущность и въ условія существованія искусства у народовъ первобытныхъ: — неизбѣжно знать таблицу умноженія прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію болѣе сложныхъ математическихъ задачъ; для знакомства-же съ первобытнымъ искусствомъ слѣдуетъ обращаться не къ исторіи, не къ памятникамъ доисторическимъ, а къ этнологіи. Слѣдуя этому, авторъ собралъ обширный матеріалъ по искусству у некультурныхъ племенъ, но этотъ мате-

риаль во многихъ отношеніяхъ оказался недостаточно полнымъ. Въ многочисленной этнографической литературѣ, въ музеяхъ дѣйствительно собранъ довольно значительный, хотя и далеко не исчерпывающій вопроса матеріалъ по произведеніямъ искусства у первобытныхъ народовъ, поскольку оно выражается въ предметахъ видимыхъ, осязаемыхъ; но обширная область народнаго творчества сравнительно мало изслѣдована; относительно многихъ народностей свѣдѣнія о произведеніяхъ ихъ поэтическаго творчества крайне скудны, а относительно многихъ изъ нихъ свѣдѣній нѣтъ совершенно. Въ еще худшемъ состояніи находится дѣло изученія музыки у первобытныхъ племенъ: даже тѣ немногіе образцы примитивныхъ мелодій, которыя записаны у нѣкоторыхъ народностей, оставляютъ желать еще многого. Авторъ вполне сознаетъ трудность своей задачи и вслѣдствіе этого, насколько это касается малоизслѣдованныхъ областей, крайне остороженъ въ своихъ выводахъ.

Другой важный вопросъ, который приходится рѣшить г. Гроссе прежде чѣмъ приступить къ изложенію зачатковъ искусства на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества,—это вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ «первобытный» народъ. Авторъ отмѣчаетъ неопредѣленность этого термина, который и до него смущалъ многихъ. Предполагаемая субъективность взгляда, опредѣляющаго, что слѣдуетъ считать предшествующимъ и что послѣдующимъ звеномъ въ общей исторіи развитія человѣчества, заставляетъ многихъ изслѣдователей стремиться къ отысканію прочнаго критерія для этнологической классификаціи народовъ, и г. Гроссе, вмѣстѣ со многими другими, надѣется найти этотъ критерій въ различіи экономическаго быта разныхъ племенъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе справедливости этого взгляда, какъ потому, что намъ пришлось неоднократно говорить о немъ, такъ и потому, что въ данномъ случаѣ для насъ важно дѣлаемое авторомъ опредѣленіе низшей ступени въ развитіи человѣчества только для того, чтобы уяснить себѣ кругъ тѣхъ народовъ, который онъ имѣетъ въ виду подвергнуть разсмотрѣнію: «первобытными народами, говоритъ г. Гроссе, являются тѣ, которые пользуются первобытными способами добыванія себѣ пищи», именно охотой и собираніемъ растительныхъ продуктовъ ¹⁾. Ограничивая кругъ своихъ наблюденій только охотничьими народами, авторъ, внутри этой группы, уже не дѣлаетъ другихъ подраздѣленій по сложности экономическаго строя отдѣльныхъ народностей, и въ опредѣленіи большей или меньшей первобытности произведеній искусства слѣдуетъ методу восхожденія отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ видамъ произведеній, такъ какъ прогрессъ въ искусствѣ, какъ и въ другихъ областяхъ развитія человѣчества, далеко не всегда соответствуетъ прогрессу въ развитіи экономическаго быта.

Первое, въ чемъ выражается первобытное искусство,— это въ стремленіи къ украшенію, причѣмъ первымъ объектомъ украшенія является чело-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ слѣдовать этому опредѣленію г. Гроссе.

вѣческое тѣло: со способовъ самоукрашенія у первобытныхъ народовъ г. Гроссе и начинаетъ изложеніе исторіи искусства.

Украшенія тѣла бывають двухъ родовъ: постоянныя и перемѣняемыя. Къ первымъ авторъ относитъ украшенія путемъ устройства шрамовъ (Narbenzeichnung), татуировку, просверливаніе носа, губъ и ушей. Ко вторымъ: раскрашиваніе тѣла и надѣваніе различныхъ предметовъ. Изложивши матеріалъ, касающійся украшенія тѣла путемъ устройства шрамовъ, и татуировки, а также господствующія мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого обычая (значеніе религіозное, знакъ принадлежности къ известной группѣ и пр.), авторъ полагаетъ, что первоначально эти виды украшенія тѣла имѣли значеніе лишь украшеній, что они появились прежде, чѣмъ известная группа доросла до пониманія своего единства, и что лишь впоследствии они получили значеніе племенныхъ или другихъ знаговъ. Въ остальныхъ, какъ и въ этихъ двухъ видахъ украшенія, первобытный человѣкъ слѣдуетъ известному эстетическому чувству, въ основѣ котораго лежать однако совершенно практическія соображенія: краски, которыми онъ окрашиваетъ тѣло, всегда подобраны къ цвѣту кожи такъ, чтобы онъ наиболѣе выдѣлялся; этимъ только объясняется, что обычай татуировки встрѣчается исключительно у свѣтлокожихъ народовъ, такъ какъ она была-бы незамѣтна на темномъ цвѣтѣ кожи. Далѣе самый цвѣтъ перемѣняемыхъ украшеній рассчитанъ у разныхъ народностей именно на то, чтобы они выдѣлялись на фонѣ кожи; отъ этого именно и происходитъ трудно объяснимый на первый взглядъ фактъ, что напримѣръ бушмены предпочитаютъ черныя бусы, въ то время какъ кафры относятся къ послѣднимъ съ пренебреженіемъ: на болѣе свѣтлой кожѣ бушменовъ черныя бусы рѣзко выдѣляются, въ то время какъ онѣ мало были бы замѣтны на темной кожѣ кафра. Эстетическое чувство приводитъ дикаря къ тому, что при устройствѣ, напримѣръ, ожерелья изъ темныхъ и свѣтлыхъ предметовъ (напримѣръ, зубовъ и бусъ), онъ низываетъ эти предметы поочередно: цѣль—чтобы каждый изъ этихъ предметовъ выдѣлялся съ болѣею ясностью. Такъ какъ первый объектъ украшенія — тѣло—устроено симметрично, то у первобытнаго человѣка развивается весьма рано сначала понятіе, а затѣмъ привычка и любовь къ симметричности во всѣхъ украшенияхъ.

Каковы были побудительные мотивы, приведшіе всѣ народы на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія къ стремленію украшать свое тѣло, спрашиваетъ авторъ. Путемъ анализа фактовъ онъ приходитъ къ заключенію, что эти мотивы первоначально были часто практическаго свойства: украшая свое тѣло, человѣкъ съ одной стороны стремился возбудить къ себѣ вниманіе и понравиться индивидамъ другого типа, любви которыхъ онъ домогался,*) а съ другой стороны наводить страхъ на лицъ ему враждебныхъ. Въ обоихъ случаяхъ украшенія служили необходимымъ и болѣе

*) Этимъ-же побудительнымъ мотивомъ авторъ объясняетъ и происхожденіе обычая покрывать тѣло, обычай, который, сдѣлавшись господствующимъ, привелъ къ развитію чувства стыдливости.

дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ стремленіемъ и объясняется, что у первобытныхъ народовъ украшенія тѣла болѣе развиты у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

Обычай украшать свою утварь, оружіе и т. д. является позже обычая украшать тѣло, и первый, на низшихъ ступеняхъ развитія, отстаетъ отъ второго, а у нѣкоторыхъ народовъ и вовсе отсутствуетъ; наиболѣе развитъ орнаментъ у австраійцевъ, минконовъ и у арктическихъ народностей. Подчасъ первобытный орнаментъ представляетъ на взглядъ европейца сочетанія геометрическихъ фигуръ, вслѣдствіе чего установился взглядъ, будто первымъ шагомъ на пути развитія орнамента является орнаментъ геометрическій. Противъ этого мнѣнія возстаютъ нѣкоторые основательно г. Гроссе: то, что европеецъ принимаетъ за геометрическія фигуры, оказывается грубыми изображеніями образцовъ, даваемыхъ природою. Это положеніе иллюстрируется авторомъ рядомъ примѣровъ: такъ, у бразиліанскихъ племенъ почти исключительно господствуютъ геометрическія фигуры въ орнаментѣ, но Эренрейхъ, который изслѣдовалъ вопросъ на мѣстѣ, доказалъ, что дикари сами видятъ въ нихъ изображенія живыхъ существъ: такъ, ломаная линия, повторяющаяся нѣсколько разъ, должна изображать змѣю; фигура креста, частое повтореніе котораго у американскихъ дикарей подчасъ смущало изслѣдователей, должна изображать особый видъ ящераца и т. д. Наблюденія Эренрейха не стоятъ особнякомъ: они подтверждаются наблюденіями надъ орнаментомъ американскихъ краснокожихъ и австраійцевъ. Такимъ образомъ, въ т. н. геометрическомъ орнаментѣ слѣдуетъ видѣть прежде всего неудачныя подражанія живымъ формамъ, которыя вскорѣ стилизуются вслѣдствіе стремленія подражать первоначальнымъ образцамъ. Второй основой, изъ которой развивается геометрическій орнаментъ, является стремленіе подражать плетенымъ, шитымъ или связаннымъ предметамъ. Этотъ видъ весьма широко распространенъ какъ у арктическихъ народовъ, такъ и у минконовъ и австраійцевъ. Онъ весьма часто встрѣчается на глиняныхъ сосудахъ, что объясняется какъ самимъ происхожденіемъ обычая дѣлать сосуды изъ глины, такъ и обыкновеніемъ окружать эти послѣдніе плетенымъ для большей прочности. Многіе оставшіеся непонятными мотивы орнаментовъ у первобытныхъ народовъ легко объясняются этимъ вторымъ источникомъ орнамента. Извѣстная ритмичность первобытнаго орнамента объясняется отчасти воспроизведеніемъ животныхъ и человѣческихъ формъ, отчасти подражаніемъ плетенію, при которомъ ритмичность вытекаетъ изъ самого характера работы, но къ ней-же подчасъ могли привести и практическія соображенія: при устройствѣ, напр., нѣкоторыхъ видовъ оружія, (стрѣлъ, копій и пр.) необходимо было соответственіе обѣихъ половинъ, чтобы оружіе достигало своей цѣли. При дальнѣйшемъ развитіи ритмичность орнамента становится потребностью для удовлетворенія эстетическаго чувства. Въ общемъ орнаментъ у охотничьихъ племенъ крайне бѣденъ и несложенъ; при отысканіи среди окружающей природы мотивовъ для изображенія, первобытный человѣкъ останавливается только на мѣрѣ животныхъ, и въ орнаментѣ отсутствуютъ растительныя формы. Это объясняется, по мнѣнію автора,

характеромъ охотничьяго быта: мужчины, списывая себѣ пропитаніе, обращаютъ почти исключительное вниманіе на охоту; собирать растительную пищу—удѣлъ женщинъ; вслѣдствіе этого охотники мало обращаютъ вниманія на окружающую ихъ растительность, и такъ какъ украшеніемъ предметовъ занимаются мужчины, то и естественно, что они не черпаютъ мотивовъ изъ растительнаго царства. Дальнѣйшее утвержденіе г. Гроссе, что растительный орнаментъ появляется только послѣ перехода къ земледѣлю, кажется намъ нѣсколько рискованнымъ.

На низшихъ-же ступеняхъ развитія появляются и зачатки рисованія, живописи и рѣзбы на камнѣ, кости, древесной корѣ. Авторъ подробно останавливается на подобныхъ произведеніяхъ у австраійцевъ, бушменовъ и арктическихъ народовъ. Въ рисункахъ, которыми австраійцы и бушмены покрываютъ скалы, пещеры и пр., краски сравнительно мало употребляются. Мотивами служатъ также царство животныхъ и охотничьи сцены; ими-же украшаютъ австраійцы и куски коры, а арктическіе народы куски кости и свои костяныя орудія. Для этого вида первобытнаго искусства характерно умѣнье примитивнаго художника схватывать поразительно вѣрно естественныя формы и изображать движеніе въ фигурахъ. Уже на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества нетрудно замѣтить извѣстный прогрессъ въ рисункѣ: въ то время какъ австраійцы незнакомы съ перспективой и при изображеніи болѣе отдаленныхъ предметовъ помѣщаютъ ихъ непосредственно надъ изображаемыми болѣе близкими фигурами, бушмены, по крайней мѣрѣ лучше рисовальщики изъ ихъ среды, уже освоились въ главныхъ чертахъ съ законами перспективы. Рисунки первобытныхъ народовъ обнаруживаютъ недоожинныя художественныя способности: они настолько искусны, стоятъ въ такомъ противорѣчій съ общимъ низкимъ уровнемъ развитія самого племени, что возникло сомнѣніе въ принадлежности ихъ рукъ первобытнаго человѣка. Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и г. Гроссе отмѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, что у первобытныхъ народовъ искусство рисовать развито въ болѣе высокой степени и болѣе распространено, чѣмъ у многихъ другихъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры: среди первобытнаго народа рисовать умѣютъ почти всякій, и это потому, что у каждого почти развиты необходимыя для рисованія качества, именно наблюдательность, вѣрность глаза и руки. Эти качества вырабатываются у охотничьихъ племенъ борьбой за существованіе; они являются ему необходимыми для списанія себѣ пропитанія. Низкій уровень развитія этихъ племенъ выражается въ томъ, что бѣдность ихъ фантазій не позволяетъ имъ подниматься въ замыслѣ рисунка надъ подражаніемъ природѣ.

Слѣдующія три главы г. Гроссе посвящаютъ разбору пляски, поэтическимъ произведеніямъ и музыкѣ у охотничьихъ народовъ. Изученіе этихъ видовъ искусства у низшихъ расъ составляетъ начало труда г. Летуэрно. Труды послѣдняго хорошо извѣстны въ Россіи. Въ своей «Evolution littéraire» г. Летуэрно не отстаетъ отъ метода расположенія матеріала, принятаго имъ въ предшествующихъ трудахъ, посвященныхъ эволюціи собственности, семьи, нравственности и т. д., въ томъ отношеніи, что

и здесь автор старается отыскать зародки искусства в мире животных; остальной материал располагается г. Летурио на этот раз по расам, при чем он различает их три: черную, желтую и белую. К первой он причисляет веддов, австралийцев, папуасов, готентотов, банту и суданских негров; во состав 2-й группы входят полинезийцы, все американские народы, монголы, турки, арктические народы и пр.; наконец, 3-ю группу составляют египтяне, берберы, абиссинцы, семиты, арийцы и финны. Несовершенство этой системы слишком бьет в глаза, чтобы стоило останавливаться на разбор ее; но помимо неаучности ее, она в значительной степени затрудняет возможность выяснять вопрос, насколько культурный уровень племени отражается на характер его творчества, так как, напр., относительно первобытных народов приходится искать разбросанными автором замечания по разным главам. Выводы, к которым приходят гг. Летурио и Гроссе, однако сходятся в существенном: первый признает, что ибние являются раньше, чем членораздельная речь; в этому приводят наблюдения над животными а также и над миром детей. Это положение отмечает и г. Гроссе. Даже оба автора согласны в том, что уже на низших ступенях развития можно отметить зародки всех видов поэзии (лирики, эпики и драмы) и что пляска, музыка (ибние) и поэзия выступают почти всегда одновременно.

Пляска, по мнению г. Гроссе, — самое непосредственное, наиболее сильно действующее выражение примитивного эстетического чувства; ее характерной чертой являются ритмические движения. Все виды пляски, встречаемые у первобытных народов можно подвести под две группы: мимическая и гимнастическая пляски; первая подражает действиям животных и людей, вторая — не имеет из окружающей обстановки объекта подражания. Обзор плясок у австралийцев, бушменов и эскимосов (у последних гимнастическая пляска стоит на втором плане сравнительно с мимическими) приводит г. Гроссе к заключению, что главными мотивами в мимических плясках являются половая жизнь и военные действия. Привязанность первобытных народов к обоим видам плясок объясняется, как и само их происхождение, присущим человеку стремлением к подражанию и потребностью дать высшее выражение возбужденному чувству; пляска приобретает религиозное значение лишь впоследствии. Оба автора отмечают громадное социальное значение, которое пляски имеют у первобытных народов; вместе с тем, по мнению г. Гроссе, это единственный вид искусства, который на высших ступенях развития приходит в упадок.

Материал, который находится в распоряжении этнографа для изучения народной словесности на низших ступенях развития человечества, крайне ограничен; но он достаточен, чтобы наметить по крайней мере основные черты первобытной поэзии, в особенности насколько это касается лирики. Содержание лирических произведений у охотничьих народов грубо и до крайности просто: в них каждый воспринимает свои несложные горести и радости, характер которых у дикаря совершенно

матеріальный; возвышеннымъ, съ нашей точки зрѣнія, чувствамъ нѣтъ мѣста въ лирикѣ дикаря; въ ней не встрѣчается ни воспѣванія природы, ни чувства любви, и это потому, что примитивный человѣкъ мало или вовсе незнакомъ съ чувствомъ влюбленности, а природа, которой онъ подчиненъ и съ которой ему приходится вести безпрестанную борьбу, не будитъ въ немъ эстетическаго чувства. Но формѣ эти произведенія чрезвычайно просты; строчки всякаго отдѣльнаго стиха коротка и удлиненію ихъ доказывають, по словамъ г. Летурно, значительный прогрессъ въ развитіи племени. Центр тяжести произведенія лежитъ не въ содержаніи, а въ метрикѣ; этимъ объясняется, почему у огнеземельцевъ и австрійцевъ, по словамъ г. Летурно, встрѣчаются пѣсни почти безъ всякаго смысла, а г. Гроссе справедливо объясняетъ этимъ преобладающимъ вліяніемъ на слушателей развѣта стиха передъ содержаніемъ тотъ фактъ, что лирически пѣсни, несмотря на то, что онѣ носятъ узко эгоистическій и индивидуальный характеръ, находятъ подчасъ широкое распространеніе не только въ предѣлахъ племени, но и у сосѣднихъ племенъ, говорящихъ другимъ языкомъ и следовательно не понимающихъ словъ пѣсни.

Лирика у первобытнаго человѣка настолько бѣдна по своему содержанію, что г. Летурно склоненъ отрицать ея существованіе на этой ступени развитія, по крайней мѣрѣ въ ея значеніи чисто индивидуальной: господство группы надъ личностью настолько сильно, что, по его мнѣнію, не остается мѣста для воспѣванія фактовъ, не имѣющихъ общаго интереса для цѣлой группы. Примѣры, приводимые г. Гроссе, не позволяютъ однако согласиться съ этимъ утвержденіемъ, но г. Летурно несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что имульсомъ для развитія лирики на слѣдующихъ культурныхъ ступеняхъ, слѣдуетъ считать перемѣны, совершающіяся въ социальномъ строѣ; развитіе собственности, ограниченіе свободы въ общеніи половъ, имущественное неравенство и пр.—все это вносить въ душу человѣка новыя, незнакомыя первобытному человѣку чувства, которыя и находятъ себѣ выраженія въ лирическихъ пѣсняхъ.

Перехода къ эпическимъ произведеніямъ охотничьихъ народовъ, г. Гроссе отмѣчаетъ, какъ недостаточность матеріала, такъ и трудность его критической оцѣнки. Эпическихъ произведеній, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе эстетическаго чувства слушателей и самаго творца, вышедшихъ въ опредѣленную форму, сравнительно мало извѣстно у первобытныхъ народовъ. Разсказы, имѣющіе міологическій характеръ, полные чудесныхъ происшествій, сказочныхъ подробностей, которые считаются европейцами за произведенія эпическія, не являются таковыми въ глазахъ первобытныхъ слушателей; для послѣднихъ это бывшія въ дѣйствительности происшествія, имѣющія не поэтическій, а историческій интересъ; даже нѣкоторыя легенды о происхожденіи животныхъ, растений и пр. представляютъ лишь наивныя попытки объясненія непонятнаго для ума первобытнаго человѣка, но не поэтическое творчество. Не признавая за этими произведеніями характера эпическихъ, г. Гроссе дѣлаетъ на нашъ взглядъ ошибку: при опредѣленіи, слѣдуетъ-ли то или другое произведеніе отнести къ разряду поэтическихъ, въ смыслѣ продукта народнаго творчества,

едва ли можетъ играть роль вопросъ, какъ отнесется къ нему слушатели, какъ къ сказочному или какъ къ дѣйствительному факту; опредѣленность формы также не является существенной: мы и не вправе ожидать ее на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества. Тѣмъ не менѣе, если рассказы, будь ихъ содержаніе мифологическое или историческое, являются достояніемъ всего племени, переходятъ изъ устъ въ уста въ теченіе поколѣній, мы должны отнести ихъ по содержанію къ общей суммѣ произведеній народнаго творчества, а по формѣ къ числу произведеній эпическихъ. По этому болѣе правъ г. Летурио, который въ своемъ обзорѣ литературныхъ произведеній разныхъ народовъ отводитъ значительное мѣсто сказаніямъ мифологическаго характера. Болѣе серьезно другое препятствіе, которое выставляетъ г. Гроссе въ дѣлѣ изученія первобытнаго эпоса,—это трудность, а въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, и невозможность выдѣлать изъ общаго цикла эпическихъ сказаній тѣ, которыя принадлежатъ творчеству известнаго племени отъ заимствованныхъ. Заимствованія совершаются не только отъ непосредственныхъ сосѣдей известнаго племени, какъ напр. ескимосами у краснокожихъ, но къ дикарямъ попадаютъ и рассказы европейцевъ, причѣмъ охотничьи племена, привычныя заимствованнымъ сюжетъ къ условіямъ собственнаго быта, видоизмѣняютъ рассказъ почти до неузнаваемости. Тѣ эпическія произведенія, которыя, по мнѣнію г. Гроссе, слѣдуетъ считать вполнѣ національными, рѣдко отражаютъ охотничій бытъ и борьбу первобытнаго человѣка за свое существованіе съ враждебными силами природы.

Не менѣе драмы и зачатки драмы: уже въ простомъ рассказѣ дикаря находятъ зачатки драматическаго дѣйствія — перебѣны голоса, мимикой, подражающая вышности и дѣйствіямъ встрѣчающихся въ рассказѣ людей и животныхъ. Диалоги, часто встрѣчающіеся у артистическихъ народовъ и австралийцевъ, образцы которыхъ приведены въ трудахъ обоихъ авторовъ, являются зародышами драматическихъ произведеній; такими-же слѣдуетъ считать тѣ мимическія танцы, которые сопровождаются словесными объясненіями, или въ которыхъ отсутствуютъ ритмическія движенія и даже объяснительныя слова, но которыя изображаютъ охоту, войну и пр.

Произведеніе поэтическаго творчества на низшихъ ступеняхъ всегда сопровождается музыкой, причѣмъ, по выраженію г. Гроссе, первоначальнымъ музыкальнымъ инструментомъ былъ голосъ: вообще вокальная музыка появляется и развивается раньше инструментальной. Первобытные народы при пѣніи обращаютъ главное вниманіе не на мелодію, а на ритмъ, что поддерживается и тѣмъ, что пѣніе сопровождается пляской. Поэтому, по мнѣнію обоихъ исследователей, первоначальные музыкальные инструменты приурочены исключительно къ отбиванію такта: такъ у австралийцевъ пляски сопровождаются ударами распорядителя палкою о палку, а женщины ударяютъ по вожаному плащу, который онѣ держатъ натянутымъ на коѣнкахъ; изъ этого развивается едва-ли не первый музыкальный инструментъ въ видѣ разныхъ ударныхъ инструментовъ; по крайней мѣрѣ подобныя инструменты известны уже у всѣхъ охотничьихъ народовъ, и исключеніе составляютъ только ботонумы, у которыхъ

ислѣдователи отмѣчают исключительно духовые инструменты; въ качествѣ послѣдней стадіи развитія, послѣ духовыхъ инструментовъ, появляются инструменты струнные, и игра на нихъ все болѣе отдѣляется отъ пѣнія. Музыка, по мнѣнію г. Гроссе, является единственнымъ видомъ искусства у первобытныхъ народовъ, которое въ своемъ происхожденіи не имѣетъ практическихъ соображеній; онъ не согласенъ съ мнѣніемъ, по которому пѣніе является въ своей основѣ средствомъ привлечь къ себѣ лицо другого пола; г. Гроссе не отрицаетъ, что у охотничьихъ народовъ при пѣніи и музыкѣ могутъ играть роль и эти соображенія, но они оказываются лишь факторами поддерживающими и развивающими музыкальное творчество, а не первоначальнымъ источникомъ, которымъ является исключительно стремленіе къ удовольствію; поэтому музыку г. Гроссе считаетъ наиболее «чистымъ» искусствомъ на низшихъ ступеняхъ развитія: она служитъ сама себѣ цѣлью.

Мы уже указывали, что г. Летурино подвергаетъ своему наблюденію не только охотничьи народы, но и другіе, какъ некультурные, такъ и тѣ, которые сыграли выдающуюся роль въ общей исторіи цивилизаціи. Онъ дѣлаетъ характеристику и приводитъ образцы народнаго творчества цѣлой массы народностей, причемъ изъ культурныхъ народовъ онъ останавливается на литературѣ древней Мексики и Перу, Китая и Японіи, древняго Египта, Индіи, Персіи, Греціи, Рима, семитовъ, финновъ, славянъ, кельтовъ, германцевъ и наконецъ на средневѣковой литературѣ Европы. При такомъ разнообразіи содержанія и сравнительно небольшомъ объемѣ книги, характеристики должны быть естественно очень кратки и приводимые образцы крайне немногочисленны: авторъ далеко не охватываетъ всего имѣющагося въ его распоряженіи матеріала, что крайне невыгодно отражается на содержаніи работы г. Летурино; эти недостатки особенно бросаются въ глаза, когда авторъ переходитъ къ племенамъ, литература которыхъ хорошо изучена. Для примѣра укажемъ на отдѣлъ, гдѣ г. Летурино говоритъ о литературѣ славянъ: почти единственнымъ источникомъ служить ему сочиненіе А. Rambaud: *La Russie épique*, вслѣдствіе чего, имѣя въ виду народное творчество *славянскаго племени*, г. Летурино почти исключительно говоритъ объ однихъ русскихъ, причемъ преимущественно о нашемъ народномъ эпосѣ. И въкоторыя неточности какъ въ выводахъ, такъ подчасъ и въ именахъ (напр. *Добрыня—Dobryna*), которыя мы встрѣчаемъ у автора, едвали представляютъ интересъ для русскихъ читателей, такъ какъ едвали кто нибудь изъ нихъ будетъ основывать свои взгляды на наше народное творчество на трудѣ г. Летурино.

На останавливаясь на изложеніи матеріала, перейдемъ къ выводамъ, къ которымъ приходитъ авторъ относительно эволюціи литературы. Съ развитіемъ общественныхъ группъ усложняются и искусства: пѣніе, словесное творчество, инструментальная музыка становятся болѣе трудными; въ то время, какъ на низшихъ ступеняхъ развитія каждый членъ группы можетъ принимать участіе во всѣхъ видахъ искусства, при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, требуется специальное изученіе: оно приводитъ къ появленію профессиональныхъ пѣвцовъ, какими

являются греческіе рапсоды, скандинавскіе скальды, пѣвцы въ тропической Аерікѣ, въ Полинезіи и пр. Вначалѣ эти пѣвцы свободно слѣдуютъ собственному вдохновенію, но съ развитіемъ религіознаго и государственнаго строя, они вынуждены силой обстоятельствъ брать сюжеты изъ жизни боговъ, героевъ, а въ этихъ официальныхъ сюжетахъ—событія, имѣющія интересъ для всѣхъ ихъ согражданъ: выдающіяся событія народной жизни. Эта перемѣна отразилась крайне благотворно на развитіи сюжетовъ и формъ произведеній; кромѣ того, изъ устныхъ они дѣлаются письменными, но въ содержаніи они теряютъ, такъ какъ творчество не въ состояніи выливаться свободно, вслѣдствіе новыхъ условій общественной жизни: оно становится искусственнымъ и теряетъ свою прежнюю свѣжесть и непосредственность.

Однако, становясь достояніемъ избранныхъ лицъ, творчество продолжаетъ отражать въ себѣ общій строй жизни народа, какъ оно это дѣлаетъ и на низшихъ ступеняхъ развитія, и, по вѣрно замѣчанію г. Гроссе, «чувства, обнаруживаемыя первобытнымъ искусствомъ, болѣе узки и болѣе грубы, мотивы его житейскіе богаты, неуклюжіе и бѣднѣе его формы, но въ основныхъ мотивахъ, средствахъ и цѣляхъ искусство первобытнаго времени тождественно съ искусствомъ всѣхъ временъ».

Н. Харузинъ.

С М Ъ С Ъ .

ИЗЪ СТАРИННЫХЪ РУКОПИСЕЙ.

Вѣдомость о масленичномъ поведеніи

ивствуеть в'сей тетради
Вѣдомость 1762-го году, *)

Февраля 4 дни.

Приѣхалъ вестовщикъ,
Нарочитой *отмасленицы* ямщикъ,
Всамылъ поспешительныхъ доводалъ,
Наим'свѣж почтовыхъ подводахъ.
Объявлялъ о себѣ, что присланъ
Изгорода неслыхалова, [объявитъ,
Села и деревни небывалова. [объявитъ,
Приказала ему масленица внародъ
Что (sic) они могли отомъ извѣстны
быть:
Понеже имъ ведать и меня ожидать,
Изаблаговременно итья приуготов-
лять. [отмѣну,
Однакожъ къ своему приѣзду имѣетъ
И особливую въ томъ премѣну.
Хотя она была и прошлаго года,
И тутъ ея пристигла немалая нез-
года. [знаки,
Затѣмъ что происходили немалыя

Но великія чинились влюдехъ драки.
Ктоужъ она каталась спѣрведенской
Да мало нажила себѣ похвалы; [згоры,
Притомъ же нажила беду многу,
Каталась да перезомила себѣ ногу.
Отчего ходила цѣлой годъ надере-
влянке, [звѣнки.

Черезъ великую силу носила свои
Того ради нынѣ несмѣеть явитца,
Мыслить, чтобъ втакой бѣдѣ неиа-
ходитца. [кая сухота,
Паче же сомневаецца и отомъ вели-
Что бывасть вмарте мѣце великая
мокрота.

Впрошедшихъ годахъ была въ нужи,
Затѣмъ что *оттеплоты* бывають лужи;
Незля боле забавлятца,
Безсвѣту насаяхъ кататца. [свѣтъ,
А хотя и нагоражъ будетъ лежатъ
Однакожъ опасаетца чтобъ нездѣлался
смѣхъ.

А нынѣ прислазла ставимъ договоромъ,
Объявить бы людямъ такиимъ доводомъ.
Ежели могутъ сле учинить,
То она велѣла объявить:

Вопервыхъ:

Встрѣтить ея честно паче всякаго
совѣту,

*) Буквы, выведенныя изъ-подъ титлаъ,
набраны курсивомъ; вѣерокъ замѣненъ
апострофомъ; въ остальномъ правопа-
саніе удержано. Р е д .

И посадит ея во особливую корѣту.
А не такъ, чтобъ вѣсти нарисуекалъ,
Оттого она будетъ въ великихъ те-
скахъ.

Во вторыхъ:

Приготовитъ ей вина и меда,
Не желаетъ она другого дѣла.
Также застави блиновъ, аладей и
Дабы она была всегда весела. [киселя,

Третье с:

А впереведенской слободѣ наслатъ
перымъ постепамъ,
Что бы не ушинути ея бокамъ.
А ежели сего учинитъ неохотитъ,
То всей годъ мѣня не узритъ.
Желаетъ отомъ отлюдей отѣту,
Прищельми (sic) ей къ нимъ похлъ
И отомъ буде имъ ночью, [сѣту.
Тобы положили время срочно.
Весь феврала (sic) мѣсь размашлять,
А что вдумаютъ отѣтъ прислатъ.

Февраля 7 дни.

Приѣхалъ отмасленницы вѣрной ея нажъ,
Особливаго ея здравия стражъ,
Всаемыя тяжкихъ и несносныхъ тру-
Нашести ясныхъ лошадахъ. [дахъ,
Объявилъ, что масленница весьма весела,
Вчера доехала до краснаго села,
Итеперь въ веселій пребываетъ,
Что надворе теплота бываетъ.
Будетъ жить въ расномъ селѣ,
До перваго часа марта,
Вчемъ показуетъ сия карта:
Слышала, что великия бѣды мразы
учинили. [билъ.
Многие народы чомы свой позно-
Отчево всама много страдала,
И великую болѣзнь попала.
Онако (sic) вылечилася от мразной бо-
Пришли времена полезны. [лѣзья,

А пылчалъ (sic) ея деревенской му-
жикъ Ермакъ,

Изто сталъ весма онъ нилъ.
Впретъ похочетъ нести такое бремя,
Ожидаетъ свое благополучное время.
Ивѣзла прислатъ посеби корѣту,
Нежелаетъ болѣе другого сѣту.

Извѣстие отлюдей к масленнице:

Феврала 5 дни.

Честивѣйшая наша масленница веселая,
Вѣдаемъ, что ты подруга какая нилъ.
Желаемъ тебѣ в городе несмыкаве (sic)
пребывати.

Нивомъ и виномъ себя увеселати.
Приѣхалъ к намъ востощишь,
Пославъ стывасъ нарочитой ямщикъ,
Втакой силъ, что хочешь к намъ ѣхать,
То изволь вынѣ о селѣ вѣдать.
Мы желаемъ в февралѣ учинитъ сви-
даніе,

Отомъ увѣдѣ насъ (sic) едино желаніе.
Амизрте какъ уже подиметца толокино,
Боторое грозитъ натебя давню,
Никакая неможеть удержатъ укѣрна,
Баталью возимътебѣ стобой и наре-
ная рѣна,

Также и угленое хорошее тѣсто
Нигдѣ тебѣ не дастъ мѣста.

Изволь ты к намъ приехать тихо,
Неучинитъ тебѣ вникто лиха.

Присежь писавъ итебѣ воздравий
пребываемъ,

Атебя стихостиво ожидаемъ.

Насіе наше писаніе твоя воля буди,
Засимъ писавы (sic) добрыя люди.

Изкромштата Феврала 6 дни.

Многія люди обмасленнице объяв-
ляють

И самую правду обней возвещаютъ,
Что она изволитъ гулять вкромш-
тате (sic).

Очень (sic) бодро впарилъ и впуховой
Сама себя весьма увеселяетъ, [шляпе.
И того веселія никому незапрещаетъ.
Ходитъ познатнымъ домамъ и иврамъ,
И пообретающимся тамъ трактирамъ.

Кмасленце известно чрезъ почту
Изпетербурга, Февраля 1-го числа.

Желаемъ вскоре, хотя бы инедругъ,
Прибѣжт кънамъ всампетербургъ.
Совсякою охотою твоею (sic) честь
стрѣтимъ, [уготовимъ

Довольно пива и вина и меду при-
бѣтому твоему веселому прибѣду,
Имѣй вѣмъ на насъ надежду.

А ежели намъ плату, (sic)
Устроимъ тебѣ особливую палату.
Вней здѣлаемъ такими манерами:

Объемъ всю (sic) кругомъ шлагерами,
И поставимъ вней блины и яйца,
Наземъ вотки и вина стѣяницы.

Токмо не такъ бы тебѣ чинятъ, какъ
прежде:

Не даѣтъ бы владѣлъ такия знаки,
Не происходилибъ оттебя великия
драки. [литца,

Мы желаемъ хотя ипитаемъ весе-
Токмо совсякою тихостию обходитца.

А ты какъ прикатишь бодря,
Ивсякъ поулицамъ деретъ горла.

Мы нечемъ какъ дураки пѣти,
Нолутче тихо ставемъ седѣти.

А когда ты не поступишь посему,
То не бывать и ничему.

Толко тебѣ одну недѣлю ликовать,
Апосле будетъ всего миновать.

Своро тебѣ будетъ премѣна:
Испужаешься ты псама хрѣна.

Отмасленцы искропштата

Февраля кѣ дни.

Прибежала почтарь всакомъ тинкомъ
Толко наодной подводе. [доведе,

Приказала ему осебѣ объявить,
И онечастій своимъ народу возвестить.
Хотя она вѣдала чрезъ многия грады,
А немого не вѣдала такия досады.
Няне изкрюштата поехала впетер-
бургъ,

Ажно вечаляно напали наея вдругъ,
И пристигли ея безслужителей впута,
Немогла отиспрятая утѣти.

Амянцо, хрѣнь, ретва, толокно,
Пареная рѣна и грибы.

Тавъ онѣ ея силно похватили,
Чуть и впролунь не носидили.

Однако отинихъ отбилась,
Наки вироштатъ не вратилась

Приказала внародъ объявить,
Чтобы могли известны быть.

Прислазавы поея оадѣй роту,
Всма отомъ имѣеть зоботу,

Возмѣтъ схрѣномъ баталью поленую,
Зачто онѣ здѣлали обиду такую.

Вѣдомость учиненной батальи
между Масленницей, хрѣномъ, рет-
кой и протчими. Что ими учи-
нено, значить ниже сего:

Февраля дѣ дни.

Когда масленичныя полки отправи-
лись,

Кнадлежащему своему дѣлу слади-
лись,

То увѣдая хрѣмъ, ретва и толокно,
Ибо они ожидали ея дзвно,

Хотѣли онѣ вскоре сотворить,
Чтобъ масленицу конечно рзорать.

Инапали онѣ наблиговъ жестоко,
Ипродолжилас между йми баталья

глубоко. [блинцъ,

Но какъ выскотилъ одянь грешнейвой
Откотораго нарѣ шелъ яко дымъ,

Много победилъ хрѣна и ретки,
А тѣста и числомъ неизвѣстно.

И услышала отомъ масленица вскоре,
Незахотѣла ввироштате быть боле.

Нежелая блинам здылам траты,
 Подъя на себя крѣпкия латы
 И такъ само нахрѣна напала,
 Едва неконецъ ево потентала.
 Видя такую беду, ретка
 Выбежала, какъ съидѣ насетка,
 Весьма безхрѣно храбро поступила,
 И на масленіцу нападеніа чинила.
 Однакожъ масленіца ранила ретку
 Только отнеса ретка охъ! [в'бокъ,
 И такъ хрена, ретку и прочіихъ про-

гнали,
 Что онѣ такой батали невидали.
 Апаче оладенная конница
 Великая на батали была спорница.
 Аблицовая пехота поступила такъ
 Что и смотрѣть было дивно. [дивно,
 А выиѣ масленіца солдажи и бли-
 Пряженьцами и хворостами [шми,
 Ыдетъ впередъ срадежными вестями,
 Счастію своею великою
 И належащую (sic) ея музыкою.

Притой баталиі съобокъ сторонъ по-
 бито и вполонъ взято и ранено вели-
 кое число.

Февраля 31 днѣ.

Масленіца ѣдетъ совсемо слозю бла-
 гополучно,

И впути пребываетъ нескучно,
 И ведетъ ретку и хрѣна вполонъ, а

всѣ обрестованы,
 Заключеными желѣзными перекованы,

Простятъ умасленцы, чтобъ датъ имъ шу-
 ибо онѣ платемъ обносились, [бы,

И никогда таковы не находились.
 Масленіца, жалѣя ихъ упрямство,
 Прислала блиновъ цѣлое каприство,

Кунитъ бы имъ шубы вагоны,
 Чтобъ положенныя втеплотѣхъ были до-
 волны.

А масленіца имѣеть надежду вѣрну,
 Приѣхала вкаликину деревню [есу,
 И проставила лагиря втамошнемъ

А отиралистка в'яжскую вскоромъ
 часу. [шматъ,

Уже и послано ѣзидей кватеры за-
 Гдѣ бы свое войнство расставлять.

Азидымъ приказала прохитъ здоровья
 Желѣзныи выдать пять пудъ масла

короля. [вошь
 А выиѣ в'каликиной блины вышлѣ
 Ивели съ собою в'яжскую вполонъ

Хрена, ретьбу, капусту, грибы и
 протее,

Не такъ что спохвалили,
 Перекованы всѣ каялдами.

Заняи шло карауловъ рота блиновъ,
 Две роты азидей, да ѣдѣ прижещевъ,

Самыи искусныхъ молодецъ.
 Неизвѣстно в'ведомостяхъ явилось,

Колыкое число хрѣна стоварица разо-
 рилось.

Февраля 18 днѣ.

Използа масленіца вкаликине ка-
 татца, [чатца.

Азид хрѣномъ креткой стала вели-
 цественно вдуругъ выбежала хрѣ огур-

цовъ, [лодцовъ,
 Самыи природныхъ вхрѣбрыхъ мо-

И такъ само наблины полады на-
 ступили, [били,

Что иполонъ весь безостатку от-
 Притомъ же побито азидей і бли-

новъ немалое число,
 А досталыхъ прогнали невѣдомо куда.

Понеже такой страсти невидали ни-
 когда.

Акогда масленіца отомъ известилась,
 Вотъ чась спечали болна явилась,

И приказала себя вести въ ям'скую,
 Понеже тамъ не такъ отпечали тоскою.

Уже нехочетъ вкаликине бытъ боле,
 Изволитъ ѣхать впетербургъ вскорѣ.

Видя оное хремъ и ретка весьма за-
 бодрились, [вѣна явилась,

Для того что отмасленіцы свобод-
 Ивесма крѣпко заняи ухватились,

Ауныя слезы какъ градъ покатались. Чтѣде смасленіцѣй долго невидати,
И весма презѣдно стали воевати, Амжно испосными овощи переби-
Мыслятъ, куда бы имъ масленіцу девяти. вѣтца.

Ивсѣ масленіцныи затѣи рушили, Впонедѣльникъ, доживши дообѣтъ,
А масленіцу въ кулъ зашили. Учненъ былъ сѣй совѣтъ.

Некуды стало масленіце дятна (sic),

Стала имъ жалосно молитца (sic).

А ойбъ, незря наея моленье,

Вяжутъ къ кулю каменье

Иговорятъ: лутчеде одинаво доса-
дитъ, [дѣтъ]

Анадобно масленіцу впролупъ поса-
Ипосадили в'сыропустъ въ г' часу

нощи.

Тогда честныи стали постныи овощи.

Молодыи люди стали в'печали,

Частова понедѣльника и прожить не-
чали (sic), [жить:

А пожлыи люди неведѣли имъ ту-
Можноде и безмасленіцы жать.

Онако (sic) хоти много говорили,
Толко насне всѣ положили,

Сия Історія омасленіцномъ поведе-
ній вологодского уѣзду церкви царя
Константина I матери его Клены что
наколданъче попова сына Азеѣя пет-
рова. Адоней дѣла итъ никому ни
продать, выложитъ, ни зазакую
ману, а писалъ своею рукою 1762
году мѣца Февраля 2 дня.

Примѣч. Печатано съ рукописи, до-
ставленной въ редакцію П. А. Дилла-
торскимъ изъ Вологды. Рукопись въ
4-ку на 10 листахъ, причемъ двѣ по-
слѣднія страницы пустыя. Въ заголовкѣ
написана раскрашенная выписка. Ро-
винскому этотъ текстъ, повидимому, не
былъ навѣстенъ (Срви. „Рус. нар. нар-
тинки“, I 303, IV 209, V 217). Ред.

Масляница въ Саранскомъ уѣздѣ (Гѣна. губ.).

Періодъ времени въ послѣ-рождественскій мясѣдъ проходить преимущ-
ественно въ веселіи, завершеніемъ и полнѣмъ эпогеемъ котораго слу-
жить масляница (мясопустъ).

Русская масляница есть ничто иное, какъ только обломокъ, нич-
тожный остатокъ того всенароднаго пиршества, которое въ отдаленномъ
прошломъ, во времена языческія, нашими предками справлялось въ болѣе
широкихъ размѣрахъ, имѣя въ себѣ иполческо-религіозный отгѣнокъ. По-
лагаютъ, что эти прзднества совершались въ честь особаго божества, по-
добнаго римскому Бахусу, или греч. Вакху. Шумный, исполненный въ
прежнее время релігіозныхъ обрядовъ и сопровождавшійся семейнымъ
разгуломъ—этотъ зимній праздникъ продолжался у нашихъ предковъ до
14—17 дней, но потомъ масляница была сокращена на 8 дней, а въ на-
стоящее время справляется всего 3—4 дня и заканчивается собою зимнее
веселіе, началомъ котораго служатъ святки. Русская масляница весьма
оригинальна: ея обряды и обычаи до чрезвычайности разнообразятся въ
русской деревнѣ. Возьмемъ для примѣрнаго описанія масляной село Зы-
ково, Саранскаго уѣзда, мою родину.

И веселятся на масляницу Зыковцы, и празднуютъ, и пируютъ, какъ
говорится, «отъ мала до велика», отъ богача до бѣдняка. Вездѣ и всю-
ду видишь хлѣбосольство и радушное гостепріимство. Широкая русская

натура въ то время получаетъ полный разгулъ, испытываются всевозможныя удовольствія. Всѣ ожидаютъ сырную седмицу съ какими-то лихорадочными истерическими, какъ какого-нибудь большого церковнаго праздника. „Къ масляницѣ кушамъ, на масляницу създамъ, послѣ масляницы сработаемъ“ и т. п. выраженія можно слышать и рядомъ услышать въ усть не только простолюдина но и «городного» жителя. Празднованіе масляницы обыкновенно состоитъ изъ «встрѣчи» (до четверга), «широкой-честной» масляницы и «проводовъ» съ прощальнымъ воспресеніемъ. До масляницы, въ одинъ изъ ближайшихъ базаровъ (въ г. Саранскѣ 18 вер. отъ Зыкова и въ селѣ Архангельскомъ-Голицинѣ — 3 версты), женскій персоналъ закупаетъ у мѣстныхъ «красноярцевъ» матеріи, кумачу, ситцу, колентеру, бердентину—въ гостинецъ крестникамъ (какъ говорятъ «на зубокъ»), кумовьямъ, а дѣтямъ своимъ—игрушекъ, въ родѣ коней, лошадокъ и прочіихъ кустарныхъ издѣлій, а для десерта—«смайнокъ» *) и подсолишишковъ—этого любимата предмета деревенскаго ласковства. Деньги на эти покупки приобрѣтаются бабами отъ продажи тѣхъ продуктовъ (масла, сметаны, яицъ, кислаго молока, и пр.), которые приносятся ими на базаръ; мужики покупаютъ водки, солоду и хмелю для брати. Все время до «честной» проходить въ деревнѣ въ приготовленіяхъ. Надо упомянуть, что важную роль въ масляничномъ шествіи играютъ извѣстный напитокъ—братъ, которую подносятъ гостямъ «бражничью» (т. е. большія) стаканами; та братъ хороша, которая «густа да липка, сладка да хмельна». Пекутся «широшцы» (изъ кислаго тѣста или сдобные) съ начинкой изъ творогу или пшениной каша. Съ первыхъ дней—масляницы еще не видно, хотя блины давно кушаютъ, проба предъ этимъ достоинство закупленного вина. Подходить «широкая»; на дворѣ четвергъ. Кого ни встрѣтишь—всякій непременно поздравитъ съ «честной» масляницей. Лишь только покажется сѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ принимается за свою работу: поспѣшно затопляютъ печи; на сковородахъ шипятъ уже блины; за столомъ идетъ шумный, веселый разговоръ; чарки по столу похаживаютъ, головы хмеляютъ и языки путаются, всѣ говорятъ и никто никого не слушаетъ. Къ обѣденному времени у домохозяина полное хлюбосодство,—столъ, состоящій изъ блюдъ: «холоднаго» (рыбнаго студня), рыбы жареной, какого-нибудь «хлебова», каши молочной (пшениной) и проч., а «на загладку» всетки опять блины. Словомъ, въ это время, какъ говорится, «не житье, а масляница»... Въ самомъ дѣлѣ, если для кого хорошее житье состоитъ только въ томъ, чтобъ быть постоянно сытымъ и пьянымъ, то для такихъ людей, масляница едва-ли не самое лучшее время въ году.

Но еще одна характеристическая особенность «широкой масляницы»—это, такъ сказать, уличность и публичность. Всевозможныя увеселенія, забавы, китанія на развальныхъ, съ горъ, на ледяныхъ, скамейкахъ (подморженныхъ каровыми каломъ), самодѣльныхъ вонькахъ или по-просту—присѣвъ на ледешокъ,—все это въ полночь разгарѣ. Еще заранѣе при-

*) Названіе припиковъ, сверху покрашенныхъ «уксипомъ».

готовляют лучшую для лошадей упряжь; дуги, украшаютъ пестками и разноцвѣтными кушаками. Отправляются парами и на одной. Бабы и дѣвки, зѣсѣвши кучками, катаются, «играя» пѣсни. Въ чужія деревни у насъ не катаются, а только до своей околицы; наездъ отправляются шагомъ, лошадь что называется вся «съ шылъ». У молодежи (я разумѣю дѣвчешекъ-невестъ и парней-женеховъ) свое катаніе. Предъ масляницей по всей деревнѣ идетъ «подворный» сборъ матеріала (досокъ, гвоздей, «кудзель», т. е. пеньки для каната и проч.) для изготовленія огромныхъ размѣровъ дровней. На этомъ оригинальномъ экипажѣ молодежь, садясь большими ватагами, катается изъ одного конца деревни до другого, или отъ т. н. «курмышы» (захолустная улица) до «села» *)—до церкви. Въ этотъ экипажъ садятся попеременно, сѣбяня одни другихъ въ возкѣ дровней съ массою всадниковъ. Ребята, дѣвчата съ шумомъ, гамомъ, веселой и дружной гурьбою провожаютъ ихъ. Вотъ на встрѣчу имъ попадаются толпы мужиковъ; вездѣ веселіе, шумъ, пѣсни подъ аккомпанементъ гармонки «семиладки», пляска съ хлопаніемъ въ ладоши, словомъ полное уличное веселіе. Народъ съ утра до поздней ночи на улицѣ, всѣ въ лучшихъ костюмахъ. Пожилые и старики, которые еще могутъ бродить изъ дома въ домъ, отъ свата къ куму, поздравляютъ другъ друга съ «широкой», приглашая къ себѣ «на стаканчикъ»—пропустить по маленькому. На масляницу послѣдній пятакъ идетъ въ кабакъ; пьютъ, ѣдятъ, зашиваютъ и опять закусываютъ. Сколько картинъ, сколько типовъ найдете художникъ-жарить въ деревенскомъ этомъ веселіи!... Но вотъ наступило и «заговинное» воскресенье. У обѣдин и десятой доли цѣтъ прихожанъ: нужно проводить масляницу «вѣкъ водится»; до будущаго деревенскаго (весенняго) веселія, т. е. до Красной горки, всѣхъ восемь недѣль. И вотъ молодежь начинаетъ «проводить» масляницу. Обычай «проводовъ» хорбо извѣстенъ. Въ Зыковскомъ районѣ дѣлаютъ кудельное чучело изъ матеріала (пенька, веревки, кудель), который остался отъ подворной складчины для большихъ дровней. На эти самыя дровни ставятъ чучело и подъ пѣсни, съ шумомъ и гамомъ, увозятъ «гостью Масляницу» за околицу деревни. Здѣсь пугало, мастерски сватое, сплетенное и обвернутое тряпьемъ, въ одинъ мигъ парварски уничтожается малыми ребятами, которые затѣмъ возвращаются въ село, неся въ рукахъ тѣ или другіе атрибуты Масляницы. Между тѣмъ старая и старушки собираются по своимъ другамъ-недругамъ сдѣлать послѣдній взвѣтъ для «прощальнаго» дня.

На дворѣ смеркается. Масляница приходитъ въ концу; надо-бы помнить—и помнить,—что скоро наступитъ Великій постъ, и вмѣсто бланновъ нужно будетъ довольствоваться черствымъ хлѣбомъ да хрѣномъ. Великопостный колоколъ напрасно зоветъ православныхъ къ вечернему богослуженію. По улицѣ снуютъ поселане изъ дома въ домъ съ прекрасною цѣлью «проститься». Вотъ входитъ въ домъ мѣстная батюшка съсѣдъ.

*) «Селомъ» у насъ называютъ вообще всю церковную площадь

Подъ мышкой у него «француз», т. е. бѣлый базарный хлѣбъ.— «Намысы, батюшка, твоими ребятамъ паншичка... весь базаръ исходишь; искали, искали съ хезайкой—лучше не пашли... всё были простые» («караван»).... Надо упомянуть, что «прощальный» каравай на этихъ базарахъ печется съ особенными узорами, и эти «вавилонны» на бѣломъ хлѣбѣ бывають иногда довольно оригинальны. За подарок прихожанинъ просить у священника «на посаѣдокъ по маленькой пропустить». Приходить другой «исхожий въ поповъ домъ» и начинать: «Прости меня отецъ, въ чемъ я тебѣ прогнѣвалъ» и т. д., и опять подаетъ каравай. Этихъ караваевъ, бывало, натаскають до полутората, но и вина выйдеть много: просить люди—ничего не подѣлаешь, отказать нельзя. Возвращаются домой, угостившись порядкомъ, и здѣсь считаютъ непремѣнною обязанностью всею семьею заговорѣться, т. е. и платиѣ поужинать и еще выпить.

Свящ—къ Н. Н. Н—овъ.

Толки народа.

(Антихристь.—Мышиный царь.—Гадюки).

Въ изданной книжкѣ «Программѣ для изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерою» (см. «Этн. Об.» XII, 223 и XIII, 194; срв. XI, 157), я уже высказывалъ, какъ эти бѣдствія въ 2-хъ лѣтний періодъ съ 1891 г. потрясли народную мысль. Разказы, возникшіе подъ впечатлѣннѣея этихъ бѣдствій, отдаются эхомъ еще и до настоящаго времени. Еще и теперь говорятъ:

«Оце шо поставили земскыи начальники, це уже по приказу Анцихриста: воны будутъ мучить людей—це його помощники. Виня и буде изъ земскыхъ начальниковъ; його ны узнаешь, де виня: расскажутъ, шо у його будутъ кыети на рукахъ; а виня теперь кожынь панъ у шмрчаткахъ, такъ шо його побачышь?»

Гадюкъ съ этимъ разказывають, «шо буды 99 года страшный судъ нымынуць».

Не успѣлъ еще сойти съ народныхъ устъ вопросъ о страшномъ судѣ, предвѣстниками котораго являються голодъ и холера, какъ народная мысль для разрѣшенія ставитъ новый вопросъ: откуда изылась та масса мышей, о которыхъ такъ много писалось въ газетахъ. Какъ разрѣшилъ народъ этотъ вопросъ, видно изъ слѣдующихъ разказовъ:

1. «Въ прошломъ 1894 году было у насъ много мышей, и появилось много легендъ по поводу этого явления. Нѣкоторыя изъ нихъ пишу со словъ матушки, а она слышала отъ почевавшихъ приживалокъ».

«Фхаль одинъ человекъ. Остановился почевать. Попросился въ крайнемъ дворѣ села.—Та хто жъ ты такой?—Та я гуртъ гоно! Пусти гостя въ хату. Съѣлъ онъ на лавку, сталъ закусывать своимъ хлѣбомъ-солью. Хозяева удивляються: не слышно никакого гурта, тихо—гдѣ же онъ? Вышелъ потихоньку хозяинъ на дворъ, а ихъ, мышей—тьма!.. Испугался хозяинъ, вошелъ въ хату, молчать... Обогрѣлся страшный гостя, распро-

щелся, и вышелъ. За нимъ вышелъ и хозяинъ потихоньку. Слышеть: свистнула гуртовщикъ—и все стадо мышей пошло за нимъ».

2. «Другой такой же гуртовщикъ зашелъ въ трактиръ.—Пусти меня, говоритъ онъ трактирщику, ночью погуляю, съ уговоромъ только: не трогать моихъ гостей, какіе бы они ни были. Удивился трактирщикъ, но согласился. Свистнула гуртовщикъ, и явилось множество мышей, крысь. Ставъ онъ изъ поля, кормить изъ тарелокъ. Накормилъ, напоилъ и повелъ дальше».

3. «Какова же судьба *мышиннаго царя*? Ставъ умирать одинъ изъ такихъ. Съѣхались люди изъ соседнихъ слободъ. Умеръ онъ. Стали хоронить. Только стали опускать въ могилу,—оттуда ни возмись мыши, крысы, и повалило ихъ полная могила. Священникъ и народъ перепугались и разбѣжались».

4. «Хотѣвъ проинсать про мышей: сквазы йихъ було, де вони узались? Йихъ прыгнавъ такий чоловікъ, що увесь у шерсти та чорный. Його бачили люди: вийш гнавъ черезъ Днѣвъ, тамъ у слободѣ Красноселищи заходивъ у кабакъ. Його люди спрашувать: Шо ты за чоловікъ? Вийш каже: Я гоно стадо, черезъ Днѣвъ переправляється. Вийш спрашуе водки; кабакивъ бывъ грошый ны давъ: такъ вийш явъ уватывъ за бутель хату—тавъ и затрищала хата. Кабакъ хто зна де тоди дився. Такъ люди розказували: якъ черезъ Днѣвъ ишли мыши, вы возможно сощетають: увесь Днѣвъ захрясь. Такъ кажуть, що то *богъ мышиный шовъ*». (Срв. «Этн. О.» VIII 85, XVIII, 162).

5. «Слободы Бутуралыно(в)вы (Боброекаго уѣзда) о(б)щичество собрали грошый, кажуть: Давайты пошлемъ у городъ Крайштагъ отцу Ивану, щобъ помолылся о(б) мышахъ. Узлы послали пятьдесятъ руб., написали: Батюшка! попросить Бога: у насъ богат омышей, ужы и жыть пивзя — поймали усе. Батюшка о. Иванъ приславъ назавдъ гроши та й пыны сюды: Молыться самы: це пы ны мышы, шо йдять хлѣбъ: скоро настають мышы тава, шо будутъ людей йисгы».

Рядомъ съ этимъ стоитъ слѣдующее сообщеніе того же корреспондента моего:

6. «А ще розказують, шо тамъ за Києвомъ настали таки гадюкы, шо повно у хатахъ, и жыть ии(з)ля, та усе поймали: и скотыну позакусовали, и людей багато уже померло отъ гадюкъ».

Рассказы №№ 1—3 записаны священникомъ Богучарскаго уѣзда о. Іоанномъ Поповымъ, а 4—6 крестьяниномъ А. А. Субботою (лѣтъ 30 слишкомъ) при живомъ содѣйствіи того же просвѣщеннаго батюшки.

Ученымъ обществамъ и періодическимъ изданіямъ, собирающимъ и печатающимъ этнографическія данныя, слѣдовало бы сдѣлать воззваніе къ своимъ сотрудникамъ и членамъ-корреспондентамъ о собраніи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, какъ народъ отнесся къ переселенію мышей. И нужно заняться изслѣдованіемъ этого вопроса теперь же, пока «мышинный богъ» не пересталъ быть героемъ дня.

Мелкія фольклористическія замѣтки *).

5. Этимологіи въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ.

Въ славянскихъ и западныхъ повѣстяхъ съ именемъ Навуходоносора встрѣчаются этимологіи этого имени, которыя не объясняются западными языками. Эти этимологіи, можетъ быть, не праязныя выдумки сочинителя повѣсти, а его домысленія, основанныя на данныхъ того языка, на которомъ говорилъ сочинитель или переводчикъ повѣсти. При такомъ взглядѣ на эти этимологіи мы можемъ надѣяться когда-либо открыть, съ какого языка были сдѣланы славянскіе и западные переводы или по крайней мѣрѣ узнать, черезъ какой языкъ или народъ прошли эти повѣсти на пути отъ источника до славянскаго и западнаго міра. Матеріалъ для предлагаемаго списка этимологій мы заимствовали изъ статей А. Н. Веселовскаго («Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» (Славянскій Сборникъ, т. III) и Н. Н. Жданова «Повѣсти о Вавлонѣ и Сиваніи о впадехъ владимірскаго», Сиб., 1891 (оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пр., 1891). Къ словамъ этого списка мы приложили матеріалъ для сравненія, заимствованный изъ монгольскаго языка.

1) Осоръ, Носоръ—слова А. Н. Веселовскій сближаетъ эту форму съ евр. *neser*, арабск. *nisr*, «истребъ», «орель», символъ бога—повровителя Ассиріи, *Nisroch'a*, изображающагося съ орлиной головой (Славянск. сборн., т. III, стр. 140). Въ тюркомонгольскомъ также есть сходная форма. Въ своей статьѣ о Повѣсти, помѣщенной въ «Этногр. Обзоръ», кн. XI, стр. 117, я привелъ формы: *хажыр*—большая и сильная птица изъ породы коршуновъ (Банзаровъ); *качыр*—родъ орла, баснословная птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ (Будаговъ); *эсир*—орель (Очерки с.—з. Монг., IV, 162, II, 143); «эсыра», какъ тамъ сказано, нѣтъ въ алтайскомъ словарѣ о. Вербицкаго; его нѣтъ и въ словарѣ, приложенномъ въ грамматикѣ алтайск. языка, изданной въ Казани въ 1869 г.; но показаніе моихъ «Очерковъ» о существованіи этого слова не стоитъ однако; г. Батановъ въ своей «Повѣдѣ въ Карагассамъ въ 1890 году», Сиб., 1891, стр. 38, помѣстилъ карагасскую сказку, въ которой упоминается птица, и перевелъ это карагасское слово русскимъ «орель».

2) *Nosor* — *leprosus*, *lepra*; *носор* — «прокаженный» (Н. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгольски *худзюур* или *худжюур*—«паршивый», «воростялый», а также облысѣвшій отъ коросты. Можно допустить выпаденіе слога *ю*, что часто встрѣчается въ монгольскихъ словахъ, напр. *хузюун* — «шея», произносить *хузюн*, вмѣсто *хубюун*, «сынъ» — *кубюн*; вмѣсто *багатур*, «богатырь» — *батур* и т. п. Поэтому изъ *худзюур* *худжюур* можно вывести форму *хузюр* или *худжюр*. Такая сокращенная форма встрѣчается и въ самихъ сказаніяхъ. Въ монгольской Гесэриадѣ, которою мы уже пользовались для сближенія одного

*) См. XXIII кн. «Этно. Обзоръ».

ей эпизода съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ (Этн. Об., кн. XI), упоминаются семь паршивыхъ кузнецовъ братьевъ, *долон худжюур тархан*. Головы ихъ отрублены; изъ семи ихъ череповъ Гасэръ дѣлаетъ семь чашъ, въ которыхъ подносятъ вино своей бабушкѣ, но, разгнѣванная Гасэромъ, она бросаетъ ихъ. По бурятской версіи Гасэриады она становится созвѣдіемъ В. Медвѣдницы; въ шаманскихъ же легендахъ бурять звѣзды В. Медвѣдницы выдаются за семь череповъ кузнецовъ сыновей Хожира (Зап. Вост.-сиб. Отд. Географ. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 126); монгольскія *дэ* и *дэ* въ бурятскомъ переходить въ *ж* и *з*; поэтому монгольское *худжюур* черезъ предположенную форму «худжюръ» сводится съ бурятскомъ Хожиръ.

Въ киргизскихъ сказкахъ, содержащихъ темы изъ Гасэриады, лицо, которое можетъ быть сблизимо съ Гасэромъ, называется Козай или Козу *)—какъ будто тѣмъ же именемъ, какъ и въ монгольскомъ, только съ отпадениемъ конечнаго *р*. Форма *козе* встрѣчается въ парномъ Аздарь-кесе; такъ называется въ киргизскихъ сказкахъ хитрый человекъ, всёхъ обманывающій, въ родѣ монгольскаго Балзынъ-Сенге, или извѣстнаго въ мусульманскомъ мірѣ Насръ-эддина-ходжи. Въ Гасэриадѣ, особенно въ описаніи дѣтства Гасэра, замѣтно вліяніе сказокъ о хитромъ человекѣ. *Козе* по киргизски значить безбородый или безволосый.

3) *Nabu, nabuc*—*bubo*, «сова». Монгольскій языкъ не даетъ сходной формы. Фиганъ по-монгол. *шари шобо*, «желтая птица».

4) *Aga* (Аханзда) — «коза». Также имѣть сходной формы въ монгольскомъ языкѣ. Есть только такая не близкая: *уганъ*, «козель».

5) *Chodo, chodir*—сарга; *ходо*—«коза» (Н. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгол. *худури*—«кабарга» (у Ковалевскаго въ словарѣ имѣть, но я слышалъ это слово въ сѣверо-запади Монголіи; см. Очерки с.-в. Монгол., IV, 159); у Марко Поло *удери* (*Le livre Marco Polo par Rauthier*, I, p. 269). У Рашидъ-Эддина есть слѣдующее мѣсто (выписываемъ его цѣликомъ, потому что оно изложено нескладно): «Было племя Бевинъ. Государю ихъ имя было Гадеръ-Буюрукъ: «гадеръ»—т. е. весьма могущественный. Монголы, такъ какъ этого имени не знаютъ, говорятъ Гедеръ-ханъ; есть нѣкоторый изъ медикаментовъ монгольскихъ, который нынѣ называютъ гедеръ; въ древности имя его было гадеръ т. е. сильное лѣкарство, государю и этотъ Гадеръ-Буюрукъ (Рашидъ-эддинъ, Ист. монгол., пер. Березина, въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общ., ч. V, стр. 113, 114); рѣчь идетъ повидимому о мускусѣ и кабаргѣ. Переходы Гадеръ и Гедеръ напоминаютъ двойное произношеніе у киргизъ—одинъ и тотъ же святой называется иногда Кадыръ, иногда Казыръ; это святой, извѣстный въ передней Азіи у мусульманъ подъ именемъ Хизра (св. Георгій).

6) *Насор*—«волосы» (Веселовскій, Отрывки визант. эпоса, стр. 143). Когда персидская царевна вступила на стеклянный полъ царскаго дворца,

*) Вѣстн. Европы, 1890 г., сентябрь, статья: «Монгольское сказаніе о Гасэръ-ханѣ».

Навуходоносоръ «пусти огнь въ палатѣ и подпали ей нижніе власы (покрывавшіе ноги царицы), и тое ради вины царицы сама его нарекла Навуходоносоромъ, прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалазъ». *Нососун, носун* — по-монгольски шерсть свечья, верблюжья и пр.; въ словарь О. Ковалевскаго этого слова нѣтъ. Въ творит. падежѣ *носор* — «посредствомъ шерсти».

Посла царя Азелуя привозять изъ Вавилова сердоликовую краблицу. Въ своей статьѣ о Повѣсти въ Этн. Об., XI, стр. 114, мы приравливали этотъ эпизодъ къ той главѣ «Дѣвній» Гасэра, въ которой описывается хожденіе Гасэра къ своей бабушкѣ за Эрдени. Сердоликовая краблиця будеть соотвѣтствовать «Эрдени» Гасэриды. Въ Гасэриадѣ этихъ эрдени насчитывается девять; но въ храмовой обстановкѣ буддистовъ ихъ бываетъ семь; еще болѣе, чѣмъ семь, популярно число три; гурбанъ эрдени, «три драгоцѣнности», символъ буддизма. Не явилась ли сердоликовая краблиця на мѣстѣ «гурбанъ-эрдени», какъ грубое осмысленіе? Слова эрдени *) и сердоликъ имѣютъ созвучіе въ своей первой половинѣ; можетъ быть монгольское «Эрдени» получало иногда сходное окончаніе; въ монгольскомъ фольклорѣ я не могу указать на такое измѣненіе этой формы, но въ якутской сказкѣ есть *Eredelj-bergän* (А. Миддендорфъ, Путеш. на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, Олд. VI. Коренные жители Сибири. Спб. 1878. Стр. 808). Сюжетъ сказки имѣетъ самое общее сходство съ монгольской сказкой о Эрдені-Хараликѣ; *Eredesi-bergentj*, подобно отцу Эрдені-Харалика (о сближеніи Эрдені-Харалика съ Гасэромъ см. Этногр. Обзор., кн. XVIII, въ статьѣ: «Ордынскіи параллели къ повзамъ аладанскаго цикла», стр. 4), женится на подмѣнной невѣстѣ, и только къ концу сказки обманъ обнаруживается; ложная жена удалена, и богатырь соединяется съ настоящей своей невѣстой.

Въ восточной Монголіи есть горы Дзергале, которыя имѣютъ тунны, какъ бы саблей срѣзанныя вершушки. Народное преданіе говоритъ, что эти вершушки съѣкъ Гасэръ; горы эти не захотѣли за нимъ пойти, потому онъ и съѣкъ имъ головы. Намъ кажется, что тутъ приурочена мѣстнымъ населеніемъ подробность изъ сказанія объ Абатаѣ, котораго мы сближаемъ съ Гасэромъ, именно рассказъ о томъ, какъ Абатай везъ изъ Тибета въ Монголію сватыню (Эрдені-цзу) и на перевалѣ святой предметъ не захотѣлъ двигаться далѣе; Абатай съѣкъ верхнюю половину его, а нижнюю оставилъ тамъ, гдѣ она сдѣлалась недвижимою. Это случилось на перевалѣ черезъ гору, которая по этому обстоятельству и имя свое получила. Обѣ легенды, можетъ быть, одного происхожденія.

Г. Потанинъ.

*) У о. Вербицкаго (Словарь алтайск. и аладанскаго нарѣчій тюркско-казахскаго языка, Казань, 1884, стр. 50) драгоцѣнность—*ердине, ердине* (ерджине).

Критика и библиографія.

Josef Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmenschen (Stuttgart. 1894. 8°. 62 стр.).

Небольшая статья I. Мюллера посвящена развитію гипотезы Морца Вагнера о нахожденіи первобытной родины человека. По мнѣнію Вагнера, появленіе человека должно было произойти на сѣверѣ Европы или Азии, при наступленіи ледниковаго періода; мягкій до тѣхъ поръ климатъ допущалъ возможность существованія антропоидовъ на сѣверѣ; съ наступленіемъ ледниковъ климатъ становится холоднѣе, флора видоизмѣняется, и антропоиды, вынужденные искать себѣ иную пищу, постепенно переходятъ отъ растительной пищи къ другимъ видамъ и становятся всеядными: антропоидъ начинаетъ охотиться за звѣрями, а охота постепенно приводитъ его къ умѣнію ходить прямо и пользоваться несобланными камнями въ качествѣ оружія. Такимъ образомъ, въ періодъ медленнаго отступленія передъ ледниками на югъ, происходитъ дифференціація человека отъ антропоидовъ.

Эти мысли, высказанныя М. Вагнеромъ вкратцѣ, старается развить и дополнить I. Мюллеръ. Фактовъ, которые могли бы сдѣлать гипотезу Вагнера болѣе убѣдительною, авторъ брошюры не приводитъ. Онъ вынужденъ, какъ и его предшественники, занимавшіеся вопросомъ о мѣстонахожденіи прародины человека и намѣчавшіе какъ таковую то Африку (напр. Дарвинъ), то южную Азію (напр. Гекель), то сѣверныя страны, какъ Вагнеръ и Кагрфагъ, строить болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, достовѣрность которыхъ наука, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, еще не въ силахъ подтвердить фактическими доказательствами. Н. X.

Richard Hildebrand. Ueber das Problem einer allgemeinen Entwicklungsgeschichte des Rechts und der Sitte. (Inaugurationsrede). (Str. 33. 8° Graz, 1894). Въ небольшой статьѣ ректора Грацкаго университета г. Гильдебранда поднятъ одинъ изъ крупнѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ—именно вопросъ объ установленіи критерія для классификаціи по-слѣдовательности явленій жизни народовъ. Авторъ замѣчаетъ, что еще и

въ настоящее время исследователи руководствуются индивидуальными взглядами при определении, слѣдует ли известное явленіе общественной жизни народа считать послѣдующимъ или предшествующимъ другому явленію. Вслѣдствіе этого и сама система является крайне путкой. Пречную основу для классификаціи въ т. ск. хронологическомъ порядкѣ большого количества явленій г. Гильдебрандъ думаетъ найти въ различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія народа.

Различныя стадіи экономической жизни имѣютъ, по его словамъ, то преимущество, что экономическая жизнь «является всюду одинаковой, постоянно двигающейся въ одномъ и томъ же направленіи ходъ развитія, который вмѣстѣ свое объясненіе въ томъ, что населеніе или число людей всегда и всюду возрастаетъ въ большей или меньшей степени, и изъ всѣхъ интересовъ, которые управляютъ дѣйствующею жизнью, экономическіе интересы, по природѣ вещей, оказываются всегда самыми могущественными или основными. Въ классификаціи по экономически-культурнымъ ступенямъ лежитъ поэтому тесно и классификаціи по ступенямъ развитія, или, если можно такъ выразиться, — опредѣленіе возраста явленій. Каждая болѣе высокая экономическая культурная ступень есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе поздняя, болѣе зрѣлая ступень развитія»...

«Точка опоры рычага Архимеда, пишетъ авторъ нѣсколько далѣе, посредствомъ котораго можно поднять весь міръ права и нравственности, лежитъ въ экономическомъ бытѣ; совершенно такъ же, какъ въ природѣ, она лежитъ въ борьбѣ за существованіе, на которой покоится происхожденіе видовъ». Въ приведенной цитатѣ заключается основное положеніе, которое г. Гильдебрандъ старается затѣмъ осязнуть нѣкоторыми примѣрами. Остановимся прежде всего на немъ. Въ настоящее время едва ли кто-нибудь можетъ серьезно отрицать могущественное вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія на возникновеніе и развитіе общественныхъ нормъ. Если исследователи подчасъ и обращали сравнительно мало вниманія на этотъ факторъ въ исторіи развитія различныхъ институтовъ и не всегда въ достаточной мѣрѣ осязали посредствомъ его то или иное явленіе, то большинство ихъ было однако далеко и отъ отрицанія его значенія; наконецъ, за послѣднее время въ новѣйшихъ трудахъ все болѣе и болѣе стали обращать вниманіе на этотъ факторъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то въ мнѣніяхъ г. Гильдебранда мы не увидимъ ничего особенно новаго; но онъ является представителемъ крайняго направленія, старающагося выдвинуть значеніе одного фактора на первое мѣсто въ ущербъ другимъ. Жизнь каждой народности регулируется цѣлымъ рядомъ факторовъ, въ числѣ которыхъ, конечно, видное мѣсто слѣдуетъ отнести и экономическимъ условіямъ; но значеніе и сила вліянія каждаго изъ нихъ не являются постоянными, неизмѣнными: они изходятся въ постоянномъ колебаніи, и временно то одинъ, то другой получаетъ перевѣсъ. Вслѣдствіе этого намъ кажется, что едвали когда-нибудь удастся опредѣлить известный постоянный факторъ, дѣйствующій всегда и всюду неизмѣнно. Г. Гильдебрандъ считаетъ безспорнымъ постоянный ростъ племени въ численномъ отношеніи и соответственно съ этимъ постоянный прогрессъ въ экономи-

ческих ступеняхъ быта. Можетъ случаться, пишетъ онъ, что народъ въ своемъ развитіи перескакиваетъ черезъ ту или другую культурную ступень, такъ что, напр., многіе народы непосредственно перешли отъ охотничьяго или рыболовческаго быта къ земледѣльческому, охладному, не проходя ступень кочевьяго быта; но никогда не случается, чтобы народъ, который достигъ уже земледѣльческаго или вообще охладнаго быта, перешелъ къ пастушескому, кочевому, т. е. чтобы произошелъ экономическій регрессъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности то и другое случается: населеніе далеко не всюду и не всегда увеличивается «въ большей или меньшей степени», напротивъ того, весьма часты явленія противоположнаго характера и именно у тѣхъ народностей, которыя даютъ намъ основной матеріалъ для исторіи развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ развитія; достаточно вспомнить о краснокожихъ Америки и объ австралійцахъ, на жизнь которыхъ г. Гильдебрандъ ссылается въ приводимыхъ имъ примѣчаніяхъ. Культурный регрессъ среди отдѣльныхъ племенъ преслѣженъ на большомъ количествѣ примѣровъ; стоить вспомнить только феодализмъ Египта, современныхъ обитателей Месопотаміи, Мексики и Перу, чтобы убѣдиться, что экономическій прогрессъ совершается далеко не постоянно. Известны также случаи, когда экономическая культура народа регрессируетъ частично подъ вліяніемъ хотя-бы религіозныхъ воззрѣній; чтобы ограничиться одною Россіей, отмѣтимъ, напр., полное забвеніе винодѣлія жителями Крыма подъ вліяніемъ ислама, замѣнившаго собой христіанство. Земледѣльческое населеніе Россіи, подъ вліяніемъ условій самоощипы, перешло въ лицѣ довольно значительной части прииртышскихъ казаковъ къ полукочевому скотоводческому быту. Подобныхъ примѣровъ можно было бы насчитать много; они съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что и экономическій бытъ отнюдь не можетъ считаться прочнымъ основаніемъ для классификаціи явленій общественной жизни народа, и намъ кажется, что г. Гильдебранду можетъ быть сдѣланъ тотъ-же упрекъ, который онъ дѣлаетъ современнымъ изслѣдователямъ, которые, по его мнѣнію, руководствуются при установленіи классификаціи индивидуальными взглядами.

Обращаясь къ двумъ примѣрамъ, которыми авторъ старается доказать справедливость своего положенія, мы встречаемъ и здѣсь недостаточность разносторонней оцѣнки приводимыхъ имъ фактовъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ. «Теоріей установлено, пишетъ онъ, что первоначальной и древнѣйшей формой заключенія браковъ было похищеніе женщннъ. Отсюда постепенно возникла, по мѣрѣ смягченія правовъ, покупка женщн и, наконецъ, съ развитіемъ цивилизаціи, покупка женщн выродилась въ обычай давать подарки родителямъ или опекунамъ невѣсты». При ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ, авторъ приходитъ къ совершенно обратному заключенію: у народовъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія (охотничій и рыболовческій бытъ), обычай *покупки* невѣсты неизвѣстенъ, похищеніе женщн встрѣчается крайне рѣдко; бракъ обыкновенно заключается путемъ приношенія подарковъ родителямъ (ведды на Цейлонѣ, бушмены, алеуты, сѣв.-амер. краснокожіе, австралійцы и пр.). Обычай покупать себѣ женщн встрѣчается только у народовъ, которые достигли уже скотоводческаго

быть или даже земледельческого (лопаря, самоеды, бураты, киргизы, коэры и пр.). На этих ступенях чаще начинают встречаться, по мнению г. Гильдебранда, и похищение женщин. Порядок эволюции этого института является т. обр. совершенно обратным; по словам автора, он объясняется очень легко: на низших ступенях развития вѣтъ имущества, следовательно охотник или рыбакъ вынужденъ довольствоваться получениемъ простыхъ подарковъ при выдачѣ своей дочери замужъ. При скотоводческомъ бытѣ появляется имущество, развивается стремление къ наживѣ и скупость, вслѣдствіе чего невеста начинаетъ быть продаваемой за известное количество головъ скота. Обычай покупать невесту легко объясняется и развитіе похищенія, такъ какъ жениху трудно собрать требуемое за невесту количество скота: онъ прибѣгаетъ къ похищенію, которое, впрочемъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія является исключеніемъ вслѣдствіе риска, сопряженнаго съ предпріятіемъ. Несовершенство объясненія, даваемого г. Гильдебрандомъ всѣмъ этимъ эвтанъ, рѣзко бросается въ глаза всякому, хоть немного знакомому съ бытомъ культурныхъ народностей. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдовать теоріи г. Гильдебранда, что у многихъ народностей, которыя заключаютъ, по его мнѣнію, браки мирнымъ путемъ, одаривъ родителей невесты, то какъ объяснить тотъ фактъ, что обычай часто *требуетъ*, чтобы женихъ, прежде чѣмъ принести подарки, совершилъ символическое или дѣйствительное похищеніе невесты; такъ у камчадаловъ онъ нападаетъ на нее, вступаетъ съ ней и съ окружающими ее подругами въ бой, и только въ случаѣ побѣды женихъ получаетъ права давать подарки родственникамъ своей жены. У австралийцевъ обычай похищенія невесты продолжаетъ господствовать, причемъ однако встрѣчается, *внутри* каждаго племени, и обычай покупать себѣ жену за приносимые подарки ея родивъ. Какъ объяснить далѣе, что у многихъ народовъ, у которыхъ обычай покупки невесты является господствующимъ, въ свадебныхъ обрядахъ воспроизводится обыкновенно символическое похищеніе (киргизы, лопари, самоеды и пр.),—предпріятіе, на которое, по словамъ г. Гильдебранда, женихъ рѣшается только изрѣдка Единственнымъ объясненіемъ будетъ то, которое установлено изслѣдователями, которыхъ авторъ упрекаетъ за отсутствіе прочнаго критерія при установленіи классификація институтовъ по времени ихъ возникновенія, именно, что, обычай похищенія невесты всюду предшествовалъ покупкѣ невесты, причемъ для установленія этого положенія изслѣдователи руководствовались не индивидуальными взглядами, а пользовались историко-сравнительнымъ методомъ и изученіемъ переживаній. Далѣе, въ основаніи возникновенія обычая даренія родителямъ невесты известныхъ предметовъ лежитъ какъ у охотничьихъ, такъ и у скотоводческихъ народовъ одна и та-же мысль, именно: либо возмѣщеніе за убытокъ, причиненный увозомъ члена союза, либо стремленіе подарками прекратить могущую возникнуть вражду, причемъ этотъ обычай появляется уже позже и съ развитіемъ народа вытѣсняется окончательно обычай похищенія, который сохраняется только какъ символъ. Различіе въ экономическомъ уровнѣ охотничьихъ и скотоводческихъ племенъ сказывается въ выборѣ предметовъ, служащихъ выкупомъ за не-

вѣсту: если этотъ выкупъ болѣе точно опредѣленъ у скотоводческихъ племенъ, то происходитъ это оттого, что у нихъ вообще болѣе развиты представленія о собственности и существуетъ постоянная мѣсовая цѣнность—скоть, котораго еще не знаетъ охотникъ или рыбакъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на статьѣ г. Гиздебранда: она служить однимъ изъ доказательствъ, что отбрасыве того или иного фактора, вліяющаго на ходъ развитія народа, при односторонности и недостаточно-внимательномъ изученіи явленій жизни, приводитъ неизбежно къ крупнымъ ошибкамъ и не только не двигаетъ впередъ науку, но можетъ даже задерживать ея развитіе.

H. X.

Gustave Le Bon. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. (Paris. 1894. стр. 176. 8°). Небольшой трудъ г. Le Bon суммируетъ взгляды автора, изложенные имъ въ разное время въ другихъ трудахъ его, посвященныхъ исторіи культуры разныхъ народовъ. По его мнѣнію, положеніе, высказанное впервые мыслителями прошлаго вѣка, о равенствѣ людей и расъ, до настоящаго времени, хотя и съ видоизмѣненіями, является господствующимъ; нѣтъ ничего ошибочнѣе этого утвержденія: каждая раса имѣетъ ей присущіе психическіе признаки, почти столь-же стойкіе и опредѣленные, какъ и признаки физическіе, и перемѣны въ первыхъ происходятъ такъ-же медленно, какъ и во вторыхъ. Совокупность психическихъ признаковъ (нравственныхъ и умственныхъ) составляетъ духъ расы (народа), который отличается ее отъ другихъ и которымъ проникнуты учрежденія, искусство, вѣрованія каждаго народа; духъ расы регулируетъ и ея исторію; онъ вырабатывается вѣками и является продуктомъ всей прошлой жизни народа. Всѣ человѣскія расы можно раздѣлить на 4 группы: 1) *примитивная*, «у которыхъ нѣтъ никакихъ сабдовъ культуры, и которыя остановились на той эпохѣ первобытнаго животнаго состоянія, которую наши предки переживали въ палеолитическій періодъ: таковы въ настоящее время огнеземельцы и австралійцы»; 2) *низшія* расы, способныя къ воспріятію только первыхъ основъ цивилизаціи; къ нимъ слѣдуетъ прежде всего отнести негровъ; 3) *среднія* расы (китайцы, японцы, семиты и пр.), способныя развить высокую культуру, которую въ состояніи были превзойти только 4) *высшія* расы, которыя состоятъ изъ индо-европейцевъ. Высшія расы отличаются отъ низшихъ не только анатомическими и психическими признаками, но и различіемъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ: у низшихъ расъ всѣ индивидуумы, даже если они принадлежатъ къ разнымъ поламъ, стоятъ приблизительно на одномъ умственномъ уровнѣ: они всѣ похожи другъ на друга; у высшихъ расъ, наоборотъ, закономъ является неравенство индивидуумовъ и половъ. Это положеніе авторъ старается подтвердить данными антропологическими: изъ сравненія череповъ представителей различныхъ человѣческихъ расъ видно, что объемъ черепа представляетъ наибольшія колебанія у цивилизованныхъ расъ; чѣмъ болѣе раса поднимается по пути цивилизаціи, тѣмъ болѣе дифференцируются черепа у отдѣльныхъ членовъ. Равенство анатомическое и физиологическое существуетъ только у низшихъ

расы; ту-же дифференциацию можно наблюдать, распределяя субъектов по полу: объем черепа мужчины и женщины, даже если сравнивать только субъектов одинакового возраста, роста и т.д., представляет различия, быстро усиливающиеся с поднятием уровня культуры. Эти различия, крайне слабы у низших рас, становятся громадными у высших. У последних женские черепа часто едва более развиты, чем у женщин низших рас. В то время, как средняя величина составляет черепа парижанок почти к числу наиболее крупных из всех известных, черепа парижанок должны быть поставлены на один уровень с черепами китайцев и едва-едва выше женских черепов из Новой-Каледонии. Каждая раса является обособленным целым, и перенесение культуры, выработанной одною из них, на другую невозможно: этим объясняется, что европейская культура не прививается к другим племенам. В этом заключаются основные положения автора; остальная глава посвящена лишь развитию этих положений и приведению примеров, как видоизменяются проявления способностей рас под влиянием различных факторов; нового мы не находим в изложении автора, ограничивающего свои замечания поверхностными данными, касающимися племени и народов исторических. Выставляя и доказывая свои положения, как в иллюстрируя их примерами, автор повторяет или всем известную истину, или давно доказанные ошибки, и по отношению к его взглядам на расы, из которых одни способны к культуре, в то время как другие обречены навсегда остаться некультурными, можно приписать его же слова, что «если трудно установить новую идею, то не менее трудно разрушить старую; человечество всегда... влиялось за мертвыми идеями».

Н. Х.

А. Мюллеръ. История ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ.

Переводъ съ немецкаго подъ редакцію приватъ-доцента Н. А. Мѣдника въ Спб. 1895 г. Т. I—376 стр., т. II—354 стр.

Объемистый трудъ немецкаго ученаго, появляющийся теперь въ русскомъ переводѣ, входитъ въ составъ известной Allgemeine Geschichte Оукена, подъ заглавіемъ: Der Islam im Morgen-und Abendland (Берл. 1886—87). Нельзя сказать, чтобы авторъ внесъ въ свое сочиненіе много чего-нибудь новаго, своего собственнаго; наоборотъ, онъ даже прямо поставилъ своей задачей—изложить, преругательно и обстоятельно, только то, что было добыто до сихъ поръ трудами другихъ исследователей, подвести итоги ихъ изслѣдованіямъ и, такъ сказать, произнести послѣднее слово науки. Задачу свою покойный Мюллеръ исполнилъ прекрасно: несомнѣнно читать его сочиненіе очень легко, а каждый специалистъ замѣтитъ, что авторъ отвесилъ въ своему дѣлу вполне добросовѣстно и что читатель получаетъ дѣйствительно самыя свѣжіе плоды востоковѣдѣнія. Небольшой промежутокъ въ 7 лѣтъ, отдѣляющій появленіе книги Мюллера отъ нашего времени, не можетъ имѣть большого значенія, потому что какихъ-нибудь существенно важныхъ открытій за это время не сдѣлано. Приходится посѣтовать только на одинъ капиталный недоста-

токъ Мюллера труда, а именно на то, что г. Мюллеромъ не дѣлаются ссылки на ученыхъ изслѣдованія его предшественниковъ, послужившія ему источникомъ для его компиляціи; несвѣдущій читатель будетъ совершенно лишненъ библиографическихъ указаній на литературу предмета. Въ нѣмецкомъ изданіи была, по крайней мѣрѣ, хоть въ предисловіи замѣтка о томъ, что главный авторитетъ для составителя—это Доли, «der unsterbliche Dozy»; въ русскомъ переводѣ предисловіе вовсе пропущено, и русскій читатель не имѣетъ даже того краткаго указанія на одинъ изъ источниковъ компиляціи. Впрочемъ и русскій переводъ является въ свѣтъ также не безъ предисловія, только другого, составленнаго самимъ г. Мѣдниковымъ (собственно, оно г-номъ Мѣдниковымъ и не составлено, а просто извлечено изъ статьи бар. Розена, которая была помѣщена въ Зап. Вост. Огд., т. VII). Въ этомъ предисловіи сообщается біографія покойнаго нѣмецкаго профессора,—вещь, конечно, очень полезная и отнюдь не предосудительная; но крайне странно встрѣтить здѣсь выраженіе сожалѣнія, зачѣмъ Мюллеръ не сдѣлался специалистомъ-этиологомъ, а обратился «въслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ» (стр. V) къ исторіи! Да неужто живость ума и разносторонность научныхъ интересовъ заслуживаютъ сожалѣнія и порицанія? И не найдется ли приведенный упрекъ въ противорѣчій съ дальнѣйшимъ замечаніемъ самого г. Мѣдникова, что «Исламъ» А. Мюллера является *въ высшей степени* полезнымъ произведеніемъ», и что онъ, г. Мѣдниковъ, «не знаетъ ни одного другаго сочиненія, которое дѣлало бы столь ясный, связанный и осмысленный обзоръ исторіи мусульманскаго міра?»

Что касается достоинствъ или недостатковъ русскаго перевода, то нужно сознаться, что изрѣдка онъ таки тяжележекъ, страдаетъ германизмами (помнится намъ въ одномъ мѣстѣ даже такая фраза: «онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ укрѣпить власть»), но все это, конечно, простить можно. Заслуживаетъ похвалы стараніе передать восточныя имена по мѣрѣ возможности правильно, согласно съ настоящимъ восточнымъ произношеніемъ; мы этого совсѣмъ не привыкли видѣть въ переводахъ, сдѣланныхъ съ нѣмецкаго,—обыкновенно имена собственные, перешедши черезъ нѣмецкую несовершенную транскрипцію, въ русской передачѣ уже совершенно искажаются. Напрасно только г. Мѣдниковъ обращаетъ каждаго Абдаллаха въ Абдулла (съ женскимъ окончаніемъ). Вполнѣ сочувственно относимся мы къ стремленію г. Мѣдникова придать восточнымъ словамъ удобосклоняемое окончаніе: такъ онъ пишетъ «Аліи» (не «Али»), «суфий» (не «суфи») и т. п. Въ арабскомъ языкѣ эти слова имѣютъ вадъ: «Аліий-овъ», «суфий-овъ». Употреблять формы, поставленныя нами въ скобкахъ, такъ-же не рационально, какъ не рационально было бы передавать латинское Iulius черезъ «Юли» и греческое Διονύσιος черезъ «Діониси».

Вскорѣ должны выйти въ свѣтъ 3-й и 4-й томы предпринятаго русскаго изданія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ появленія, потому что возлагаемъ на русскій переводъ сочиненія Мюллера большія надежды. До чего плохо поставлено у насъ въ Россіи востовѣдѣніе, доказываютъ, напр., слѣдующіе куріозные факты: въ «Настоящемъ Энциклопедическомъ

Словарь» (изд. Т-из Граната) говорится о Касимъ, сынъ Пророка Мохаммеда, убитомъ Омейядами; специальный философский журнал «Вопросы философии и психологии» дать место архи-неизвестной компиляции г. Уманца («Методика мусульманского востока»); на казенный счет издается въ Ташкентъ (!) «Исламъ» Юганна Гаури. О послѣдней книгѣ мы подробно поговоримъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашего журнала, а пока-что отмѣтимъ тотъ характерный и печальный фактъ, что переводчикъ сочиненія Гаури, г. Хомутовъ, считалъ эту невозможную слухоблудию за пышный цвѣтокъ науки. Надѣемся, повторимъ мы, что русский переводъ Мюллеровой «Исторіи ислама» распространять въ русской публикѣ, которая мало знакома съ востокомъ, болѣе здравый о немъ поинтересъ и устранить самую возможность появленія на русскомъ такихъ книгъ, какъ Гаури.

Сочиненіе Мюллера, хотя выстъ въ виду главнымъ образомъ въѣдную исторію халифата, содержитъ также много другихъ свѣдѣній и, въ известной степени, можетъ служить восточной энциклопедіей. Но вся эта масса свѣдѣній, особенно по исторіи культуры, собрана не въ отдѣльныхъ главахъ, а разбросана тамъ и сямъ по всей громадной книгѣ. Конечно, подобная система изложенія дѣлаетъ книгу очень интересной для чтенія, но въ высшей степени неудобной для справокъ, а мы полагаемъ, что Мюллерова книга *должна* имѣть справочный характеръ. Краткое оглавленіе, приложенное къ каждому тому, ничуть не поможетъ дѣлу: при слабомъ знакомствѣ нашего общества съ востокомъ, не всякій способенъ будетъ ориентироваться въ толстыхъ книгахъ Мюллера, напечатанныхъ убористымъ шрифтомъ. Какъ въ интересахъ публики, такъ и въ интересахъ самого изданія, которому мы искренно желаемъ блестящаго успѣха, мы советуемъ г. Мѣдникову помѣстять въ концѣ IV тома именной и предметный *указатели*. Сдѣлать это г. Мѣдниковъ можетъ безъ большаго труда (особенно если прибѣгнуть къ помощи своихъ слушателей), а между тѣмъ значительно возвыситъ внутреннюю цѣнность своего изданія, окажетъ несомнѣнную услугу развитію русскаго востоковѣдѣнія и приобрететъ себѣ болѣе широкій кругъ читателей и «потребителей» (*sit venia verbo!*) Въ противномъ случаѣ объемистое сочиненіе Мюллера будетъ для очень многихъ людей богатой сокровищницей, къ которой у нихъ нѣтъ ключа.

А. Крымскій.

Къ исторіи средневѣковой филологіи и еврейско-арабской литературы.

I. «Книга сравненія еврейскаго языка съ арабскимъ» Абу-Ибраһима (Исаака) ибнъ-Баруна, испанскаго еврея конца XI и начала XII вѣка. Изданіе П. Коновцова. Съ приложеніемъ подлиннаго текста сохранившихся отрывковъ труда ибнъ-Баруна. С.-П. Б. 1893, стр. 158.

Нельзя сказать, чтобы семитологія имѣла мало адептовъ въ Европѣ, и тѣмъ не менѣе въ этой области остается еще много, много несдѣланнаго, неизсѣдованнаго, и притомъ по отношенію къ предметамъ самой настоятельной необходимости. Напр., мы до сихъ поръ не имѣемъ историческаго словаря арабскаго языка: существующіе въ Европѣ арабскіе сло-

вари (они представляют передѣлку мусульманскихъ) показываютъ при каждомъ арабскомъ словѣ обыкновенно три, четыре и больше значеній, которыя совершенно несходны между собой. Такая путаница происходитъ оттого, что слова вносились въ словарь арабскими лексикографами безъ обозначенія вѣка ихъ употребленія; другая причина — та, что часто обобщается такое значеніе слова, котораго слово на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и которое годится разнѣ въ переносномъ смыслѣ, для какого-нибудь опредѣленнаго выраженія, и т. п. Не лучше стоять дѣло и съ арабской грамматикой. Легшая въ основу европейскихъ трудовъ и удовлетворяющая практической потребности грамматика Сильвестра де-Саси скопирована по сочиненіямъ нѣсколькихъ выдающихся грамматистовъ-арабовъ, но кто обращается къ самымъ источникамъ, тотъ знаетъ, сколько важныхъ различій существуютъ у арабскихъ авторитетовъ по грамматикѣ. Разногласія эти вполнѣ понятны: разговорный арабскій языкъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, естественно измѣнился, между тѣмъ арабская литературная рѣчь ставила себѣ принципомъ — не уклоняться отъ древнихъ образцовъ; такимъ образомъ литературный арабскій языкъ, дѣлавъ въ сущности мертвымъ, долженъ былъ испытать судьбу нашего церковно-славянскаго (или славяно-русскаго) языка, т. е. принять какой-то искусственный видъ и усвоить нѣкоторые факты, никогда не существовавшіе въ живой рѣчи. Однимъ изъ средствъ помочь точнѣй филологій семитологовъ-европейцевъ является обнаруженіе и переводъ возможно большаго количества восточныхъ филологическихъ сочиненій разныхъ школъ. Въ последнее время къ этому и стремятся въ Европѣ; между прочимъ, не малая надежда можетъ возлагать на издаваемый въ настоящее время синтаксисъ Сибавейги. Отдѣльными, сравнительно небольшими изслѣдованіями, въ родѣ того, какое даетъ г. Коконцовъ, чрезвычайно симпатичны и могутъ помочь дѣлу. Матеріалъ, выбранный г. Коконцовымъ, чрезвычайно удаченъ: немногіе средне-вѣковые еврейскіе авторы обнаруживали такое знакомство съ арабской литературой, какъ ибнъ-Баруиъ; а что касается, въ частности, арабскій грамматической и лексикографической литературы, то въ этой области г. Коконцовъ ставитъ автора «Китабъ-оль-мовазене» («книги сравненія») выше всѣхъ, — слѣдовательно, не исключаетъ даже такого знатока арабскаго языка, каковъ Абуль-Валидъ ибнъ-Дженнахъ. Трудъ ибнъ-Баруна отличается строгой систематичностью изложенія, чего также нѣтъ у ибнъ-Дженнаха. Похвально вліяніемъ изученія арабскихъ филологовъ, ибнъ-Баруиъ обращаетъ на арабскій языкъ чуть ли не большее вниманіе, чѣмъ на свой: читая его сравнительную грамматику, читателю иногда кажется, что онъ имѣетъ дѣло, собственно, съ грамматикой арабскаго языка, въ которой лишь для указанія средствъ между языками приведены вездѣ приѣмы изъ еврейской грамматики. Изслѣдованіе г. Коконцова, если исключить введеніе (свѣдѣнія объ авторѣ «Китабъ-оль-мовазене»), представляетъ, собственно, ничто иное, какъвольный переводъ подлиннаго арабскаго текста съ опущеніемъ лишь въ некоторыхъ полемическихъ мѣстахъ и съ прибавленіемъ обстоятельныхъ комментариевъ. Специально этнографическій характеръ нашего изданія не позволяетъ намъ распространяться въ подробностяхъ частнаго характера

о книгѣ г. Кокошова, но мы можемъ сказать, что всякій семитологъ найдетъ въ ней много для себя важнаго и интереснаго и будетъ благодаренъ автору.

А. Крымскій.

Оповідання про заздрих богів. Написав Михайло Драгоманов. Передрук із «Хлібороба». Коломия. 1894, 16^о, стр. 54.

Эта небольшая книжка, составленная просто и живо, имѣетъ цѣлью популяризовать некоторые выводы библейской критики и примыкаетъ къ ряду другихъ подобныхъ сочиненій того-же профессора: «Наука теологічна в Західній Европі», «Рай і поступ» і т. д. Въ настоящей книгѣ авторъ разбираетъ вѣрованія и преданія грековъ насчетъ зависти боговъ и систематически проводитъ параллель съ подобными же вѣрованіями у евреевъ. — Изложивши греческія преданія о зависти Зевса, о Прометей (насадитель знаний, т. е. позиющемъ добро и зло) и о грѣхопадѣніи Пандоры и Прометей, проф. Драгомановъ вслѣдъ затѣмъ разсматриваетъ существовавшій у древнихъ евреевъ рассказъ о ревнивомъ богѣ Явѣ (котораго онъ почему-то называетъ «Яве») и о грѣхопадѣніи первой человѣческой четы; попутно проф. Драгомановъ уклоняется въ сторону, не нарушая однако замѣчательной связи рѣчи, и разсматриваетъ разныя побочныя свѣдѣнія: объ антропоморфическомъ почитаніи у древнихъ евреевъ, о вліаніи ассирійскаго искусства и т. п. Далѣе проф. Драгомановъ разсматриваетъ позднѣйшія греческія легенды о смѣи бога (Зевса) человѣколюбцѣ Гераклѣ, о вѣстствіи его и Прометеева друга Хирона въ адъ для искупленія Прометей, о примиреніи Зевса съ Прометеемъ и съ людьми, — и опять проводитъ параллель съ вѣрованіями и событіями еврейскими; онъ показываетъ, какъ старое библейское преданіе и новозавѣтные факты оказались сходны съ сказаніями греческими и вступили съ ними во взаимодѣйствіе, отчего появились новыя сказанія. Небольшое отступленіе дѣлается въ этой главѣ для сравненія еврейскихъ представленій о діаволѣ съ персидскими. Последняя глава подчеркиваетъ остатки народныхъ вѣрованій въ зависть Божію у христіанскихъ народовъ, вплоть до послѣдняго времени.

Книжка, конечно, не можетъ претендовать на оригинальность и новизну выводовъ, но, какъ замѣчательный образецъ популяризаторскаго труда, она стоитъ высоко. Недостаткомъ ея мы должны считать известную политическую тенденцію, которую очень не трудно усмотрѣть, читая между строкъ. Мы бы и не касались этого пункта, если бы тенденціозность не увлекла г. Драгоманова, серьезнаго ученаго и профессора исторіи, въ крупную историческую ошибку: исключая преимуществъ республиканскаго устройства и права въ примѣръ Грецію, онъ увѣряетъ, будто тамъ каждый свободно могъ «собрѣрнати розумомъ усіяні речі, що доторкалися до віра» За что же, спрашивается, страдали Анаксгоръ, Сократъ и др.? «Неправда — не просвіта», скажемъ мы г. Драгоманову его же словами, брошенными когда-то одному изъ біографовъ Кенгелъ-Освольяненка.

Языкъ проф. Драгоманова — ясный и простой. Есть руссизмы.

А. Крымскій.

Georgian folk-tales, translated by Marjory Wardrop. Published by David Nutt in the Strand, London, 1894. Въ Англіи въ послѣднее время больше заинтересовались грузинской исторіей и литературой. Черезъ нѣсколько лѣтъ по появленіи въ англійскомъ переводѣ проповѣдей кутаисскаго епископа Гавриила, была напечатана обстоятельная книга Оливера Уордрона подъ заглавіемъ: „The Kingdom of Georgia: Notes of travel in a land of women, vine and song“. Она заключаетъ въ себѣ историческія и литературныя очерки съ хорошо подобранной бібліографіей. Теперь сестра вышеупомянутаго Уордрона перевела и напечатала грузинскія народныя сказки, одобренныя еще въ рукописи извѣстнымъ антропологомъ Тэйлоромъ, какъ любительныя фольклористическія образцы.

Въ предисловіи переводчица говоритъ, что Грузія, по своему географическому положенію между Востокомъ и Западомъ, служила долго передаточной инстанціей возносившихъ въ старину умы человѣчества теченій. Религіозныя и политическія сношенія съ Византіей и постоянныя столкновения съ Персіей и Турціей способствовали усвоенію Грузіей чертъ, принадлежавшихъ частью христіанству, частью же исламу, и здѣсь должны быть найдены отдѣльныя звенья въ длинной цѣпи историческихъ и литературныхъ изысканій.

Въ составъ перевода г-жи Уордропъ вошли: карталинско-кахетинскія сказки числомъ 16, мингрельскія—8 и гурійскія—14. Первые заимствованы изъ книги г. Агніашвили (Тифлисъ, 1891, „Грузинскія народныя сказки“), вторыя изъ „Мингрельскихъ этюдовъ“ проф. Цагарели, третьи изъ „Грузинскихъ народныхъ сказокъ“, собранныхъ Бебуромъ Б. Переводъ близко стоитъ къ оригиналу и даетъ ясное представленіе о характерѣ грузинскихъ сказокъ. Трудъ посвященъ переводчицей Эд. Тэйлору. Первая страница книги открывается изображеніемъ грузинскаго герба, а текстъ сопровождается примѣчаніями, нужными для пониманія тѣхъ особенностей грузинской жизни, которыя отразились въ сказкахъ. Кое-гдѣ находимъ и указанія параллелей въ произведеніяхъ другихъ народовъ. Книга встрѣчена сочувственно въ англійской печати, и, между прочимъ, извѣстный славистъ, профессоръ оксфордскаго университета Моренъ далъ о ней лестный отзывъ въ журналѣ „The Academy“ (1894, August, 4). Съ своей стороны, мы прибавимъ, что переводъ сдѣланъ весьма удачно и во многихъ мѣстахъ художественно воспроизведенъ грузинскій оригиналъ.

А. Хар-овъ.

А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава 1893. Стран. 2+317. (Оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника, т. XXIX, XXX и XXXI. *).

Эта книга, заглавіе которой сличкомъ общее и не достаточно опредѣляетъ ея содержаніе, посвящена судьбѣ въ русскомъ языкѣ звуковъ *е* и *о*,

*) Отзывы о сочиненіи г. Шахматова уже были представлены Ивн. Вик. Янчевымъ (Archiv für slavische Philologie. В. XVI, S. 284—286), Ал. Пв. Соболевскимъ (Ж. М. Н. Пр., 1894 г., апрѣль, стр. 421—434) и Бор. Мах. Ляпуновымъ (Зап. Харьк. Ун., 1894 г., кн. IV—128 страницъ).

а также звуковъ а и ѣ, несколько послѣдняя пара связана съ первою: главные вопросы, рассматриваемые авторомъ—это переходъ е въ о (ѣ), совпаденіе, въ известнѣхъ предѣлахъ, звука ѣ съ е (отчасти обонхъ ихъ съ и), равно какъ измѣненіе звуковъ е и о безударныхъ—звѣне и слѣзанный съ ними переходъ е въ и, или въ а (я). Настоящее сочиненіе, какъ и прежніе труды автора, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ основательно изучилъ исторію и диалектологию русскаго языка и стоитъ на высотѣ современной науки. Если же онъ самъ вникнетъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскими говорами, то впадаетъ въ излишнюю скромность, и упрекъ этотъ, по справедливости, можетъ быть отнесенъ лишь къ самому состоянію русской диалектологии, а не къ изученію ея нашимъ авторомъ. Въ настоящемъ трудѣ онъ и самъ представлялъ нѣкоторыя допущенія къ диалектологіи, отчасти основанныя на личнѣхъ наблюденіяхъ въ Олонецкой губерніи, отчасти на отбѣтахъ по программѣ, разосланной имъ учителямъ и учительницамъ Ярославской губерніи. Въ большомъ количествѣ приводятся Шахматовымъ примѣры изъ старинной письменности, извѣстные имъ самимъ изъ рукописей: многочисленность примѣрокъ, конечно, относительная, такъ какъ, вслѣдствіе несовершенства звуку съ одной стороны и церковнославянскаго вліянія съ другой, русское произношеніе проявляется лишь въ отдѣльныхъ орфографическихъ ошибкахъ. Изъ положеній автора весьма убѣдительно само по себѣ—хотя едва ли можетъ быть доказано изъ рукописныхъ памятниковъ—утвержденіе, что звукъ е переходилъ въ о (ѣ) при посредствѣ ѣ, такъ что между теперешнимъ выговоромъ с'ѣла *) и древнѣйшимъ с'ѣла предполагается переходная ступень с'ѣла. Неудобнымъ однако мнѣ кажется существованіе звука ѣ въ общеславянскомъ (напр. жѣла), въ виду повсемѣстнаго сохраненія звука е у южныхъ славянъ и у чеховъ: особенно неудобны такія формы какъ шѣсть, гдѣ предполагается расширеніе передъ полумягкими, а не передъ твердыми согласными. Любопытно распредѣленіе на нѣсколько группъ памятниковъ, смѣшивающихъ ѣ съ е, при коемъ обнаруживается необходимость обращать больше вниманія на условія, при которыхъ происходитъ смѣшеніе: такъ иные памятники смѣшиваютъ ѣ съ е только передъ слѣдующими мягкими звуками, т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ ѣ и е, надо думать, совпадали въ звукѣ узкаго е (е склоннаго въ і), тогда какъ въ другихъ случаяхъ они могли различаться. На особое положеніе, занимаемое словами съ буквою ю вѣсто ѣ, напр., юлати—гдѣ можно думать о неточности въ передачѣ гласнаго элемента, изъ желанія выразить согласный элементъ j, — было указано Шахматовымъ еще въ „Исслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ“. Вполнѣ убѣдительнымъ мнѣ кажется объясненіе древнепсковской записи а (а) черезъ е (ѣ) внутри словъ и смѣшаннаго употребленія этихъ буквъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр., провъщель, въплъше, сѣнце и сѣнца, слава моє, житіє своѣ и т. д. Шахматовъ здѣсь видитъ суженіе а въ е и совпаденіе зву-

*) Апострофомъ послѣ согласной мы означаемъ ея мягкость, по недостатку шрифта (у автора мягкія согласныя отмѣчены акутомъ надъ ними).

ковъ а и е въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, причеиъ то и другое было обусловлено сосѣдствомъ со звуками j, ж, ч, ш, щ, а также съ мягкими с, з и ц, каковыя звуки могли отличаться преимущественною передъ другими мягкими согласными мягкостью (не даромъ исконое письмо смѣшивало не только ч и ц, какъ и сѣвернорусское, но также ж и з, ш и с, такъ что надо предполагать попарное совпаденіе этихъ звуковъ въ весьма мягкомъ ч и въ таковыхъ же ж и ш). Изъ диалектическихъ указаній Шахматова особенно любопытно указаніе на олонецкое (въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣненкаго и Пудожскаго уѣзда) и Ярославское (въ Петропоситской волости Моложскаго уѣзда) произношеніе ѣ передъ всѣми согласными какъ узкое е, такъ что сущ. рѣра содержитъ такое же е, какъ глаголъ вѣрять (въкоторое указаніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано уже въ книгѣ о Новгородскихъ грамотахъ); любопытно также существованіе въ олонецкомъ говорѣ, въ южной и средней части Петрозаводскаго уѣзда, подъ удареніемъ, звука о, слогоннаго къ у (франц. о въ beau, вѣм. о въ roth)—въ словахъ: коша, народъ, сотскій и др. (Стран. 165 и 296).

Недостаткомъ разсужденія Шахматова, съ моея точки зрѣнія, является нѣкоторая страсть къ предположенію новыхъ звуковыхъ переходовъ: держусь того изгяда, что, такъ какъ человѣческая рѣчь является всегдашнимъ подражаніемъ рѣчи другихъ и хранящимъ въ собственной памяти образцамъ, то слогъ чаще всего измѣняется путемъ подражанія, путемъ примѣненія къ другимъ словамъ. Авторъ же ипшь иногда даже на единичныхъ случаяхъ основываетъ звуковыя законы: такъ онъ въ русскомъ имперфектѣ *хотѣаю*, который легко объясняется примѣненіемъ къ *ирахоу*, *любаяхоу* и т. д., видитъ доказательство тому, что ѣ передъ а самъ переходилъ въ а: хотѣахоу дадо-де хотѣахоу, а затѣмъ хотѣахоу (стр. 13); встрѣчающійся у окаячиковъ род. пад. прилагательныхъ на ова (доброва, простова, и т. п.), гдѣ естественно видѣть примѣненіе къ существительнымъ, побуждаетъ Шахматова говорить о *переходѣ* конечнаго безударнаго о въ а *)). Безъ подражательныхъ измѣненій („аналогія“), конечно, дѣло не обходится и у нашего автора, притомъ иногда подражаніе допускается имъ безъ всякой надобности, или бываетъ мало вѣроятнымъ: южнорусское чатыри вмѣсто четыре объясняется примѣненіемъ къ три (стр. 274), тогда какъ его можно считать древнею формою женскаго и средняго рода; въ словахъ моленный, обыкновенный, степенный и т. п., сказалось-де вліяніе словъ моленье, обыкновенье, степень (стр. 187), тогда какъ древнее окончаніе *нѣныи*, конечно, дадо первоначально *нѣний* съ первымъ и мягкимъ, который и могъ помѣшать переходу е въ о (ѣ), отчасти здѣсь могло быть и книжное вліяніе; конечное е въ малорусск. городице, лицѣ, тучѣ! молодѣце!—объясняется у Шахматова заимствованіемъ у словъ, какъ море, заузѣ! (стр. 60), тогда какъ проще думать, что въ нихъ-дѣ вообще не происходило расширенія. (Въ добавокъ формы

*) Спущающія Шахматова формы ево, тово, ково позволительно оправдывать тѣмъ, что ударяемый слогъ могъ быть устойчивѣе безударнаго.

городищо, лицѣ, тѣло, если бы возникли, нашли бы себѣ опору въ словахъ твердаго окончанія). Въ одномъ мѣстѣ авторомъ допускается даже совсѣмъ странная „звуковая“ аналогія: праславскій выговоръ егѣаокъ, запрети, ставится въ зависимость отъ близости звуковъ о открытаго и а, причѣмъ чередованіе, въ которое вступитъ звукъ о, напр., сѣло и въ сѣлѣ, мѣтлѣ и метлѣ—естественно перенеслось на звукъ а* (стр. 305—306).

Во вѣншемъ отношеніи разсужденіе Шахматова страдаетъ неважными недостатками: оно изложено чрезвычайно тяжело. Уже самый порядокъ изложенія неудачный: было бы гораздо удобнѣе начинать съ извѣстной живой рѣчи, потомъ указывать соотвѣстствіе имъ въ старинномъ правописаніи и наконецъ уже построить выговоръ ирарусскій и праславянский; авторъ же избралъ обратный порядокъ. Впрочемъ и при такомъ порядкѣ можно бы было значительно облегчить чтеніе этой книги, вначавши ее съ систематическаго, хотя бы и святаго изложенія лѣтшихъ въ ея основаніи взглядовъ на праславянской воцѣлзмъ проф. Фил. Фед. Фортунтова. Взгляды эти, которыхъ авторъ видимо не желалъ превосходить въ печати, все равно у него излагаются, но только отрывочно и неполно. Казалось бы также желательнымъ, чтобы авторъ при своихъ объясненіяхъ исходилъ отъ извѣстныхъ читателю объясненій своихъ предшественниковъ, каковыя объясненія онъ, конечно, могъ бы подвергать самой строгой критикѣ,—условенное авторамъ полное воздержаніе отъ полемики можетъ быть истолковано не только въ смыслѣ миролюбія, но и въ смыслѣ пренебреженія. Тяжелость Шахматовскаго изложенія отчасти происходитъ отъ нѣкоторыхъ невольностей въ терминологіи: у него являются, напр., говоры А, В и С, говоры α и β, коимъ онъ не умѣетъ, или не рѣшается дать названій *); еще онъ нѣредко усложняетъ дѣло оговорками, которыя сдѣлало сдѣлать разъ навсегда во введеніи: такъ постоянно говорится объ е узкомъ глухомъ („е закрытое“—пишется ѳ), какъ объ особомъ звукѣ, отличномъ отъ настоящаго узкаго е (e'), а стоило оговориться въ началѣ книги, что въ извѣстныхъ слоггахъ е узкое (какъ и е широкое, какъ и о, а также и а) становится глухимъ, невольственнымъ звукомъ, и можно бы было обойтись однимъ знакомъ и однимъ названіемъ. Вообще чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь заявляющимъ грамматистамъ.

Романъ Брандъ.

В. Ф. Демичъ. Очерки русской народной медицины. СПб. 1894. Ц. 60 в. О предыдущихъ работахъ автора по настоящему же вопросу мы говорили на страницахъ „Этногр. Обзоръ“. Настоящій трудъ, представляющій собою законченное цѣлое, служить вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіемъ „Очерковъ русской народной медицины“, каковыя: а) „Аушерство у народа“,

* Говоръ А могъ бы быть названъ узкоятевымъ (ѳ въ немъ всегда звучитъ, какъ е въ словѣ день), В—двоюятевымъ (ѳ звучитъ то узко, напр., мѣрить, то широко—мѣра), С—троюятевымъ (ѳ дасть е широкое, е узкое и еще и, напр. бѣда); говоры α можно бы назвать евазскими (говорить сѣло), говоры β—ѳвазскими (говорить сѣло).

в) „Гинекологія у русскаго народа“, с) „Педиатрія у русскаго народа“. Въ вышеуказанномъ трудѣ содержится описаніе лихорадочныхъ заболѣваній и ихъ лѣченіе у русскаго народа. Вопросъ этотъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только со стороны врачей, но и этнографовъ. Д-ръ Дамичъ огнесся съ полнымъ вниманіемъ къ разсматриваемому имъ вопросу и представилъ массу интересныхъ свѣдѣній для каждаго интересующагося настоящимъ вопросомъ. Онъ съ возможною полнотою собралъ и сгруппировалъ относящіяся сюда литературныя матеріалы, отмѣтилъ резонныя стороны народнаго самолѣченія отъ преобладающей массы безтолковыхъ, грубыхъ, суевѣрныхъ способовъ лѣченія, съ указаніемъ на вредъ, приносимый этими послѣдними народу.

Кажется, ни при какой другой болѣзни нѣтъ столько средствъ у народа, сколько предлагается при лихорадкѣ, изъ коихъ одни поражаютъ своею оригинальностью, другія же отячются безсмысліемъ. Кромѣ лѣченія всевозможными амулетами, привѣсками, отчитываніями и заклинаніями, авторъ говоритъ о врачеваніи лихорадокъ страхомъ, водою и разными механическими приемами „до площадной ругани и сѣченія розгами включительно“. Кромѣ того, въ названномъ трудѣ мы встрѣчаемъ указанія относительно гигиеническихъ правилъ, ухода и дѣтеники при заболѣваніи лихорадкою.

Въ первой главѣ говорится о тѣхъ названіяхъ лихорадки, которыя даны ей въ различныхъ мѣстностяхъ; во второй—народныя представленія о причинѣ и происхожденіи лихорадки (чаще всего представляютъ ее въ образѣ женщины); въ третьей—гигіена, дѣтеника и уходъ за лихорадочными больными у народа. Переходя къ лѣченію лихорадки, авторъ раздѣляетъ эти средства на три группы: на суевѣрныя и симпатическія пособія отъ лихорадки (4-я глава), техническіе способы: лѣченіе лихорадки страхомъ и водою (5-я глава) и на эмпирическія средства: минеральныя, растительныя и другія (6-я глава). Перечислить всѣ указанныя способы лѣченія въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности, но должно замѣтить, что нѣкоторые эмпирическія народныя противолихорадочныя средства испробованы и одобрены врачами (лавровыя листья, подошвенникъ, квасцы, *adonis vernalis* и др.).

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что всякій, интересующійся народною медициною, найдетъ въ названной работѣ автора немало интереснаго. Желательно было-бы, чтобы на будущее время при собираніи этнографическихъ свѣдѣній обращалось вниманіе и на этотъ вопросъ.

Д. Никольскій.

Д-ръ Н. Н. Б о б р и ц к і й: Матеріалы къ вопросу о физическомъ развитіи современнаго студенчества. 1893 г. ц. 50 к.

Для рѣшенія вопроса о физическомъ развитіи учителя въ университетѣ, авторомъ были произведены надъ 518 студентами VII семестра медицинскаго факультета въ Харьковѣ различныя измѣренія: ростъ, объемъ груди, измѣреніе головы, лицевой уголъ, длина полного размаха рукъ, мышечная сила, жизненная емкость легкихъ, вѣсъ, температура, пульсъ, ды-

лания и остроты зрѣнія. Какъ видно, данныя очень полезны, и на основаніи ихъ получались очень интересные выводы, съ которыми мы и познакомили читателей. Краткая библиографія замѣтокъ не позволяетъ остановиться на деталяхъ названной работы. Небольшое число студентовъ-медиковъ VII семестра придется на возрастъ 23—25 лѣтъ; евреи представляютъ собою наибольшій элементъ среди студентовъ; по сословіямъ наибольшее число — мѣщане и дворяне. Средній ростъ равенъ 168,85 стм., средній вѣсъ равенъ 62,92 килограммъ. Периметръ груди въ среднемъ равенъ 86,6 стм. Величина большаго размаха рукъ даетъ среднюю величину, равную 170,99 стм. Большинство студентовъ брахцефалы, лицевой уголъ Кахнера заключается между 66 и 76°. Средняя величина жизненной емкости легкихъ равна 3825 куб. см. Бронхитозность является весьма распространеннымъ заболѣваніемъ среди студентовъ: она наблюдается почти въ половинѣ вслѣдовавшихъ студентовъ (49,3%) Эмметропія же и гиперметропія составляютъ въ одинаковой степени, по 23—25% и лишь только 1,4% приходится на астigmatизмъ.

Затѣмъ изъ анимистическихъ данныхъ получались небезынтересныя слѣдующія свѣдѣнія: большинство студентовъ — 66,4% курить и 58,3% употребляютъ спиртные напитки. Куреніе болѣе всего распространено среди малороссовъ, казаховъ и грековъ; спиртные же напитки, главнымъ образомъ, употребляютъ грузинами, армянами и казаками и затѣмъ, уже въ меньшемъ количествѣ — русскими и евреями. По сословіямъ куреніе табаку начаше наблюдается среди купцовъ. По вопросу о занятіяхъ искусствами, которыя болѣе распространены между студентами, найдено, что чтеніе у нихъ является болѣе распространеннымъ занятіемъ, довольно часто наблюдаются гимнастика, рѣже встрѣчается пѣніе и охота и, наконецъ, музыка изучается лишь только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ.

Вообще работа д-ра Бобрцкаго интересна во многихъ отношеніяхъ, и желательно было бы, чтобы въ другихъ университетахъ были произведены подобныя же наблюденія.

Д. Никольскій.

Д-ръ И. И. Минкевичъ. Камни, какъ медицинское средство и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ. «Прог. засѣданій Императ. Кавказк. Мед. Общ.». 1893 г. № 13 (1-го декб). Отд. отд.

Многія простонародныя медицинскія средства имѣютъ свой смыслъ и значеніе; но въ то-же время еще большая часть не имѣетъ никакого значенія и вся сила этихъ средствъ держится среди народа на незнаніи и суевѣрїи. Къ числу послѣднихъ относится и камни, культъ которыхъ развитъ особенно среди народовъ Средиземнаго моря: у арабовъ, финикійцевъ, египтянъ сврїйцевъ, ханаанцевъ, евреевъ. Авторъ въ вышеуказанной работѣ, обстоятельной и интересной съ медико-этнографической стороны, даетъ очеркъ того, какъ относится населеніе Кавказа къ камнямъ, какъ лечебнымъ средствамъ. Предисловіе историческія свѣдѣнія по этому поводу и высказавъ, что едва-ли найдется какой-либо народъ, у котораго не найдено было-бы въ различныхъ періодахъ его развитія, доказательства существованія культа камня, подъ какою бы то ни было

форжю, авторъ описываетъ самыя камни, ихъ составъ, форму и т. п., которые онъ находилъ у жителей Кавказа. Въ коллекціяхъ подобныхъ камней, находились известняки, мочевые камни человека, распиленные пополамъ (камни эти варить и даютъ пить страдающимъ каменной болезнью или труднымъ мочеиспусканіемъ), различныя окаменѣлости, головка змѣи, кусочки стекла, какая-то смола, янтари, наизащипы на шауркѣ, различныя печати съ вырѣзанными изображеніями и т. п. Метеориты, находящіеся камни, фульгуриты и др. камни, благодаря своему черному цвѣту, своей формѣ, сдѣлались даже священными, предметомъ обожанія, — они оказываютъ вліяніе на судьбу не только отдѣльныхъ личностей, но и на судьбу народовъ. Но между ними особенно цѣнились и цѣнятся тѣ, которые облегчаютъ страданія человека. Авторъ приводитъ примѣры, при какихъ страданіяхъ та или другая народность прибѣгаетъ эти камни. Нужно замѣтить, что чаще всего къ целебной помощи прибѣгаютъ женщины; такъ бездѣтными женщины, отираваясь на богомолье, гдѣ находятся такіе камни, ложатся на нихъ голымъ животомъ. Есть камни, которыми лѣчатъ отъ укушенія змѣи, лихорадку, тифъ, воспаленіе соединительной оболочки глазъ, особенно трахому, лѣчатъ желкимъ порошкомъ изъ жемчуга, красныхъ коралловъ и т. п.

Затронутый авторомъ вопросъ, интереснѣйшій самъ по себѣ, желательно было бы болѣе подробно выяснять, для чего необходима подобныя наблюденія и свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ. *Д. Н-кій.*

Д-ръ Ростовцевъ. Замѣтки о врачебной помощи инородческому населенію въ Россіи. «Еженедѣльникъ» 1894, № 32.

Вопросъ о врачебной помощи инородцамъ и объ отношеніи ихъ къ врачамъ и т. п. у насъ какъ въ общей, такъ и специальной печати затронутъ очень мало. А между тѣмъ дѣло это должно обращать на себя вниманіе. Врачи, живущіе среди инородцевъ, могли бы дать по этому вопросу интересныя свѣдѣнія. Авторъ вышеуказанной замѣтки даетъ краткія свѣдѣнія о башкирскомъ населеніи Уфимской губ., гдѣ ему пришлось въ 92 и 93 г. дѣйствовать въ качествѣ эпидемическаго и земскаго врача, затѣмъ посвящаетъ нѣсколько строкъ организаціи медицинской помощи башкирскому населенію до учрежденія земства и потомъ уже даетъ краткія свѣдѣнія о заботливости башкиръ Салаховскаго участка, въ которомъ 30,900 душъ об. пола, изъ нихъ: башкиръ 20,954 или 67,8% — русскихъ — 9,941 или 32,2%. Для сравненія о числѣ обращеній за медицинской помощью русскихъ и башкиръ беретъ только два мѣсяца — май и июнь 93 г. Конечно, на основаніи этого нельзя дѣлать выводовъ — причеиъ оказывается, что въ маѣ башкиръ обращалось 39,3% изъ общаго числа обращеній, русскихъ — 60,8; въ июнѣ было — 33,6% и русскихъ 66,5%. Вообще башкиры обращались въ 3—4 раза рѣже русскихъ. Причину этому явленію авторъ видитъ въ томъ, что медицинская помощь приспособлена только для русскаго населенія, для инородческихъ же она является какъ бы чужою: ни въ больницѣ, ни въ амбулаторіи башкиръ, вотьакъ и т. д. не сумѣютъ объяснить своихъ жалобъ; врачебный персоналъ не

суметь их выяснить, ни дать должного наставления. Въ виду этого, по словамъ автора, *русская медицина среди инородцевъ не можетъ пользоваться популярностью* — съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, какъ на основаніи личныхъ опытовъ, такъ и на основаніи наблюденій другихъ врачей, *долно живущихъ среди инородческаго населенія*. — А что нужно дѣлать для правильной организаціи медицинской помощи населенію — авторъ отвѣта не даетъ и говоритъ только, что инородческое населеніе не будетъ пользоваться русскою медициною до тѣхъ поръ, пока не обрусѣетъ. А что же было до этого времени? Вотъ вопросъ, на который нужно обратить вниманіе.

Д. Никольскій.

В. Н. Сторожевъ. Тверское дворянство XVII в. Вып. 1—3. (Тверь 1891—1894. изд. Тверск. Уч. Архивной ком.). Е го же: Воронежское дворянство по десятиямъ XVII в. Вып. I. (изд. Ворон. Г. Стат. Ком. 1894). Указанныя работы г. Сторожева составляютъ, такъ сказать, отдѣльныя звенья въ цѣпи предпринятаго имъ изданія десятией. Какъ восточникъ изученіи исторіи русскаго дворянства, десятии имѣютъ большое значеніе; въ частности, такъ какъ за именемъ служилого лица отмѣчается или составъ вооруженія, въ которомъ онъ долженъ явиться на службу, или количество его оклада помѣстного или денежнаго, то десятии даютъ возможность познакомиться и съ экономическимъ состояніемъ служилого класса древней Руси; этой послѣдней стороною онѣ могутъ быть полезны и для русской исторической этнографіи. Другое значеніе десятией для этнографіи заключается въ томъ, что пользованіе ими даетъ возможность пополнить списокъ русскихъ некалендарныхъ именъ, равно какъ и прослѣдить постепенное вымираніе въ теченіи XVII в. обычая давать лицамъ, кромѣ христіанскаго имени, еще другого, некалендарнаго *). Если вообще источниками для знакомства съ вопросомъ о распространенности по времени и мѣсту указанного обычая могутъ служить и другіе документы, то десятии имѣютъ то преимущество, что онѣ, касаясь исключительно служилого сословія, даютъ возможность прослѣдить этотъ обычай у высшихъ слоевъ тогдашняго общества; дажѣ, такъ какъ каждая десятія обнимаетъ служилыхъ людей извѣстной мѣстности, то облегчается трудъ по точному опредѣленію района, гдѣ то или другое имя встрѣчается, что не всегда бываетъ возможно прослѣдить на основаніи другихъ видовъ списковъ служилыхъ людей.

Обычай давать некалендарныя имена и употреблять ихъ въ обществѣ имѣло христіанскихъ постепенно выходить изъ употребленія въ теченіи XVII в. Исчезновеніе этого обычая идетъ отъ высшихъ слоевъ къ низшимъ: такъ, напр., въ многочисленныхъ спискахъ служилыхъ людей, просмотрѣнныхъ нами въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, имъ за XVII в. не встрѣтили ни одного некалендарнаго имени среди предъковъ русскихъ княжескихъ фамилій, въ то время, какъ подобныя имена еще сравнительно часто встрѣчаются среди другихъ представителей служилого сословія.

*) См. объ этомъ замѣтки въ предыдущихъ кн. „Этн. Обзор.“

Такъ, напр., въ одномъ изъ подобныхъ списковъ 1625 г., при 1160 именахъ, некалендарныя составляютъ $7\frac{1}{2}\%$; въ другомъ списокѣ (Арзамасск. у.) 1625 г., при 400 именахъ некалендарныя составляютъ $10,1\%$; въ списокѣ 1640 г., при 1750 именахъ служивыхъ лицъ Веневскаго у., некалендарныя составляютъ около $4\frac{1}{2}\%$. На вымираніе обычая давать некалендарныя имена указываетъ и сравненіе $\%$ отчества съ $\%$ личныхъ именъ: такъ напр., въ 1-мъ изъ указанныхъ нами списковъ $\%$ некалендарныхъ отчество равняется 13% ; во 2-мъ — $20\frac{3}{4}\%$; въ 3-мъ — около 10% , т. е. изъ известной группы служивыхъ людей въ старшемъ поколѣніи число лицъ съ некалендарными именами было вдвое больше, чѣмъ въ младшемъ. Уничтоженіе этого обычая едва-ли шло съ одинаковою интенсивностью въ разныхъ мѣстностяхъ, вследствие чего изученіе некалендарныхъ именъ по годамъ и мѣстностямъ на основаніи между прочимъ и десятиствъ, дастъ возможность освѣтить исторію указанного вопроса, причемъ нельзя не признать, что опубликованіе имѣющихъ въ виду оному отношеніе документовъ, предпринимаемое систематически, какъ это сдѣлано В. Н. Сторожевымъ относительно десятиствъ, въ значительной степени облегчитъ работу изслѣдователя.

Н. Х.

П. Еруслановъ. Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ. Его-же: Жертвоприношенія черемисъ Бирскаго у. (Уфимской губ.) по случаю неурожая. (*Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., вып. 4. 18 стр. 8^о. Оренб. 1894.*) Въ то время, какъ о горныхъ и луговыхъ черемисахъ имѣется довольно обширная этнографическая литература, черемисы восточныя, живущіе въ Уфимской и Пермской губ., почти совершенно не были предметомъ изученія. (Срв. „З. О. XXII, 34“). Между тѣмъ уже тотъ фактъ, что современные восточныя черемисы состоятъ изъ потомковъ той части черемисской народности, которая удалилась на востокъ подъ напоромъ русской колонизаціи, не желая подчиниться новымъ завоевателямъ, что она, сравнительно съ горными и луговыми, поздно пришла въ столкновеніе съ русскимъ элементомъ и до настоящаго времени мало подверглась его вліянію, заставляетъ предполагать, что именно въ нихъ средѣ должны были сохраниться въ болѣе высокой степени слѣды старины въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и пр. Статьи г. Ерусланова какъ нельзя лучше доказываютъ это: несмотря на ихъ небольшой объемъ, онѣ свидѣтельствуютъ, какой обширный матеріалъ можетъ найти изслѣдователь быта среди этой вѣтви черемисовъ. Сообщаемыя авторомъ интересныя свѣдѣнія о переселеніи черемисовъ, способахъ ихъ расселенія, современныхъ юридическихъ обычаяхъ и жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ живо отражаются слѣды родового быта и культа предковъ, заставляютъ надѣяться, что дальнѣйшія изысканія въ этихъ областяхъ быта среди восточныхъ черемисовъ будутъ вознаграждены добычей цѣнныхъ научныхъ результатовъ. Насколько намъ известно, г. Еруслановъ продолжаетъ свои изслѣдованія: намъ остается въ интересахъ науки этнографіи пожелать ему полагать успѣха въ дальнѣйшей работѣ.

Н. Х.

Живая Старина. Периодическое издание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества, под ред. В. И. Ламанского. Годъ 4. Выпускъ I. Спб. 1894.

Въ первомъ отдѣлѣ этого выпуска находимъ статьи: В. Н. Перетца «Деревня Будагоща и ея преданія»; Н. О. Лискова «Отчетъ о поѣздѣ къ Олонцкимъ Боромъ лѣтомъ 1893 года», и Филиппа Зобнина «Изъ года въ годъ» (Описание круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа). Въ статьѣ г. Перетца собрано нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно позарѣйной крестьянъ Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губернии, на лѣсного, водного (омутника), бѣлаго и рѣчного хозяйства. Банный является существомъ большею частью добродушнымъ, рожной—трусливымъ и завистливымъ. Отсылка читателей для сравненія приводимыхъ данныхъ къ напечатаннымъ уже матеріаламъ, напр. къ Новгородскому Сборнику, авторъ, къ сожалѣнію, не отицается, въ какомъ отношеніи новыя и оригинальныя записанные имъ варианты. Такое сопоставленіе было бы чрезвычайно важно для характеристики міровозрѣнія крестьянъ изслѣдованной мѣстности и, сверхъ того, подвинуло бы впередъ разработку нашей демонологіи. Не лишены значенія, какъ этнографическій матеріалъ, и рассказы о жертвенцахъ, распадающіеся на двѣ группы: одна о жертвенцахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Животренивающимъ интересомъ притягнута статья г. Лискова. Авторъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ рисуетъ мрачную картину глубокаго нещестія и крайней безпомощности Олонцкихъ корельковъ. Она изложена и извѣдана, главнымъ образомъ, Петроавдской и Олонцкой уѣзды. Пути сообщенія самыя невозможныя; почтовая дорога такова, что каждую минуту рискуешь свалиться въ котловину выѣтой съ экипажемъ.

Въ городѣ Олонцѣ, за исключеніемъ безветрнаго дня, остальные шесть дней царитъ мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ «властей», которые, хотѣли сказать, и сами говорятъ по-корельски. «Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что нелегко приходиться въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане мирно почивали». Не говорится ни слова ни о такъ называемой, общественной жизни, ни объ умственныхъ интересахъ города: всего этого нѣтъ, очевидно. Если такую жизнь живуть въ уѣздномъ центрѣ, то можно себѣ представить глушь и мертвенность, парашу за ея предѣлами. Свои слова авторъ иллюстрируетъ, на этотъ разъ, описаніемъ тѣхъ приемовъ воспитанія дѣтей, которые практикуются тамъ донны. Дѣти уже съ 3, 4 лѣтъ предоставляются самимъ себѣ; лѣтъ ребенку дадутъ, кое-какъ одѣнутъ, а тамъ—никакихъ мамонъ и нянькъ, его оставляютъ даже одного, уходя въ лѣсъ на работу. И корельское дитя «пролезитъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонетъ въ рѣчкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и загибаетъ нерѣдко цѣлыя селенія». При родахъ иногда употребляется, между прочимъ, слѣдующій варварскій способъ: родильницу прибиваютъ къ продольнымъ и поперечнымъ перекладинамъ отъ одной стѣны къ другой, съ силой нажимаютъ животъ и такимъ путемъ выдавливаютъ ребенка, почему-либо запоздавшего появиться

на свѣтъ въ извѣстное время. Крещеніе совершается безъ всякой торжественности, даже отецъ и мать не присутствуютъ на обрядѣ по извѣстнымъ примѣтамъ; на шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ съ множествомъ различныхъ амулетовъ: ртуть въ трипочкѣ, цвѣтъ ржи, медвѣжьей коготь, кусочекъ кожи съ вырѣзанной звѣздой — отъ дѣйствій «раха», нечистаго, и др. Всевозможными примѣтами и суевѣрными обставлена вся жизнь ребенка вообще. Кормятъ дѣтей всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками, коровинымъ молокомъ, ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ. «И болѣзетъ корельское дитя чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Но всѣ болѣзни, какъ глаза, отъ котораго дѣлать въ жаркой банѣ поворачиваніемъ внизъ головой надъ банной матицей, или «съ вѣтру», отъ котораго кладутъ ребенка въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ («пусти, молю, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь какъ рукой сниметъ»), ничто въ сравненіи съ оспой, производящей положительную паннику въ корельской деревнѣ. «Сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности парализуетъ медлительнаго отъ природы кореляка и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?.. Взять за ельднеромъ — далеко, да и поможетъ-ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка» — «Нюмаонъ рубя», которую и дѣлать даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства — или отнести больного въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же — испечь пироگوی и съ поклонами, ставъ на колѣни около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостя — оспа смилостивилась, кротко обшлась-бы съ больнымъ, не испортила-бы его глаза, рукъ и ногъ и не сдѣлала-бы на вѣкъ калѣкой»...

Съ большимъ интересомъ, по справедливому замѣчанію редактора, читается и статья г. Зобнина. Село Усть-Ницы лежитъ при устьѣ р. Ницы, при впаденіи ея въ Туру, и находится въ 73 верстахъ отъ Тюмена; заселено государственными крестьянами; основано около 1645 г. Жители занимаются земледѣліемъ и, «находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности». Форма изложенія художественная и вмѣстѣ простая, характеризующая складъ крестьянской рѣчи. Вотъ образецъ: «за христовской заутренней въ первый разъ говорить и поугъ, «Христоръ воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить винаго (якватаго) туза и вмѣсто «словастину воскресъ» сказать попу «винный тузъ есть» — тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящей невидимкой и все доставать, — словомъ, такъ-й тузъ вполне замѣняетъ собою цвѣтъ купорогника (шпоротника)». Статья заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) весенніе заботы и работы, 2) пахта и рыболовство, 3) Троицынъ день, 4) меженное время (іюньскія жары) и страда. Статья снабжена нѣсколькими рисунками. — За статьей г. Зобнина слѣдуютъ замѣтки преосвященнаго Палладія, доктора Бретшнейдера, архимандрита Рузарца и редактора по вопросу «Русь и Асы въ Битаѣ, на

Балканском полуостровѣ, въ Румыніи и въ Угорщинѣ» (въ XIII—XIV вв.).

Во второмъ отдѣлѣ интересны: 1) Новая «Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», 2) Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій, *А. Походина*. Въ отдѣлѣ третьемъ (критика и библиографія) находимъ: «Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ», *С. Балтрамайтиса*, и отзывъ *А. Походина* о «Русскихъ былинныхъ старой и новой записи».

Вообще этотъ выпускъ отличается содержательностью и разнообразіемъ свѣдѣній. Редакція понимаетъ свои задачи очень широко. Ея взглядъ выраженъ въ примѣчаніи по поводу статьи Н. Ф. Лѣскова. «Этнографія, этнологія, говорится тамъ, — не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно празднымъ собираніемъ и называніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдовъ матриархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ социологіи. Задача этнографіи и этнологіи состоитъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждого племени, каждой народности во всемъ или мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи народовѣдніе (этнографія и этнологія) имѣетъ великое значеніе и въ смыслѣ преслѣдательномъ, дристіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ».

Соглашаясь вполне съ высказанными въ послѣднихъ словахъ взглядомъ на народовѣдніе (этнографію и этнологію), мы однако позволяемъ себѣ поставить нѣсколько вопросовъ, несколько возбуждающихся въ читателѣ при чтеніи выписанныхъ строкъ. А именно: 1) Если этнографія — не фольклоръ, то фольклоръ, стало-быть, не этнографія, или вѣрѣе не часть ея, ибо кто же подъ словомъ фольклоръ понимаетъ этнографію въ ея цѣломъ? 2) Если онъ не долженъ довольствоваться часто совершенно празднымъ (а иногда, слѣдовательно, не-празднымъ) собираніемъ и даже называніемъ культурныхъ пережитковъ, то что же ему *еще* дѣлать, и что ему дѣлать вообще? 3) Если отыскиваніе всѣхъ явныхъ (естъ, стало быть, и такіе) и незримыхъ слѣдовъ матриархата и разнаго рода эволюціонныхъ и социологическихъ предположенія предосудительны въ области этнографіи, то не отрицается-ли этимъ возможность и желательность появленія гипотезъ на культурно-исторической подкладкѣ? Наконецъ, 5) если гипотезы и фольклористическій матеріалъ будутъ признаны бесполезными, то на основаніи чего и какимъ образомъ подходить къ изученію и опредѣленію «мѣста, характера и значенія каждой расы, каждого племени, каждой народности» — *въ прошломъ*? Про *настоящее* мы не говоримъ: можно догадываться, что авторъ видитъ наилучшее средство къ изученію *современнаго* положенія этнографическаго матеріала въ серьезныхъ бытовыхъ очеркахъ, основанныхъ на дѣйствительномъ изученіи народа во всѣхъ отношеніяхъ, очерковъ вродѣ указанныхъ выше. Нѣтъ, сомнѣнія, что появившійся журналъ съ опредѣленною въ этомъ направленіи программой и правильной организаціей, ему предстояла бы симпатичная и плодотворная, будущность — будить, наряду съ широкою этнографическою дѣятельностью далекую отъ какой бы то ни было партійности и повинизма здоровую

общественную мысль. Писателю не пришлось бы гоняться тогда за читателями, такъ какъ, несомѣнно, лучшія силы сгруппировались-бы вокругъ журнала, образовавъ въ то же время идейное направленіе въ этнографическую литературу. А пока—желательно бы получить разъясненіе по поводу возникшихъ принципиальныхъ вопросовъ, безъ котораго невозможно непонятно отчасти враждебное, отчасти высокоумиренное отношеніе редакция къ ни въ чемъ неповинному фольклору. Ужели же ему такъ-таки ни за что и пропадать?

Ев. Л-кій.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ ред. *Е. Д. Фелицына*, т. II, 1891; т. III подъ ред. *В. А. Щербина*, 1894. Екатеринодарь.

Во II томъ „Кубанскаго Сборника“ вошли статьи *П. П. Короленко*, — Атаманы бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска, *М. О. Поночевнаго* — Географическій очеркъ Боефорскаго царства, *Ф. А. Щербина* — Земельная община Кубанскихъ казаковъ, *Ф. Ф. Ланда* — Климатическія наблюденія въ г. Темрюкъ, *Ф. А. Щербина* — Хозяйственно-экономическій бытъ казачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ: Пшехи, Пшиша и Псевупса къ Закубанскомъ уѣздѣ Кубанской области, *Ф. А. Щербина* — Табаководство въ Темрюкскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ Кубанской области, *Е. Д. Фелицына* — Западно-Кавказскіе горы и погайцы въ XVII ст. по Нейсеюлю. Матеріалы для исторіи Западно-Кавказскихъ горцевъ. Въ первой статьѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія всѣхъ атамановъ Черноморскаго войска: Бѣлаго, Челѣги, Головатого, Котлярскаго, Бурсака, Матвѣева, Безкровнаго, Завадовскаго. Авторъ при этомъ пользовался прежними запасомъ матеріаловъ, собранныхъ имъ при составленіи историческихъ статей „Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани“. Г. Поночевный знакомитъ съ древнѣйшей исторіей Кубани, т. е. періода догреческаго, греческихъ колоній и Веспорскаго царства по классическимъ писателямъ. Г. Фелицынъ излагаетъ „Traité sur le commerce de la mer Noire“, изд. въ Парижѣ въ 1787 г.

Въ III т. напечатаны: Майкопскій подъѣздный путь, *Ф. А. Щербина*; Къ вопросу объ изученіи растительности Кубанской области и замѣтки о собираніи и сохраненіи растений, *Ф. И. Полторацкаго*; Матеріалы для исторіи Сѣвернаго Кавказа, *Е. Д. Фелицына*; Краткія историческія свѣдѣнія о Кавказскомъ конномъ полкѣ Кубанскаго казачьяго войска, *Н. Т. Мошленица*; Переселеніе на Кубань казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войска и образованіе изъ нихъ Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска, *Е. Д. Фелицына*; Программа для этнографическаго изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерой, *М. А. Дикарева*, и Бійскій отдѣлъ *В. А. Щербина*.

А. Хах-въ.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. сельскаго хозяйства. Ярославль. 1894. 8°, V + VIII + 424 стр., съ 3 фототип. Ц. 1 р. 50 к.

Ярославское Общество сельск.-хоз. очень кстати отпраздновало свой 50-лѣтній юбилей въ 1893 г. устройствомъ выставки, которая дала полное и наглядное представленіе о состояніи народнаго хозяйства и промышленности въ Яросл. губ. Оставляя въ сторонѣ промышленность фабричную и заводскую, этнографъ могъ заинтересоваться на этой выставкѣ, во-первыхъ отдѣлами сельско-хозяйственными, а во-вторыхъ отдѣломъ мѣстной кустарной промышленности. Отчеты объ этой выставкѣ помѣщались въ свое время въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Земледѣльческой Газетѣ и др. Въ срединѣ прошлаго года вышло означенное изданіе, которое даетъ не простой отчетъ по выставкѣ, а является сборникомъ литературно-экономическаго содержанія, недурно составленнымъ (если не считать стилистической стороны, отзывающейся устарѣлыми формами оффиціальныя бумаги), благодаря стараніямъ Л. А. Кириллова при участіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Составители, воспользовавшись всеми имѣвшимися въ ихъ распоряженіи свѣдѣніями объ отдѣльныхъ экспонатахъ и экспонентахъ, о постановкѣ ихъ хозяйства, промышленныхъ заведеній и пр., постарались кромѣ того дать новѣйшія общія свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ, ремеселъ и прочей промышленности губерніи. Эти общія статьи обыкновенно предпосылаются описаніямъ соответственнаго отдѣла, при чемъ сообщаются новѣйшія статистическія данныя. Ярославская губернія давно извѣстна своею промышленностью, и эта извѣстность въ ярославцахъ изъ разнаго рода промыслами не только не оскудѣваетъ, но напротивъ растетъ, и теперь окрывается, что „число ярославскихъ промышленниковъ умножилось сверхъ потребности“. Но, „посвящая себя промысламъ, крестьяне ярославскіе не совершенно покидаютъ сельское хозяйство, хотя оно мало приноситъ имъ денежной прибыли, даетъ скудные урожаи хлѣбные и не всякій годъ снабжаетъ хлѣбомъ въ достаточномъ для продовольствія семействъ ихъ количествѣ“. Напротивъ, „уменьшеніе выгоды отъ промысловъ привудило здѣшнихъ промышленнымъ крестьянъ пробовать обратиться къ косушѣ, примѣровъ тому много“. „Но, — говоритъ далѣе составитель, — скудность дохода, получаемаго отъ трехпольнаго хозяйства на нашихъ топкихъ земляхъ, при недостаткѣ въ лугахъ; невозможность переходить отъ 3-польнаго къ другимъ, болѣе выгоднымъ, сѣвооборотамъ, коихъ и образцовъ предъ собою мало имѣютъ; недостатокъ въ земледѣльческомъ образованіи; наконецъ, самая тягость земледѣльч. трудовъ, отъ коихъ отымаютъ, — все это отнимаетъ у нихъ охоту обратиться отъ мало приносящихъ прибыли промысловъ къ земледѣлію, еще менѣе прибыльному теперь, и вѣсть съ тѣмъ приводитъ многихъ крестьянъ ярославскихъ въ затруднительное и недостаточное состояніе, которое, если не ошибаюсь, долженствуетъ для нихъ съ каждымъ годомъ увеличиваться“. Средства помочь этому указываются, съ одной стороны — улучшеніе сельскаго хозяйства, съ другой — улучшеніе и усиленіе домашнихъ промысловъ и ремеселъ, что, казалось бы тѣмъ легче достижимо, что ярославскіе крестьяне, по замѣчанію составителя, болѣе другихъ образованы и менѣе другихъ имѣютъ недубьженій притивъ нововведеній (стр. 31—32). Въ книгѣ помѣщены также: 1) указа-

тель литературы по хозяйству Ярославской губ., 2) указатель новѣйшей русской научной сельско-хозяйственной литературы. Все это дѣлаетъ названный сборникъ общенѣтереснымъ. Въ качествѣ отдѣльной подробности упомянемъ еще на свѣдѣнія о русскомъ отдѣлѣ на Чикагской выставкѣ (изъ америк. газеты „The mercantile and financial Times“). Успѣхъ русскихъ женскихъ рукодѣлій (въ томъ числѣ коллекція г-жи Шабельской изъ Москвы), за которыя присуждено 98 медалей и дипломовъ, подавъ мысль объ образованіи въ Нью-Йоркѣ постояннаго музея и склада русскихъ рукодѣлій, который и былъ открытъ княжною Шаховскою и состоитъ въ завѣдываніи г-жи Погосской (New-York City, 130, East, Twenty-third street). Со стороны американской публики расширяется спросъ на русскія кустарныя работы, и она начинаетъ пользоваться ими для украшенія своей домашней обстановки (стр. 256). Н. Я.

2. Обзоръ журналовъ и газетъ.

Anthropologie. 1894 г. № 1. *G. Capus*. Les migrations ethniques en Asie Centrale au point de vue géographique. Авторъ дѣлаетъ попытку объяснить изъ условій рельефа центральной Азіи, равно какъ и изъ условій почвенныхъ, распредѣленіе различныхъ племенъ и выдѣляетъ вѣтвистыя, по его мнѣнію, пути, которыми въ древности должны были прійти въ центр. Азію арійскія и тюрко-монгольскія народности. № 2. *Delafosse*. Les Hamites de l'Afrique orientale, d'après les travaux les plus récents. Небольшая статья, объединяющая новѣйшія свѣдѣнія о народахъ Данакиль, Сомали и Галла. Въ концѣ статьи приведена библиографія важѣйшихъ сочиненій по восточной Африкѣ. № 3 *R. Collignon*: La race basque. Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ вкратцѣ выводы, добытые имъ путемъ антропометрическихъ наблюденій надъ басками Франціи и Испаніи. Типы басковъ въ обоихъ странахъ представляютъ рѣзкія отличія (во Франціи они, напр., брахцефалычны, въ Испаніи долихоцефалычны). Наиболее чистый типъ—во Франціи, гдѣ они не подвергались смѣшенію, какъ въ Испаніи. Баски поселились въ предѣлахъ Франціи, по мнѣнію автора, лишь въ концѣ VI-го в. по Р. Х., и пришла съ юга, откуда они были вытѣснены новыми завоевателями Испаніи. На сѣверѣ они не переходили современныхъ границъ ихъ распространенія. Коллиньонъ считаетъ басковъ вѣтвью берберскихъ племенъ: ихъ первоотчину можно искать на сѣверѣ Африки или въ юж. Европѣ, но отнюдь не въ Азіи. № 4. *A. Jully*: Funérailles, tombeaux et honneurs rendus aux morts à Madagascar. Подробное описаніе устройства гробницъ у разныхъ народностей на Мадагаскарѣ (приложены рисунки). № 5. *M. Delafosse*: Note sur une figure du Dahomé représentant une femme enceinte. Описаніе и рисунокъ найденнаго въ Дагомеѣ талисмана, употребительнаго для облегченія родовъ; общія замѣчанія о распространенности въ Дагомеѣ разныхъ талисмановъ, изготовляемыхъ магометанами. № 6. *Dr. Desson*: Rites funéraires en usage chez les Betsiléos. Подробныя свѣдѣнія о погребальныхъ обрядахъ и устройствахъ могилъ у этой народности Мадагаскара (рисунки). Служить дополненіемъ къ статьѣ г. Жюлли.

Baltische Monatsschrift. 1895. Н. 1. *Fr. Humius*: Ueber Hexenprocesse. — Н. 2. — Ein finnisches Volkslied auf die Eroberung Riga's (im Jahre 1621) mitg. von *Fried. v. Keussler*. —

Бестѣда (изд. въ Варшавѣ). 1894. 10. Около 50 пословаць — 19. Галицкая и Угорская Русь (съ рисунками тѣловъ).

Владимирскія Г. В. 1894. 25. *Н. Добрыкинъ*, Археологич. экскурсія въ Муром. у. (Осмотръ гр. П. С. Уваровой древнихъ храмовъ въ с. Борисоглѣбскомъ). — 26. *Н. Добрыкинъ*, Ископаемыя находки въ Муром. и Мезенковск. у. (Замѣтка и перечисленіе нѣкот. находокъ). — 27. Народн. праздникъ Ивана-Купала (Замѣтка изъ «Прав. В.»). — 29. Промыслы город. и сельск. населенія Владим. г. — 30, 31. *Свящ. П. Ильинскій*, Богословская церковь въ г. Переяславль-Залѣскомъ. (Матеріалъ для ист. и археологій Владим. г.). — 30. Ильинская пятница (въ народномъ почитаніи, изъ «Прав. В.»). — 34. *Свящ. П. Ильинскій*, Ильинская церковь въ г. Переяславль-Залѣскомъ (матер. для ист. и археол. Влад. г.). — 35. *Н. Добрыкинъ*, Село Дѣдово, Муром. у., (мат. для ист. и арх. Влад. г.). Метеорологія чувашъ (чувашскія примѣры собраны въ приложеніи къ сельско-хоз. обзору Казанск. губ., изд. мѣстными Губ. Стат. Ком.—омъ. — 36, 37, 38. Пятница въ народн. почитаніи (изъ «Прав. В.»). — 39. *Свящ. П. Ильинскій*, Давій камень на берегу Клящина озера у г. Переяславль-Залѣскаго (его ист. значеніе, какъ предмета поклоненія древнихъ язычниковъ — аборигеновъ Меранъ).

Вольскія Еп. Вѣд. 1894. — 13. Радоница. — 16. Прощи, или «подъивкованья». — 25. Социальное движеніе на Волыни въ XVI—XVII в. — Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (прод. въ № 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33). — 30. Описаніе памятниковъ древности, вновь поступившихъ въ Волынское древлехранялище (тоже въ № 31, 32, 33).

Вѣстникъ Европы 1894. Денабрь. *Черевковъ В.*, Изъ повѣйшей исторіи Японіи 1854—1894. (Оконч.). — *Птицынъ В.*, Памиръ. Русская община на границахъ Монголіи. — Рец. на кн. *Г. Н. Сазонова*: Ростовничество и кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. Сиб., 1894.

Вятскія Г. В. 1894. 77. — Прошлое племени башкиръ (Замѣтк. изъ Прав. Вѣстн. № 187 ст. «Древніе обитатели Уфимской губерніи»). — 85. *Св. Елабужскій*, Къ демонологіи некрещеныхъ вотяковъ Елабужскаго уѣзда. — 86. О вятскихъ кустарныхъ промыслахъ (выдѣлка гармоникъ, гипсовый промыселъ, ткачество, мебельное производство и др.).

Галичанинъ. 1894. 273. *Л. Малиновскій* нашель пергаментные отрывки церковно-славянскаго евангелія-апракосъ, писаннаго въ 1438 г. въ Перемышлѣ. Краковская Академія наукъ вскорѣ выпечатаетъ новооткрытые отрывки. 277. Замѣтка о новомъ изданіи грамотъ и актовъ Львовскаго Ставропигійскаго братства: Monumenta confraternitatis staurupigianaе, edid. *Melkowiec*. 1895. 4—10. Праздникъ Богооявленія въ Палестинѣ на Иорданѣ. 7. Замѣтка о выходѣ I кн. малорусскаго этнографическаго журнала: «Житѣ і Слово». 51. Рецензія на изслѣдованіе *Ив. Фран-*

ка: «Z dziejów synodu brzeskiego» (изъ «Кварталника Historycznego»).

Gazeta Radomska. 1895. 1. *Ksawery*. Krakowiaki (уѣсни) z okolic Klimontowa.—*Szczęśny Jastrzębowski*. «Ucieczka» Mickiewicza, «Lepota» Bürgera w ustach ludu powiatu Opatowskiego (по поводу статьи въ «Wisła» 1890 г., съ перепечаткой сказки).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1894. 93. «Играше»—описание рождественскихъ вечеринокъ въ Бѣлоруссiи (изъ «Минск. Листка»).

Иверія. 1895. 17. Мать (легенда). *Григ. Абашидзе*—33. Несколько словъ о «Русуданiи» (Сборн. груз. сказокъ XIII в.). *А. Хазаншвили*.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Геогр. Общ. XXV. № 2—3 (Иркутскъ. 1894). *А. Еленевъ*, Сообщеніе о Бирюсинскихъ пещерахъ за 1881 г. Исслѣдованіе, начатое г. Еленевымъ въ 1886 г. и повторенное въ 1888 г., пещеръ, лежащихъ при устьѣ р. Бирюсы (притоки Енисея съ лѣв. стороны) въ 50 вер. отъ Красноярска, приводитъ автора въ убѣжденію, что пещеры были обитаемы въ недавнее время. Слѣдовъ доисторическаго человѣка въ нихъ открыты не удалось.—*И. И. Поповъ*, Открытія на Ордонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей.—Свѣдѣнія объ экспедиціи *Д. А. Клемента* по Монголіи въ 1894 г. Путешественникъ осмотрѣлъ Хэнгай, часть Гобійскаго Алтая, и на обратномъ пути съ Алтая прошелъ черезъ ставку Саянъ-Войона и Эрдени-Цау и вышелъ на Улясутайско-Уршинскій большой трактъ. Кромѣ географическихъ результатовъ экспедиція отиѣтила нѣсколько интересныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ.—*Свяц. Іакобъ Чистохинъ*, Матеріалы по народ. творчеству монголовъ. Матеріалы записаны въ части Монголіи, прилегающей къ Иркутской губ. Напечатаны: 1) Сказка о сынѣ Мигра-Богдо-хана Ожигъ-Тунгулукъ-Ая-Тайжи и дочери богатаго Гомбо-Доноя; 2) Хвалобная пѣнь въ честь первой прибѣжавшей лошади на хурагъ (религ. ширшесть); 3) пѣсни Дешкинъ-Ноинъ-Хатухты Бадатаръ-Шаллы и 4) благожеланіе монголовъ при вышнѣтѣ тарасуна.

Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества за 1894 г. выл. I. *Г. И. Танфильевъ*, По тундрамъ тимаанскихъ самоѣдовъ (стр. 1—41). Географическій очеркъ, перекотевки самоѣдовъ, упадокъ оленеводства, пища, одежда, чума, обряды, понятіе о собственности, преступленіи, экономической бытъ.—«Вѣсти изъ экспедицій» *В. И. Роборовскаго* и *В. А. Обручева*.—Вып. *Н. А. Позднѣва*, Поѣздка по Монголіи въ 1892—93 гг. (Между пр., о численности монголовъ, торговлѣ русскихъ, эконом. состояніи). Вѣсти изъ экспед. *Роборовскаго*, *Гедина* и *Березовскаго*.—Въ отчетахъ о засѣданіяхъ Отд. Этнографіи слѣд. сообщенія: *Э. Вольтеръ*, О значеніи литовскаго яз. для русск. археологіи и палеоэтнологіи.—*А. Д. Походкинъ*, О племенѣ Корси.—*А. Селивановъ*, О поѣздкѣ въ Сванетію.—*С. Рыбаковъ*, О поѣздкѣ въ Уфимскую и Оренбургскую губ. (татары, башкары, тептары).—Вып. III. *Ө. М. Истоминъ* и *С. М. Ляпуновъ*, Отчетъ объ экспедиціяхъ для собиранія русск. нар. пѣсень съ напѣвами въ 1893 г.—Въ отчетахъ о засѣд. въ Отд. Этногр.: *Ө. М. Истоминъ*.

О соврем. положеніи пѣсеннаго дѣла въ сѣв. губ. Россіи (Вологодской, Вятской и Костромской).—С. Г. Рыбаковъ, О пѣснахъ уральскихъ инородцев.—В. Н. Перетигъ, Обь изученіи нар. лирической пѣсни.—В. И. Ламанскій, О русскихъ колонизаторахъ у турокъ въ XVI и XVII вв.—А. Ф. Селивановъ, О пѣздѣ въ Вальчикской округѣ Терекской области.—Вып. VI. Вѣсти объ экспедиціяхъ *Роборовскаго, Обручева и Гедина*.—Вып. V. А. В. Елистревъ, Махизмъ и современное положеніе дѣла въ Суданѣ.—Въ отчетѣхъ о засѣд. Этн. Отд.: М. А. Брежневскій, О полосѣ зажиточности въ Атаб.—А. В. Елистревъ, О доисторич. могилѣ Ливійской пустыни.—Кн. П. А. Путятинъ, О трудахъ Чиро Трухелки по археологіи Босніи.

Искра. Всѣмиѣсячно научно-литературно и общественно списаніе. (Год. V. Шуменъ). Томъ I: Кн. 5—6. *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка въ июль и августъ 1877 г. (прод.).—С—въ Е., Рахманъ Баланица. (Поэма изъ жизни албанцевъ и болгаръ въ Македоніи).—*Николчевъ Г.*, Къ исторіи болгарскаго царства на Волгѣ. (Извлеченіе изъ изслѣдованія В. Корневскаго: Инородцы средняго новолжья,—помѣщ. въ журн. «Новь», 1891 г.)—Ф—въ, II., Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (II глава: Историко-этнографическія и общественно-экономическія замѣтки) (неок.).—Томъ II: Кн. 7. *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.)—Ф—въ, II., Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): историч. и этнографич. замѣтки, жилища и постройки, одежда.—Народн. пѣсня: Пожаръ въ Кот(е)лъ, —записано отъ г. В. Р. коорый ее слышалъ отъ китаянки А. Х. П. въ с. Тичѣ. Въ ней описывается пожаръ, опустошившій г. Котель въ началѣ 1870-хъ годовъ. Пѣсня интересна со стороны фонетики и какъ примѣръ современнаго народнаго творчества.—Кн. 8. *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.).—Ф—въ, II., Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): говоръ (сходство съ разложскимъ членъ при собств. именахъ, исчезновеніе л въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, непронизношеніе звука х, глаг. З л. мн. ч. съ гласнымъ окончаніемъ: бера, идаа, караа и т. д., а н и въ исходѣ словъ произносятся «легко», въ «Бабяченцахъ» (около Яворуда) съ особенной акцентовкой произносятся диграфъ ie: тебе, міаеа, шегу, зель, рѣкѣ и т. д., а выговаривается вмѣстѣ съ ѣ впереди него: Мумѣата, воудѣата, дѣсьѣа, гурѣата и т. д.; говоръ бабяченцевъ по своей гибкости приближается къ русскому; слова произносятся отчетливо); пѣвни (болгарскія, съ болгарскими героями, встрѣчаются черты греко-латинскія; яворудцы знаютъ турецкій языкъ); характеръ и общественный бытъ (неок.).

Кавказъ, 1894. 318. Библи.: Die Sprachen des Kaukasischen Stammes von R. von Eckert. Wien.—1895. Н. 3.—322, 324. Въ области р. Чороха. (Путевыя замѣтки). *Завъжій*.—331. Библи. Записки и Извѣстія кавказ. отд. И. Р. Г. О. (кн. XVI и X № 1).—338. Кавказ. буйволъ. А. *Натроевъ*.—341. X конгрессъ ориенталистовъ въ Женевѣ. А. X—въ.

Мартъ 1894, 43. † П. С. Шахтактинскій. (Сотрудникъ «Васпін»,

«Карс», «Нов. Обзор.» и др. по части описанія быта кавк. мусульманъ).

Квали (оживительн. груз. журналъ). 1894, 51, 52. Замѣтки турнета по Рачъ.—1894, 1. Бага (истор. эскизъ).—5. Легенда о монастырѣ Лашкиндари.

Новенскія Губ. Вѣд. 1894. 79, (прибав.). Легенды относительно происхожденія табаку восточныя, безъ указанія источника). 84, (приб.). Свадебные обряды арабовъ (безъ указ. источн.).

Кубанскія Области. Вѣд. 79—84. Объ устройствѣ земскихъ повинностей въ Кубанской области (съ введеніемъ госуд. поземельн. налога). 88. О станацныхъ архивахъ. — 98. Историческія замѣтки по Кубан. области.

Листокъ (изд. въ Унгарѣ) 21. Очеркъ угро-русской письменности Иванъ Мондоль.

Минскій Листокъ. 1894.—17. Исторія маляницы. (Изъ «О. Л.»).—20. Народное образованіе въ Минской губ.—23. Замѣтка объ открытіи въ Витебскѣ культурно-историческаго и естественно-научнаго музея. — 25. О народныхъ чтеніяхъ въ Ковнѣ.—31. Замѣтка объ изданіи «Галицко-Русскаго Вѣстника». —36. Бывшее Пинское княжество. Историческая справка (изъ «Преп. Вѣст.»).—40, 41, 42. Попытка учрежденія скрейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Юго-Зпа. и Сѣв.-Зпазд. краяхъ.—51. С. Г., Нашъ край. Замѣтка о работѣхъ А. Субботина по изслѣдованію западно-двинской и дѣпронской системъ.—61. Корреспонд. изъ Борисовскаго у. о деревенскихъ адвокатахъ.—74. *Сѣверо-западный бардъ*, Сурыцы (сглазъ). Бытовой очеркъ.—76 А. *Бодановича*, Пережитыя въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ.—77. К. З., Пршшлое Вильны (по даннымъ XX т. актовъ виленской археограе. ком.).—80. М. *Дожнаръ-Запольскаго*. Союзшко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи.—81. Нашъ край. Замѣтка объ отношеніи населенія къ этнографамъ-записывателямъ.—84 М. Ш—о, Играше. Бытовой очеркъ.—85. Замѣтка о 35-ти лѣтнемъ юбилей П. В. Шейна.—86. Бѣлорусская библиографія за октябрь мѣсяцъ. Указаны: 1) отдѣльные изданія: Е. А. *Карскій*, О языкѣ, такъ называемыхъ, литовскихъ лѣтописей.—С. *Писаревъ*, Смоленскъ и его исторія.—Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. 2) газетныя статьи (кроме указанныя): «Витебскія Губ. Вѣд.». Очерки простонароднаго житія-бытѣ въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Н. Я. *Никифоровскаго* (Продолженіе). 78—85.—Кара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. Е. Р. *Радимича*. 78—81.—«Виленскій Вѣстникъ». Стыдно обижать, повѣсть изъ жизни крестьянъ бѣлоруссовъ. 213, 221 и 225.—Виленскій бывший старый зеленый мостъ, З. *Спроуса*. 212.—90. *Сѣверо-западный бардъ*. Тетка - лихорадка. Бытовой очеркъ.

Мірѣ Божій. 1894 г. Декабрь. Пименова Э., Изъ японской жизни.—*Добротворскій Петръ*, Въ глуши Башкиріи (разсказъ). — Изъ иностран. жизни и литературы: Аравіанская археологія (Слѣды семитическаго племени въ Машонеландѣ, притомъ завѣжаго изъ даскскихъ краевъ).

Mittheilungen d. Anthropologischen Gesellschaft in Wien XXIV. Bd. 1894.

№ 1. *Ferd. v. Andrian*, Ueber Wetterzauberei. Обширная статья, въ которой собранъ большой матеріалъ о заклинаніяхъ и дѣйствіяхъ, употребительныхъ у разныхъ народовъ для вызыванія дождя, хорошей погоды и пр. Авторъ рассматриваетъ относящіеся къ вопросу свѣдѣнія какъ у дикарей Австраліи, Меланезіи Полинезіи, Америки, Африки, такъ и у арійскихъ и семитическихъ народностей.—Въ отд. протоколовъ: *A. Peetz*, Kirchenpatrone und Volkskunde (о перенесеніи чертъ др. германскихъ боговъ на христіанскихъ святыхъ). *O. v. Novorka*, Ueber den bei einigen Völkern vorkommenden Nasenschmuck. Наиболее первобытная украшенія этого рода—въ Австраліи, болѣе сложныя на Н.-Гвинее и др. о-вахъ, населенныхъ папуасами, въ Индіи они чрезвычайно развиты въ Африкѣ, Америкѣ, причѣмъ въ послѣдней встрѣчается еще и деформация носа.—Некрологъ: *L. Шренкъ*.—№ 3. *Franz Boas*, Der Eskimo-Dialekt des Cumberland-Sundes. Словарь.—*F. R. Bänker*, Typen von Bauernhäusern aus der Gegend von Oedenburg in Ungarn (съ 14 рис.).—*O. Novorka*, Verstümmelungen des männlichen Gliedes bei einigen Völkern des Alterthums und der Jetztzeit (съ 12 рис.). Авторъ рассматриваетъ какъ самыя виды операціи, такъ и цѣли, которыя она преслѣдуетъ.—Въ отд. протоколовъ: *W. Hein*, Tänze und Volksschauspiele in Tirol und Salzburg. Объ употребленіи деревянныхъ масокъ въ назв. мѣстностяхъ при пляскахъ и нар. представленіяхъ.—№ 4. *M. Haberlandt*, Die Eingeborenen der Kapsulan-Ebene von Formosa (съ 37 рис.). Этнографическій очеркъ; антропометрическія свѣдѣнія; приведена бібліографія по этнографіи о. Формозы.—№ 5. *W. Hein*, Die geographische Verbreitung der Todtenbretter (съ 2 рис.). Распространеніе обычаевъ (Богемія, Баварія и пр.) ставить доску, на которой лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, въ опредѣленные мѣста (у дороги). Устройство украшенія досокъ; надписи на нихъ. Статья В. Гейна является продолженіемъ и дополненіемъ его-же работы: Die Todtenbretter im Böhmerwalde (въ Mit. d. Anthr. G. in Wien. Bd. XXI.). Къ обѣимъ статьямъ приложена бібліографія вопроса.—*A. Weisbach*, Die Oberösterreich. Данные о физическомъ типѣ.—*E. Zuckermandl*, Zur Craniologie der Nias-Insulaner (на основаніи 28 череповъ).

Моамбе (ежемѣсяч. груз. журналъ). 1894. 11 12. Народная поэзія и ея педагогическо-эстетическое значеніе. *М. К—дзе*.—Путешествіе по Кавказу, *Эм. Левье*.—1895. I, II. Народная поэзія. *М. К—дзе*, II. Грузинская музыка, *Г. Каряетем*. (Извлеч. изъ доклада, чит. въ Этногр. Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э.).

Мцхемси, 1895. 1, 2. О сотвореніи міра (въ стихахъ, съ рукописи И. Публ. Библиотека).

Новое Обозрѣніе. 3774. Грузинская журналистика въ 1894 г. *А. А.*—3784. *Гр Уварова*. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. Отчетъ *А Хах—ва*.—3790. Празднованіе Нового года у грузинъ. *В. Окропировъ*.

Олонецкія Г. В. 1894. 80, 81, 83, 85. *А Олонецкій*, Олоонецъ и Олоничане (историко-этнологическій очеркъ, въ которомъ разбирается происхожденіе словъ: Олоонецъ, Олоничане, въ связи съ исторіей края и появленіемъ въ данной мѣстности корель).—85, 87, 88. Изъ быта и изреченій корель (ихъ различенія, посидѣлки, хороводы, праздники).—86, 87, 88, 91, 92, 93, 95, 97, 98. *А Олонецкій*, Аборигены Олонія (продолженіе изысканій, начатыхъ въ предыдущемъ очеркѣ того-же автора). Придя къ заключенію, что финны не были исконными обитателями Олонія, авторъ пытается рѣшить вопросъ, кто были ими; приводитъ данныя для выясненія вопроса о первоначальномъ заселеніи Россіи славянами, противопоставляя свою теорію теоріи финской, отмѣчая ея крайности, авторъ мѣстами, кажется, самъ впадаетъ въ крайность хотя бы напр., производя названіе р. Тореео отъ Торной или Черной рѣки и др.—100. *II. II.*, Этноимическій бытъ крестьянъ Тепеницкаго прихода.

Пензенскій Г. В. 1894. 143—145. Татарскій языкъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ (истор. справка).—148. *Н. Доминскій*, Странникъ и продюше.—211. *Н. Долинскій*, Пензенскій врендельщикъ. (Очеркъ изъ мелкой промышленности).—246. Дѣло о инхарѣ, дѣвшинемъ загоноренной водою въ с. Дачѣ, Наровчатскаго уѣзда Пенз. губ.—261. Въ средѣ старообрядцевъ (Базилія-Нелетѣя Мошени, уѣзда, Пенз. губ.).

Периодическо Списание на болгарското книжовно дружество въ Сръдецъ. 1894. Кн. XLVI. *) *Начовъ, Н. А.*, Замѣтка о Пандіевой исторіи.—*Давцовъ, С. Ж.*, Отъ Соевін до Праги (путевыя замѣтки и воспоминанія).—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ диалектовъ. (окон., см. кн. XLV).—Болг. народн. произведенія: Дѣтскія игры: а) пѣсенки: изъ Торно-Джумайска и Прыльна (1—9), б) игры (10—25), в) подгорныя стихотворенія (26—46) (не ок).—*Н. А. Н.*, Прибавленіе къ статьѣ о Пандіевой исторіи.—Кн. XLVII. *С. А.*, Старые и новые труды по этнографіи, географіи и исторіи культуры румын.—*С.*, Марково, (описание этой горной области, Прыльскаго округа). *Уста-Генцовъ, Д.*, Въ Старую Паланку (путевыя замѣтки).—*Ею же*, Народная пѣснь изъ Гобровскаго про Димитраки Хаджи Топцова, съ замѣткой къ ней редакціи.—Болгарскія народ. произведенія: По говору села Витолица (Марковско-Прыльско въ Македоніи), общ. *А. П. Стоиловъ*: пѣсни, пословицы, загадки, лексич. матеріалъ.—*Ею же*, Матеріалъ для болгарскаго словаря города Прыльна.

Пермскій Г. В. 1894. 79. Волненія среди татарскаго населенія Камскаго края по поводу слуховъ объ обращеніи татаръ въ христіанство и о дозволеніи татарскимъ женщинамъ посѣщать мечети («Бирж. В.»).—81—99. Описание коллекціи (*Теплоуховскъ*) древностей пермской чуди на выставкѣ пермской комиссіи Уральскаго О-ва. Люб. Естествознанія.—82. Уральское О-во Люб. Естествознанія въ 1893 г. (очеркъ дѣятельности о-ва).—95. О происхожденіи выраженія волжскихъ матросовъ: «подъ табакъ», употребляемаго ими при изысканіи глубины; это

*) Кн. XLIV и XLV въ редакцію присланы не были.

выраженіе употреблялось бурлаками въ старину и означало, что вода подходит подъ мышку, гдѣ бурлаки сохраняли кисть съ табакомъ, когда имъ приходилось идти бечевой по водѣ.—101—103. Пермская чуда и ея культурная обстановка (публичное сообщеніе), *О. Теплоухова*.—102. Приближеніе въ полюсу трехъ экспедицій.—2,000-лѣтній телефонъ (между двумя индусскими храмами въ г. Наньи открытъ проволоочный проводъ).—Происхожденіе слова «Берлинъ»: по взысканіямъ чешскаго ученаго *Крутки* Berlin происходитъ изъ чешскаго brlin (мѣсто за свайной плотиной), при чемъ Крупка въ своей догадкѣ опирается на существованіе въ Богеміи мѣстечка «Brlin», лежащаго близъ свайной плотины.—112. Мнѣніе антрополога *Пирсона* о будущности бѣлаго племенни.—Путешествіе проф. *Якобіа* для изученія положенія остяковъ на рыболовныхъ промыслахъ въ Тобольскомъ округѣ.—133. Изъ исторіи кустарныхъ промысловъ.—128, 134, 138, 146. *Гр. Шурыгинъ*. Левшинская пристань. Культурно-историческій очеркъ.—135. Изъ исторіи башкиръ.—140. Изъ-за Камы (звѣхарство среди пермяковъ; «Шере-ешланъ»).—141. Корейцы въ Россіи.—143. Празднованіе «Запрета» (помановеніе усопшихъ) у мусульманъ. («Астр. Вѣстн.»).—144. Экспедиція проф. *Иностранцева* въ Алтайскій округъ.—146. Изъ японскихъ обычаевъ.—Японско-китайская письменность.—147. Новый трудъ по этнографіи Пермской губерніи (этнографическая карта *И. Г. Остроумова*).—«Сукси-Мукси»—празднество мусульманскихъ женщинъ въ Оренбург. губ. («Сам. Газ.»).—167. Грамотность татаръ.

Русскій Вѣстникъ. 1895. Январь. Рец. на кн. *ин. Утомского*: Путешествіе на Востокъ Его Имп. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1890—91. Часть III. Рец. на кн. *Г. Н. Сизонова*: Ростовщичество и кулачество. СПб. 1894.—Рец. на кн.: Русскіе путешественники-ислѣдователи. Путешествія по Туркестану, *И. А. Свѣрцова* и *А. П. Федченко* Изложено по ихъ подлин. сочин. *М. Л. Лямной*. Изд. Девриена, СПб. 1894.—Февраль. *И. Н. К—а*, Ковѣдцій у его ученіе—Рец. на кн.: По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествія *д-ра А. В. Елисеява* по тремъ частямъ Стараго Свѣта.—Въ отд. «Обозрѣній русск. и иностр. журналовъ»—небольшая замѣтка о статьѣ *Птицына*: Памарь (В. Евр.), о статьѣ *О. Элмера*: Vier Wochen im Königreiche Corea (Westerm. illustr. deutsche Monatshefte 1895, I).

Смоленскій Вѣстникъ. 1984. 138. Смѣсь: О религиозныхъ обрадахъ въ Индіи.—142. Вибліографія: перепечатки рецензій изъ «Этн. Обзор.» (94 г., № 3) на труды *С. П. Писарева* и поручика *А. К. Ильенко* по исторіи Смоленска.—146 и (1895 г.) 3, *Деревенскій житель*, Дневникъ сельскаго обывателя.—147. Путешествіе въ Африку (Экспедиція *Н. С. Леонтьева*, изъ «Нов. Дня»).—149. *Г. Грачевъ*, Курганы Смоленской губерніи. (Смол., Бѣльск., Духовщ., Дорогобужск., Порѣчск., Юхновск уу.).—1895. 2. *А Кушнеревъ*, Николай день (изъ Гжатск. у., съ пѣснями).—5. Корр.: Дорогобужскій уѣздъ (обычай «казематовъ»—вечеринки, устраиваемыя молодежью, по почину дѣвушекъ, сильно-интимнаго характера).—9. Смѣсь: Поцѣлуй (распространенность этого обычая

въ Пармѣаѣ и избѣганіе его у «шниковъ»).—11. Сѣбсь: Статистика разведеній.—Исторія носового платка (первый 350 лѣтъ тому назадъ).

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости. 1894. 22. Крещеніе казмиловъ.—23. Казмицкіе хурамы.

Сѣверный Вѣстникъ 1894. Сентябрь. Л. Прозоровъ, Провинц. печать. Вятскія «дѣсныя женщины».—«Царскіе мужики» въ Саратовск. губ.—Изъ жизни и литературы: Замѣтки о буддизмѣ японскаго священника.—Октябрь. Рец. на брош.: Какъ возникаютъ и распространяются кустарныя промыслы. Вятка 94 г.—Ноябрь. Д. Корженевскій, Въ страхѣ отверженныхъ. Изъ путевого альбома (Очень живо описано посѣщеніе богатаго араба авторомъ).—Изъ жизни и литературы: Раскольничій бракъ и многобрачіе.—Декабрь. Л. Павловъ, Страна восходящаго солнца. Очеркъ посвященъ Японіи и ея жителямъ.

Грудъ. 1894. Январь. Въ отдѣлѣ: «За границей» (М. А. Орловъ) довольно обстоят. замѣтка: Гигіеническій способъ погребенія, примѣняемый въ Китаѣ. Духовный міръ дѣкихъ народовъ, возстановленный по ихъ религіозн. вѣрованіямъ (по статьѣ г-жи Кукъ въ Westminster Review). Страна и племя Машона, въ Южн. Аравіи. Японскія красавицы («гейши»).—Февраль и Мартъ. П. Ландау, Современная Мексика. Изъ путев. замѣтокъ (Пер. Д. А. Корочевскаго).—Апрѣль. П. Ландау, Современная Мексика. (Окон.). Въ путевыхъ замѣткахъ автора читатель можетъ найти мелкія замѣтки этнографич. характера. Гл. V, 1, посвящена древне мексиканскому искусству.—Рец. на кн.: Китайскія сказки. Пер. съ франц. подъ ред. В. Зеленеваго. М. 1893.—Май. Въ отд. За границей (М. Орловъ): Анатомическія и физиологическія возрѣнія камбоджийцевъ. Театръ въ Японіи. Отцы въ роли роженницъ.—Іюнь. Въ отд. За границей: Причины сильнаго разселенія въ Китаѣ.—Іюль. Въ отд. За границей: Способы измѣренія и исчисленія времени у разныхъ народовъ.—Рец. на кн. Л. Субботина: Волга и Волгары. Путев. очерки. Т. I. СПб., 94.—Сентябрь. Въ отд. За границей: Китайцы—открыватели и цивилизаторы Америки. Переживаніе нравовъ и обычьевъ.—Октябрь.—Ноябрь. Въ отд. За границей: Аравіянскіе карлики, изслѣдованные Дыбовскимъ. Корейскій языкъ и китайск. поэзія.—Декабрь. Въ отд. За границей: Бирманцы и ихъ бракъ. Предразсудокъ относит. неудачъ супружества, заключенныхъ въ маѣ.

Тульскія Г. В. 31. Счастливое сочетаніе «старой прады» съ «новой» (перепеч. изъ «Русск. Вѣд.» ст. Щербина «Большая семья»).—71, 87, 88. Средства противъ ангорадки у народа.

The Fortnightly Review. 1895. February. R. S. Gundry, Ancestor Worship in China.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1894. 266. Старинная церковная утварь въ церквахъ г. Нѣжина. Древне-американскій Геркуланумъ (изъ «Прав. Вѣст.»). 257. Изъ прошлаго. Невельской и о. Сахалинъ (изъ Тюрем. Вѣст.).—252. Гр. Г. А. Милорадовичъ (біографія).—245. Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у самоѣдовъ Канинской тундры (изъ Арх. Губ. Вѣд.).—Переводъ Евангелія на лонарскаго языка (изъ Арх. Епарх. Вѣд.)—

210. Легенда о происхожденіи чумы (корреп. «Темпр» изъ Шанхай).—
212. Оригинальный способъ ловли дикихъ утокъ царями (крестьянами)
въ Бессарабіи (изъ «Русскаго Охотника»).—217. Колесный промыселъ въ
Глух. уѣздѣ (изъ «Кіевлянина»).—237. Клыкъ мамонта (въ Шадрев. у.,
Бур. губ.)—241. Раскопка гагинскаго могильника (изъ «Волгари»).

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго просвѣщенія. 1893.
Январь. *Глаголевъ, С.*, О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода
человѣческаго.—*П. Л—въ*, Христіанство въ пониманіи русск. народа по
духовнымъ стихамъ.—*С. Г. (Замѣтна)*, Евреи въ Палестинѣ до Моисея.—
Сентябрь. *Милосидовъ, Н. И.*, IX Археологическій съѣздъ въ гор. Валь-
нѣ.—Ноябрь. *Глаголевъ С.*, Антрополог. проблема въ настоящее время
(прод.).—Декабрь. *Глаголевъ, С.*, Антропологич. проблема въ настоящее
время.—1894. Февраль. Мелкія статьи. Чинъ пещнаго дѣйствія (пер.
изъ «Кіевлянина»).—Мартъ. *Глаголевъ, С.*, Древность челоуѣка.—Май—
Июнь. *Доброправовъ, Н. свлц.*, Вѣтхо-завѣтный праздникъ Пятидесяти-
ницы.—Сентябрь. *Муретовъ, М.*, Древность преданія о погребеніи
Адама на Голгоѣѣ изъ Лобномъ мѣстѣ.

Обозрѣніе Эстонской періодической печати за 1894 годъ.

1) Газета „*Walgus*“. 5. Записанныя изъ устъ народа три эстонскія
сказки: 1, „Побѣдъ стараго бѣса“, который въ сказкѣ называется „боль-
шимъ баринномъ“, также „петербургскимъ баринномъ“, 2, „Сказка о бо-
гатомъ помѣщикѣ“, который всю жизнь любилъ танцовать и котораго бѣсъ
съ танцовальнаго вечера увелъ прямо въ адъ. 3, „Сказка о томъ, какъ
образовалась Эваверская гора“.—„Исторія возникновенія православія въ При-
балтійскомъ краѣ (продолж. въ № 9 и 14).—5—7. Право патронажества
надъ Лютеранскими церквами.—7. Характеристика жителей острова Кюно.
Открытие земледѣльческаго общества въ Галликѣ.—8. О вліяніи дворян-
ской корчмы на бытъ жителей острова Эзеля—порча нравовъ и разореніе.—
II. Переселенческое дѣло на островѣ Даго: рѣшеніе крестьянъ къ пере-
селенію вызвано недоразумѣніемъ и обманомъ, вынудившимъ оффиціальное
объясненіе губернской власти въ Эстляндскихъ Губ. Вѣдомостяхъ. 12 и 14.
О празднованія 75-лѣтія освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости.
14. Положеніе крестьянъ-собственниковъ въ Эстляндской губерніи. Поло-
женіе ремесленниковъ.—16. Распространеніе секты „пробужденныхъ
братьевъ“ въ Кузальскомъ Лютеранскомъ приходѣ.—21 и 25. Кто освободилъ
эстовъ отъ крѣпостнаго рабства—императоръ Александръ I, или
прибалтійскіе помѣщики? 21 и 35. О правахъ на рыбную ловлю по
берегамъ Балтійскаго моря?—26. Описаніе 75-лѣтняго юбилейнаго празд-
нества въ Юрьевѣ 18, 19 и 20 іюня въ память освобожденія эстовъ.
Ликвидация имуществъ закрытаго эстонскаго литературнаго общества.—
39. Затруднительное положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Прибал-
тійскихъ губерніяхъ—съ одной стороны отъ высокихъ платежей и арендъ

и—съ другой—отъ дешезизмы хлѣба и картофеля.—38. Выставка произведеній скульптора Вейценберга въ Ревель. Свѣдѣнія о жизни востовъ переселенцевъ въ Тверской губерніи, Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Старопозновской волости на земляхъ помѣщика Брандта.—41. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго Земледѣльческаго Общества въ Раппель 25 сентября.—42. Некрологъ Эстляндскаго губернатора князя Серг. Влад. Шаховскаго († 12 окт. 1894 г.) и его благотворныя заступы. Записка о безполезности и даже вредности для крестьянскаго землевладѣнія въ Эстляндіи дѣятельности крестьянскаго банка безъ нормировки цѣны на землю.

2) Газета „Eesti Postimees“. 3. Воззваніе доктора Гурта къ собирателямъ эстонскихъ древностей въ виду участія его съ собраннымъ археологическимъ матеріаломъ на археологическомъ сѣздѣ въ Ригѣ въ 1896-мъ году. Воззваніе комитета по устройству пѣвческаго прудства въ 1894 г. въ память 75-лѣтія освобожденія востовъ отъ крѣпостной зависимости въ отдѣльныхъ пѣвческихъ хорахъ.—5—9. Списокъ пѣвческихъ и музыкальныхъ хорамъ, заявившимъ готовность участвовать въ юбилейномъ торжествѣ (дополн. въ № 12).—7. Дегенцы массами стремятся къ переселенію въ Сарапульскій уѣздъ, Вятской губерніи. Засѣданіе ученаго Эстонскаго Общества: 25-лѣтній юбилей предѣательства профессора Мейера.—9. Проектъ узкоколейной желѣзной дороги Ревель—Раппель—Вейсенштейнъ. 96-ой отчетъ доктора Гурта по собранію матеріала для Эстонской археологіи (слѣдующіе отчеты въ №№ 16, 19, 34, 39, 41, 42, 47, 50 и 53).—10. Потребность въ улучшеніи почтовыхъ сообщеній въ Эстляндіи. Засѣданіе Ученаго Эстонскаго Общества. Собраніе Тарвастскаго общества трезвости.—11. О преобладаніи вѣщскаго языка въ эстонскихъ обществахъ.—13. Званіе для востовъ 26-го марта. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго земледѣльческаго общества. Собраніе Юрьевскаго общества трезвости, на которомъ постановлено просить начальника губерніи о запрещеніи продавать на предстоящемъ пѣвческомъ праздникѣ въ Юрьевѣ спиртные напитки.—Сказки, записанныя у востовъ Ватевской губерніи (продолж. въ № 14).—14. Описаніе торжества 26 и 27 марта. О штрафѣ противъ засухи.—17. Прогрессъ въ жизни востовъ. Описаніе юбилейнаго праздника въ Петербургѣ.—19. Воззваніе къ единству въ востомъ правописаніи протяжныхъ гласныхъ. Масква Ревельскаго Общества „Лестусъ“. Суевѣрія въ Ниггенѣ, Юрьевскаго уѣзда.—34. Засѣданіе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—36. Статья о воспитаніи дѣтей. Наставленіе Эйзена собирателямъ эстонской древности—записывать подлинно народныя сказанія безъ примѣси собственныхъ измышленій.—37 и 39. Юрьевская сельско-хозяйственная и ремесленная выставка.—50. Воззваніе къ основанію капитала для вспоможенія воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній изъ Эстовъ.—Воззваніе Аудерскаго пастора Голста о доставленіи ему свѣдѣній объ эстонскихъ поселеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи.—Въ Аудерсвомъ приходѣ, Перьянскаго уѣзда, сохранился еще обычай, по которому невѣста послѣ обрученія ходитъ по знакомымъ, угощаетъ водкою и собираетъ шерсть, пряжу, холсты и т. п. на приданое.—53. Собраніе Галлистскаго Земледѣльче-

скаго Общества. О напиккахъ изъ хлѣбныхъ зеренъ и яблѣкъ. Рекомендація нѣсколькихъ Эстонскихъ календарей.

3) Газета „Olewik“. 1. Привѣтствуя новый юбилейный годъ, устанавливаетъ истинное понятіе о народѣ и народности. Народъ существуетъ вѣка, а народность имѣетъ давность около 25 лѣтъ. Собираясь праздновать память освобожденія народа, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ событіемъ вопросъ о народности, дабы не причинить зла народу. Дѣятельность общества трезвости въ Алашкиви и Петербургѣ. Несчастье съ рыбаками на озерѣ Нейпусѣ.—4. Отчеты общества трезвости въ Цинтенгофѣ и Феллинѣ.—6. Уменьшеніе рыбы.—7. Вѣдомость о кражахъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ по приходамъ и мѣсяцамъ.—9. Будущій археологическій съездъ въ Ригѣ. О борьбѣ съ проказою въ Имжандской и Эстляндской губерніяхъ.—12. Очерки изъ времени крѣпостничества. Ожиданія свободы. Освобожденіе. Сродственныя вѣстамъ народы. Вопросъ о дорожной повинности въ Такерортѣ.—14. Празднованіе въ разныхъ мѣстностяхъ 75-лѣтняго юбилея освобожденія востовъ отъ крѣпостной зависимости (также въ №№ 15—17, 25—27). Свѣдѣнія о количествѣ корчемъ въ краѣ (на разстояніи 10 верстъ отъ Юрьева расположены 18 корчемъ).—15 и 16. Эстонскій вопросъ. 100 афоризмовъ Гренцштейна объ эстонской народности и политикѣ. Документальныя свѣдѣнія изъ времени освобожденія крѣпостныхъ.—16. Наши корчмы.—18. Приѣмъ въ казну острова Вормса и экономическій бытъ его жителей.—19. Эсты не могутъ имѣть самостоятельнаго развитія. Совѣты переселенцамъ.—24. Эстонскій танецъ: мотивъ на нотахъ.—28. Списокъ Эстонскимъ изданіямъ за время отъ 1-го сентября по 31-е декабря 1893 года. Объ Эстонскомъ музеѣ.—30—32. Слѣды эстонскаго языка у восточныхъ народовъ, напримѣръ у осетинъ.—30—31. Поездка на островъ Кюю.—34 и 38. Собраніе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—35. Какое назначеніе должны имѣть корчмы? Древности въ Тарвасто, Феллинскаго уѣзда.—36. Юрьевская земледѣльческая выставка. Труды по изслѣдованію языка Ливовъ.—37. Древности въ окрестностяхъ Нейпуса. Языкъ и письменность Ливовъ.—39. Альбомъ эстонскихъ студентовъ.—42. Печальные отголоски юбилейнаго года: пьянство, развратъ, раздоры, страсть къ модамъ и т. п. остатки рабства.

Священникъ К. Тизинъ.

Ревель, 28 янв. 1895 г

„Тифлиссій Вѣстникъ“, 1873, 4. Библи. заметка о „Кребузи“ и „Млатоби“. Д. Э.—8. Изъ путешествія по Кавказу. Voyage en Russie, au Caucase et en Perse, par T. M. Chevalier Lusklaan A. Nijhoff. Paris. 1872. T. I. N.—28.—Дѣятельность кн. Г. Эрстова, какъ національнаго вискателя.—44, 65. Пастбищныя, выгонныя и дневныя угодья *Д. Эрстова*.—49, 82. Библи. „Кребузи“ № 10, 11, 12 за 1873 г. *Д. Эрст.*—72, 74, 76, 78, 79. Беспорядки въ Грузіи въ 1802, 1804 и 1811 гг.—87—9. Современ. армяк. общество въ Турціи соч. кн. Дадиана (Revue de deux Mondes 1867 г. кн. 15).—91—3. Библи. „Млатоби“ и „Кребузи“.—134. Заметка о статистической таблицѣ народонаселенія Кавказскаго края, помещенной во II т. „Извѣстій“ Кавк. Отд. II. Р. Г. О.

1874. 28. Библи.: Опыт драмат. литературы мусульм. востока (Karatali „la fatalité“ drame turque, joué à Constantinople 1872. Considérations sur les essais d'une littérature dramatique dans l'Orient musulman par Barbier de Meynard, Revue critique № 5, 31 janvier 1874).—53, 54. О сѣти желѣзнодорожныхъ сооруженій по Закавказью.—57. Библи.: Путеводитель по Кавказу М. Владыкина. М. 1874.—84, 85, 94. Майковъ и его шиль. *Е. Фелицын*.—91. Шуша и Ласодехи.—96. Феоодосія. *Л. Исарловъ*.—97. Николай Георгиевичъ Верасовъ и его литер. дѣятельность. *Д. Вакрадзе*.—98. По поводу явнымъ религиозныхъ реформъ у магометанъ (изъ турецкой газеты „Яланджир“).—106. По дорогѣ къ Баку.—117. Иеза и Иерусалимъ. *Евгеній Казариковъ*.

1875. 6. Изъ путевыхъ записокъ (Сухумъ). *Л. Исарловъ*.—7. Библи.: Campaigning on the Oxus and the Fall of Khdva. *Макс-Келно*.—28. Алавердскій заводъ. *Вл. К.*—32. Заметка о нашихъ земледѣльцахъ.—35, 36, 42, 43. Кавказ. минералн. воды, ихъ прошедшее и настоящее. *Ев. Фелицын*.—37. Библи.: Сбор. свѣд. о кавказ. гордахъ² вою р. Н. И. Воронова, в. VIII.—38. Наши этнологи.—44. Вагаршавать.—47. Прототипы „Горе отъ ума“, *Д. Эрстова*.—48. О колонизаціи сѣверо-восточ. береговъ Черваго моря *Л. Исарловъ*.—50. Христіанскія древности въ турецкой Грузіи. *Л. Исарловъ*.—67. Воспоминаніе о „Кавказской старинѣ“. *Ш.*—68. † Н. К. Усларъ.—*Л. З.*—скій.—83. Майковъ. *Ев. Фелицын*.—86. Беспорядки въ Сванетіи.—Отъ Владикавказа до Грознаго.—95. Турецкая Грузія.—99. Библи. „Дроба“ за 1866—1875 гг.—109. Крестьяне собственники.—110, 111, 113. Южные славяне и ихъ литература (Le monde slave par Louis Leger. Paris. 1873).—122, 123, 124. Библи. Искаженіе добытыхъ наукою фактовъ по этнографіи Кавказа въ соч. Риттера „Племенной составъ континентовъ русской арміи“. Спб. 1875. *Л. Заурекій*.—133. Чайно-географ. карта г. Сталинскаго.

1876. 8. На Сурамскомъ перевалѣ (съ грузинскаго).—12, 13, 16, 17, 18. Матеріалы для уголовной статистики Закавказья.—16. Между колоколами. *И. М.*—17. Николай Бараташвили (поэт).—22. Изъ Орестіи (калмык).—32, 38, 44. Замокъ Модн-Нахе.—49, 52, 53, 83, 84. Библи. Актн Кавказ. Археогр. Комиссіи, т. VI, (Ермоловское время).—123. Жоржъ-Зандъ.—125, 126, 131, 132, 138, 139, 145, 146, 149, 161, 167, *М. Г. М.*—Образованіе въ Закавказскомъ край.—150. Библи. Bibliographia Caucasica М. Миссарова.—168, 171. Общій обзоръ азіатской Турціи.—185, 189. Сербь, впогр. великъ.—210, 212, 218, 222, 231, 232, 237. Землевлдніе въ Кубанскомъ уездѣ.—215, 216. Библи. „Пордъ“ (арм. жур.).—246. Библи.: Сбор. статист. свѣд. о Ставропол. губ., вып. VII.—265. Поведакъ по Турецкой границѣ. *Кн. Т. Ходжаминасовъ*.—287, 288. Къ вопросу о системѣ обученія въ кавказскихъ шпордческихъ школахъ.

1877. 12, 15. Библи. „Пордъ“ („Опыт“ арм. жур.).—21. Положеніе крестьянъ въ Верхней Карталині.—30. Нѣчто о положеніи женщинъ у горцевъ-мусульманъ. *А. Гассиель*.—46. Заметка о журналахъ „Отеч. З.“ 1876, 10, 11. Бар. А. Ровень о Тизднѣ.—50, 51. Сванетія. Путешествіе *А. Стоянова*.—51. Взглядъ Корана на немусульманъ.—52. Грузинск. духовенство.—95, 98. Каръ (истор. очеркъ).—102. Баязетъ.—116, 117. Армянскій полкъ.—132. Отъ Ахалцыха до Ардагана.—144, 145, 152, 161—165. Участіе армявъ въ завоеваніяхъ Россіи въ Закавказья.—180. Чивовичій классъ въ Закавказьи.—192, 193. Карталинія.—216. Городъ на Вулканѣ.—259. Путевыя картинки

(Кутанс. г.).— 265, 269. Библи.: Armenia and Lebanon by S. W. Probyn, esq. published for the Eastern Question Association by Cassel Petter et Saerin. London, 1877.—275, 277. Кавказ. евреи.

1878. 30. По поводу восстания кавказских горцев. *Ест. Фелиция*.— 39. Сутки въ Бектубаши.—46. Мехти Умиевъ Байтатский, одинъ изъ предводителей восстания въ Дагеставъ.—60. Физическій очеркъ Арменіи (пер. съ армянскаго), *Рубени*.—79. Сел. Славянка (населеніе, костюмъ, паружность, бытъ, грамотность).—86. Кобулеты. *Ковалевскій*.—98. Конференція и армяне.—139. Библи.: „Пордзъ“ № 4 1878 г.—228. Картины кавказ. провинціальной жизни.—241. Библи.: Меджигуашвили, повесть Л. Ардагани.—262. О судопроизводствѣ въ Закавказьи. *А. К. Церетели*.

1879. (изд. К. Бебутовъ, ред. Д. Эристовъ). 4, 5, 7. Между сентавтами.—10. Груз. спектакль (дебютъ Сапаровой).—15, 18, 21. Изъ письма по М. Азиз. *Г. Церетели*.—24. А. С. Грибождовъ. *Д. Эристовъ*.—92, 93. Два грузина Отія Месхи и Адамъ Бебуришвили, произвес. *А. К. Церетели*.—119, 25 зѣтъ (1842—67) на Кавказъ А. А. Зиссермана. *М. Л.*—167. Съ антропологической выставки.—180. Библи. Очерки Чурукеу и Ватуза. *А. Френсела. А.—ис.*—195. Грузинская труппа.—220, 221, 223, 226, 228. Десять дней въ горахъ Дагестана. *В. Микеладзе*.—243. Паата Темиришвили. Народ. герой времени Иракліи П.—249. У Археол. съездъ въ Тбилисѣ.

1880. (изд. К. Бебутовъ, ред. Г. Чикоаи). 6. Рождественская сказка. *Ковалевскій*.—22. Библи.: Царь Миріанъ и св. Нина. *Дж. Вахрадзе*.—50. Оджакхисъ-аулан, драма *Г. Церетели*. (*Изданіе прекратилось*).

Тифлиссій Листокъ, 1886. (Ред. изд. І. Б. Поповъ).—53. Артагетъ Адамъ (біографія) *В. Микеладзе*.—54. Китайскій театр.—58. Семейный бытъ персовъ (изъ „Рус. Вѣд.“).—119. А. Н. Островскій.—124. Выборъ невесты китайскому императору.—187—9. Изъ Тавліса въ Абастуманъ.—228. „Подруга жизни“, драма въ переводѣ А. Мочхубаридзе.—261, 262. Мемуары арабской принцессы.

1887. (Врем. ред. С. Кегулихесъ-Кегульскій, потомъ К. Бѣгичевъ, изд. Х. Хачатуровъ).—13. Два всадника (мингрельская легенда).—38. Будни въ кахетинской деревнѣ.—86. Последнее слово по женскому вопросу.—112. Кабульскіе армяне.—145, 147. Изъ поездки въ Палестину. *С. А.*—168. Этнографическій этюдъ.—234. Восточная сказка. *В. В.*—250. Похороны Д. И. Кипіани.—272. Армянское кувечество на стр. „Ардаганки“.

1888. (Врем. ред. И. Хачатуровъ).—81—3. Прекрасная Ала.—172. Оправдаютъ ли? (Этюдъ изъ кавказской жизни).—204. Восхожденіе Е. С. Маркова на Араратъ.—232. Пропаившіе путешественники въ ледникахъ.

1889. 1, 2—4, 7—10, 13. Лорисъ-Меликовъ.—85. † К. П. Паткавонъ (армянецъ).—125, 129, 130. Женщины изъ Китая (съ итальянскаго).—171. Археолог. находка (въ сел. Ванн).—188. † Н. А. Бороваевъ.—189. Грузин. царца и ждѣныя девы.—200. Библи.: „Цда“. *Д. Сослани*.—210—214. Кавказ. выставка.—278. Литератур. распри о Ш. Руставели. *Д. Сослани*. (*Дальнѣйшіе годы см. въ „Этн. Обзор.“ съ 1890 г.*).

Новости этнографической литературы.

а) Русскія.

Акты Московскаго государства, издаваемые Имп. Академіей Н. подъ ред. *Н. А. Попова*. Томъ II.

Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635—1659. Сиб. 1894. 8°. XLV+773, 400 экз. Ц. 5 р.

Акты, собранныя Кавказскою Археологич. Комиссіею. Архивъ Главно-начальствующаго гражданскаго частию на Кавказѣ. Томъ XII, ч. 1-я. (1846—62 гг.), подъ ред. *Е. Д. Фелицына* и *А. П. Наумова*. Тизд. 1 93. 8°, 732+20 стр., 112 экз.

Безсоновъ И. Слово о полку Игоревѣ. Памятникъ извѣстной рус. словесности XII в. Одесса. 1894. 8°, 6р.

Богдановичъ, А. Про панщину. Разказъ изъ бѣлорусской жизни времѣнь крѣпостного права. Гродно. 94, 8°, 31 стр. 100 экз.

Болсуновскій, К. В. Дрогичинскія псалмы. Ч. I, съ XXI табл., въ отдѣльной тетради (972 двухсторон. изображенія). Киевъ. 1892—94. folio. Ц. 5 р.

Бѣляшевскій, Ник. Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. (Отискъ изъ «Кіевск. Стар.»). К. 94. 8° 10 стр. 105 экз.

Веселовскій, Н. Киргизскій разказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Сиб. 1894. 8°.

Вивліювика (Древняя русскія), или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко-то: русскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ русскихъ стихотворцевъ, — издававшаяся помѣсячно *Николаемъ Новиковымъ* въ Сиб., въ 1773—75 г. Часть I. Янв.—июнь. 1773. Мышкинъ. 1894. 8°, 2+216+2 стр. 300 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Византійскій временникъ, издаваемый при Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. *В. Г. Василевскаго* и *В. Э. Рогова*. Томъ I, вып. 1-й. Сиб. 94. 8°, 262 стр. 610 экз.

Владиславлевъ, В. Къ аграрному вопросу въ Японіи (изъ «Ж. М. Н. П.», авг. 1894 г.). Спб. 94 г. 8°, 60 стр. 100 экз.

Волланъ(-де), Григорій. По блѣу свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. 2-я. (Бирма, Ява, Китай, Тонкинъ, Кохинхина, Камбоджа, Сіамъ). Спб. 1895. 8°, 371 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Гарнава, А. Извѣстія каранна Абу-Юсуфа Якуба Аль-Киркисани объ еврейскихъ сектахъ (Отд. отд. изд. «Запис. Вост. Отд. Имп. Руск. Археол. Общ.»). Спб. 94. 8°, стр. съ 247 по 321. 60 экз.

Гильфердингъ, А. Ф. Онежскія былинны, записанныя лѣтомъ 1871 года. Томъ 1-й. Изд. 2-е. Спб. 94 г. 8°, XII+597 стр. 110 экз.

Грековъ, А. М. Среди доискихъ обывателей (Нолочеркаскъ, Ростовъ, Таганрогъ, Нахичевань). Областные очерки-параллели. Р.—на—Д. 94 г. 8°, 75 стр.

Грицко-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсень. Въ 2-хъ частяхъ. Части 1-я и 2-я. Москва. 94 г. 16°, 176+III стр. 7.500 (?) экз.

Гробницы древняго Египта (По кн. Бадж'а «The Mummu»). Изъ «Прав. Вѣсти.». 1894, № 73. Брош. 8°, 16 стр.

Дагелайскій, В. Крылатыя фигуры въ античномъ искусствѣ. (Отт. изъ «Запис. Имп. Русск. Археол. Общ.»). Спб. 94. 8°, 23 стр. 120 экз.

Джаншіевъ, Гр. А. М. Уиковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. М. 1894 г. 8°, 4+195+51 стр. 1.200 экз. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, В. Экскурсія на Чатырдагъ, въ источнику Саггара и въ пещеры Кизиль-хаба въ 1893 г. Одесса. 8°, 27 стр. и 1 карта. 100 экз.

Доливо-Добровольскій, А. І. Этюды и картинки изъ кругосвѣтнаго плаванія. (Въ имперіи богдыхана. На парадножъ китайскомъ обѣдѣ. Сорокъ семь могилъ. Черная королева. Роковой островъ. Аборигены Японіи. Святая ночь въ океанѣ). Бронштадтъ. 94 г. 16°, 264 стр. 396 экз. Ц. 50 к.

Дѣдловъ. Переселенцы и новыя мѣста. Путевыя замѣтки. Спб. 94 г. 8°, 201 стр. 2.400 экз.

Записка, историческая и статистическая, о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществѣхъ Черниговской губ. Составлена черниг. губ. предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 году. Издана гр. Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16°, 56 стр. (Говорятся и о казацкомъ и сельскомъ сословіи и проч.) *).

Ермаковъ, Н. Я. Пословицы русскаго народа. Спб. 1894, 8°, 48 стр. Ц. 30 к.

*) Была впервые напечатана въ «Материалахъ для статистики Россійской имперіи, издан. съ Высоч. соизв. при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ». Спб. 1841, 8°, отд. IV, стр. 3—25 (а не во II т. 1852 г. этого изданія, какъ говорить гр. Милорадовичъ въ предисловіи).

278 заседание Имп. одесского общества истории и древностей 31 мая 1894 г. Од. 8°, 15 стр. 200 экз.

Зеневичъ, Хр. Хр. Керчь въ прошедшемъ и настоящемъ. Историко-археологическій и географическій очеркъ, съ приложеніемъ описанія достопримѣчательностей города и его окрестностей, хронологическаго указателя, статистическихъ свѣдѣній и рисунковъ. Керчь. 94 г. 8°, V+162 стр. 1.200 экз.

Ивановскій, А. О. Manjūgīsa I. Образцы солонскаго и дахурскаго языковъ. Изд. И. Ак. Н. Спб. 1894. 8°, XIV+79 стр. Ц. 80 к.

Извѣстія Таврической Уч. Архивн. Комиссія. № 21, подъ ред. *Арсеція Маркевича*. Симфероп. 1894. 8°, 140 стр.

Изъ исторіи города Некова второй половины XVI столѣтія. Святой Николай Садосъ, Христа-ради юродивый. Д. П. Нешировъ. 94 г. 8°, 16 стр., 200 экз.

Историко-статистическое описаніе Харьковскаго кафедральнаго Успенскаго собора. Харьковъ. 8°, 331+4 стр. 900 экз.

Историческое описаніе Свято-Троицкаго Анзерскаго скита на Анзерскомъ островѣ. Изд. Солов. монастыря. Архангельскъ, 8°, 36 стр. 3.000 экз.

Историческое описаніе Зеленогорскаго общежительнаго женскаго монастыря. Новгородъ. 8°. 12 стр. 2.000 экз.

Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Иерусалимъ именуемаго, монастыря. Москва. Изд. 2-е, 87 стр.

Каталогъ выставки археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края, устроенной пермскою учен. архивн. комиссіею Уральскаго общ. люб. естествознанія въ Пермь 6-го—19-го іюня 94 г. Пермь. 94. 8°, 84 стр. 500 экз. Ц. 30 к.

Катановъ, Н. Θ. Мусульманскія легенды. Тексты и переводы. (Приложеніе къ LXXV тому «Зап. Имп. Ак. Н.» № 3). 8°, 44 стр. 200 экз. Ц. 40 к.

Катановъ, Н. Θ. О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань. 94 г. 8°, 34 стр. 100 экз.

Кирпичниковъ, А. Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго (Памятникъ древней письменности (CV)). Спб. 94 г. 8°, 23 стр. 310 экз.

Кудринскій, Θ. Утопленница. Этнографическій разсказъ (Отг. изъ «Кіевск. Стр.»). Кіевъ. 94. 8°, 57 стр. 100 экз.

Кунцево и Знаменскій храмъ въ Кунцевѣ (150-ти-лѣтній юбилей церкви). Москва. 16°, 31 стр.

Лайдынь, А. Русско-Латышскій словарь по 2-му выпуску «Русская рѣчь», М. Вольнера. Рига. 94 г. 8°, 55 стр. 5.000 экз.

Лаоси. Тао-те-Кингъ. Переводъ съ китайскаго, съ введеніемъ Д. П. Ковисси. Изъ ж. «Вопросы Философіи и Психологіи». М. 94 г. 8°, 48 стр. 300 экз. Ц. 40 к.

Лаппо, И. И. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельного владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государ-

- ства. Изъ «Чт. въ Имп. общ. ист. и др. росе. при моск. унив.»). М. 94. 8°, 238 стр. 200 экз.
- Латышевъ, В. В. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. III. (Отт. изъ «Запис. И. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 23 стр. 112 экз.
- Малеинъ, А. I. Газеты у древнихъ римлянъ. Изд. редакція ж. «Библиографъ». Спб. 94 г. 8°, 18 стр. 300 экз.
- Мариевичъ, Арсеній. Тагиса. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще (Изв. Таврич. Уч. Архивн. Комиссіи. № 20). Симферополь. 1894. 8°, III+394 стр.
- Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. Вып. V-я. Ч. 1-я. (Заводскій районъ). Базань. 1894 г. 4°, 161+258 стр.
- Мещерскій, А. В. кн., О заповѣдныхъ мѣстностяхъ. Историческій очеркъ. Москва. 94 г. 8°, 20 стр.
- Миллеръ, Вс. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія жѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемомъ управленіемъ кавказскаго учебнаго округа (Отзывы, напечатанные въ «Журналѣ М-ства Нар. Просв.»). Тифлисъ. 94 г. 8°, 30 стр. 200 экз.
- Митькевичъ, Александръ. О формѣ завѣщаній. Историко-юридическій очеркъ. Тифлисъ. 8°, 101 стр.
- Мочульскій, В. Къ исторіи мажорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго, по пергаментной рукописи XIII в. Одесса. 94. 8°, 24 стр. 300 экз.
- Неилудовъ, Е. Словарь-самоучитель 1.500 татарскихъ словъ и съ приложеніемъ индійскихъ, употребляемыхъ татарами въ письмѣ, цифрѣ и числахъ, съ переводомъ на русскій и татарскій языки. Изд. 1-е. Каз. 94. 16°. 86 стр. 1.200 экз. Ц. 50 к.
- Никоновъ, Серг. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Спб. 1895. 8°, 216 стр. Ц. 2 р.
- Нѣдельницкій, Іоаннъ, свящ. Штундизмъ, причины появленія и борьба ученія его. Елисаветградъ. 8°, 349 стр.
- Оболенскій, Алексѣй, кн. Основная причина крестьянскаго нестроенія. (Отт. изъ ж. «Русск. Вѣстникъ»). Спб. 94. 8°, 31 стр. 100 экз.
- Образованіе калмыковъ Астраханской губерніи и мѣры къ его улучшенію (Отт. изъ «Прав. Благовѣстника»). Москва. 94 г. 8°, 44 стр. 120 экз.
- Оксеновъ А. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Редакція В. П. Шемакина. (Приходская бібліотека). Москва. 94 г. 8°, XXIX+306 стр. 1.000 экз.
- Олонецкій сборникъ. Матеріалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. Вып. 3-й. Сост. *Благовѣстникъ*. Изд. Олон. статист. комитета. Петрозаводскъ. 94 г. 8°, VIII+556 стр. 600 экз. Ц. 2 р.
- Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 9-я. Москва. 94. 8°, VII+361+161 стр. 425 экз. Ц. 3 р.

Описание (Краткое историческое) смоленского Успенского кафедрального собора. Смол. 8°, 32 стр. 2.000 экз.

Ориноманиа. Предсказывающія карты знаменитой прорицательницы дѣвлицы Леноринъ. Ключъ и руководство къ употребленію предсказывающихъ картъ. Сиб. 32°, 30 стр. и 36 картъ. 2.000 экз.

Очеркъ изъ исторіи американской православной духовной миссіи. Сиб. 8°, 292 стр. 3.000 экз.

Очеркъ (историческій) Смоленска. Сиб. 1894. 8°, 61 стр. 7 фототип. снимковъ и 4 карты. 600 экз.

Отчетъ о дѣятельности рязанской ученой архивной комиссіи за 1893 годъ. Составленъ С. Д. Яковлевымъ. Рязань. 94 г. 8°, 14+6 стр.

Палестина и Синая. Часть I. Вып. 3-й Изд. Имп. Прав. Пал. Общ. Сиб. 94. 8°, V+176 стр. 600 экз.

Памятники древней письменности. Сп. Отчеты о засѣданіяхъ Имп. общества любителей древней письменности въ 1893—1894 году, съ приложеніями. Сиб. 94 г. 8°, 93 стр. 262 экз.

Памятники древней письменности. CIV. Апокрифическое пророчество царя Содокона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII вѣка. Сообщеніе А. Н. Петрова. Сиб. 94 г. 8°, 14 стр.

Покровский, Н. Очерка памятниковъ православной иконографіи и искусства. Сиб. 8°, 350 стр.

По чужимъ краямъ и по Сибири. Путешествіе Е. Н. В. Наслѣдника Цесаревича и В. Кн. Николая Александровича 1891—1892. Греція. Египетъ. Индія. Китай. Японія. Сибирь (Изд. «Семлянина»). Сиб. 1894. 8°, 56 стр. Ц. 30 к.

Прошлое и настоящее Одессы. Составлено С. Ч. и просмотрѣно профессорами Новоросс. университета А. И. Кариничевымъ и А. И. Маркелчевъ. Одесса. 94 г. 8°, 48 стр. 15.000 экз. Ц. 25 к.

Птицынъ, В. В. Древніе адвокаты и наши присяжные Циферы. Изданіе исправл. и дополн. Сиб. 1894. 8°, 78 стр. 1.000 экз. Ц. 50 к.

П., Д. Свѣтлая черта русской женщины. Немировъ. 1894. 8°, 34 стр.

Радловъ, В. Сибирскія древности. Матеріалы по археологій Россіи, (изд. Имп. Археолог. Ком. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 позитивовъ. Сиб. 1894. 4°, стр. съ 81 по 132+съ 53 по 146+XIX. 600 экз. Ц. 2 р.

Родосский, А. Описание 432 рукописей, принадлежащихъ сиб. духовной академіи и составляющихъ ее первое по времени собраніе. Сиб. 8°, 427 стр. 600 экз.

Русскіе акты ревельскаго городского архива. Изданы археографическою комиссіею подъ ред. А. Барсукова. Сиб. 94. 8°. 320 стр. слѣб. 420 экз.

Русская народная лирика. Пѣсни семейныя. Пѣсни бытовыя. Пѣсни удалыя. Объяснительныя статьи (Русская классная бібліотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы).

Выпускъ XVIII). Изд. Н. Глазунова. Спб. 94. 8°, VIII + 109 стр., 5.020 экз.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа Вып. 18-й. Изд. управленія кавказск. учебн. округа. Тифлисъ. 94 г. 8° 132+410 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. акад. наукъ. Томъ 59 (Онежскія былинныя, записанныя А. Д. Гильердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изд. 2-е. Томъ 1-й). Спб. 94 г. 8°, XXII+597 стр. и 1 портретъ, 600 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 годъ (годъ первый). Изд. тверск. губ. земства. Тверь. 93 г. 8°, III+140+59 стр.

Семеновъ, А. Э. Нѣсколько словъ о древне-критскихъ клятвенныхъ формулахъ (Отг. изъ «Записокъ Имп. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 9 стр. 62 экз.

Семеновъ, В. И. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Спб. 1894. 8°, 185 стр. и 1 карта. 1.200 экз.

Симонова, Л. 1) Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. 84 стр. Ц. 40 к. 2) Эзе. Очерки изъ быта остоковъ. 90 стр. Ц. 50 к., съ 2 картинками. Спб. 1895. 8°, 3-е изд. Н. П. Морена.

Смоленскій, А. В. Чувашскія примѣты о погодѣ и ея вліаніе на хозяйство. Казань. 94. 8°, 81 стр. 85 экз.

Соколовъ, В. Д. Москва—Самаркандъ. Путевыя впечатлѣнія. М. 1894. 8°, 53 стр. Ц. 40 к.

Статистика Россійской Имперіи. XXVII. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Выпускъ 10-й. Тобольская губернія. Изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. Спб. 94 г. 4°, 203+12+111 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Суворинъ, А. Палестина. Вып. 14-й Спб. 2°, стр. 161 по 172. 3.000 экз.

Тайцъ, Б. Историческій очеркъ возникновенія и распространенія новѣйшаго спиритизма (По поводу 46-лѣтней годовщины возникновенія въ Америкѣ новѣйшаго спиритизма). Спб. 94. 8°, 40 стр. 600 экз. Ц. 35 к.

Титовъ, А. А. Тверскія Епархіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неоф. части Вѣдомостей въ первый семидцать лѣтъ существованія: 1877—1893 г. Москва. 8°, 100 стр. 1.200 экз.

Указатели къ изданнымъ московскимъ городскимъ управленіемъ переписнымъ и межевымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій. М. 94 г. 4°, 42 стр. столб. 200 экз.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ (апрѣль—іюнь), № 2. Спб. 1894. 8°, 36 стр. 700 экз.

Устимовичъ, М. П. Ловичъ, древняя резиденція и владѣніе приамосовъ Польши. (Историч. замѣтка). Варшава. 94. 8°, 125 стр. 600 экз. Ц. 50 к.

Флоринскій, Тимоѣ. Лекціи по славянскому языковѣдѣнію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки (болг., сербо-хорв., словенскій). Кіевъ. 1895. 8°, (Изъ «Университ. Извѣстій» 1892—95 гг.). Стр. 526. Ц. 3 р. Печатаются 2-я часть (сѣверо-западные языки).

Чемена, Н. А. Происхождение и сущность эссеиста. Опыт историко-критического изслѣдованія. Черкассы. 94 г. 8°, 500 + II стр. 310 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Черепнинъ, А. И. Борковский островъ и его древности (изъ «Археол. Изв. и Зам.», 1894 г.). М. 94 г. 8°, 18 стр.

Шахматовъ, А. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (Оттискъ изъ «Р. Ф. В.»), Варшава. 94. 8°, 12 стр. 60 экз.

Вольвачивна, Маруся. Къака про таємни слова. Харьк. 1893. 16°, 46 стр.

Думы (Народны): Олексій Поповичъ.—Маты-удова и три сыны.—Сестра и братъ. Кіевъ. Изд. Іогансона. 1890. 8°, 24 стр.

Чайченко, В. Дума про вилыно-кобзаря.—Сыратка.—Крюкъ, велика птыця.—Дурсь думкою богати.—Рыбляти танци.—Два мор зы. (Стихотворныя переложенія народныхъ произведеній). Харьк. 1893. 16°, 43 стр.

6) *Иностранная.*

Стоиловъ, А. Р., Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Впускъ I, битови пѣсни. Софія. 1894. Стр. 54 + IV. Цѣна 60 ст.

Славяне Гори (Родина). Мѣсячно списаніе за народни умотворенія, наука и общественни званія. (Выходить ежемѣсячно, начиная съ апрѣля 1894 г. и лишь исключая мѣсяцы июль и августъ,—издается изъ с. Орѣхово, Рупчанска околия).

Apcrypha anecdota. A collection of thirteen apocryphal books and fragments now first edited from manuscripts by Montague Rhode James. Cambridge. 1893.

Vason, Alice M. A Japanese interior. (Уже раньше вышла того же автора книга: «Japanese Girls and Women». Авторъ «мастерской рукой рисуетъ теченіе національной жизни въ Японіи»).

Bastian, A., Buddhismus, als religions-philosophisches System. Berlin. 1893.

— *Controversen in der Ethnologie. Die geographischen Provinzen in ihren culturgeschichtlichen Berührungspunkten. Sociale Unterlagen für rechtliche Institutionen. Ueber Fetische und Zugehöriges.* Berlin. 1893—94.

Bishop, Isabella L., Among the Tibetans. With illustrations. (Авторъ знакомитъ съ Тибетомъ и тибетцами. «Многія черты тибетской жизни производятъ отгадывающее впечатлѣніе, но въ общемъ народъ обладаетъ симпатичными сторонами характера и привлекаетъ своимъ дружелюбіемъ»).

Brinton, D. M., Nagualism. A study in American Folklor and History. Philadelph. 1894.

Brintz, J. Deutsche Kulturbilder aus sieben Jahrhunderten. Hamburg. 1894.

Borchardt, W. Die sprüchwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde nach Sinn und Ursprung erläutert (2 изд.). Leipzig. 1894.

Cerny, Ad. Třeća zbrčka lužiskoserbskich pěsni. Budyšin. 1893. (Z. Casopisu Mačicy serbskeje 1893).

Dunger, H. Kinderlieder und Kinderspiele aus dem Vogtlande. Ein Vortrag über das Wesen der volkstümlichen Kinderlieder (2 изд.). Plauen. 1894.

A Dictionary of British Folklore. Edited by G. Laur. Gomme. Part. I. The traditional Games of England, Scotland and Irland with Tunes, Singing-rhymes and Methods of playing according to the variants extant and recorded in different parts of the Kingdom, collected and amuted by Alice Bertha Gomme. 1. vol. Aceroshay-Nuits in May. London. 1894.

Eckart, E. Niederdeutsche Sprichwörter und volkstümliche Redensarten. Braunschweig. 1894.

Eckart, Rudolph. Allgemeine Sammlung niederdeutscher Rätsel. Leipzig. 1894.

Eggers, Alex. Der arische (indo-iranische) Gott Mitra. Eine sprach- und religionsgeschichtliche Studie. Jurjew. 1894. 8°, 75 стр. (жактстерская диссертація).

Ewert, M. Ueber die Fabel: «Der Rabe und der Fuchs». Berlin. 1894.

Eynatten, Carol. Deutsche Sagen u. Geschichten. Bonn. 1894.

Franke, I. H., Kulturbilder aus der Kultur- und Sittengeschichte der Menschheit älterer und neuerer Zeit. Zürich. 1894.

Grooke, W. Introduction to the popular religion of Northern India. Allahabad. 1894.

Gill, William. From Darkness to light in Polynesia. (Авторъ «описываетъ свою (за 33 года) миссіонерскую дѣятельность и жизнь среди полудикихъ племенъ», населяющихъ острова Тихаго океана. Христіанство идетъ тамъ «успѣшно». Кромя того, авторъ собралъ тамъ «много легендъ и пѣсень»).

Goblet d'Alviello. La loi du progrès dans les religions. Bruxelles. 1894.

Haddon, A. C. and Browne, C. R. The Ethnography of the Aran Islands, County Galway. (Отт. изъ Proc. Roy. Irish, Academy. 1893).

Nadaszczok, J. prof. Führer durch die Beskiden. Острова. 1894 г. 72 стр. (съ картой зап. Карпатъ).

Hauser, Chr. Sagen aus dem Poznaun und dessen Nachbarschaft. Innsbrück. 1894.

Hickmann. Karte der Verbreitungsgebiete der Religionen in Europa. Berlin. 1894.

Hirt's, F. Bilderschatz zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig. 1894 (на стр. 43 чешско-слав. народность).

Jiriczek, O. Dr. Anleitung zur Mitarbeit in volkskundlichen Sammlungen. Brünn. 1894.

Kieswetter, K. Faust in der Geschichte und Tradition. Leipzig. 1894.

Knopp, O., Sagen und Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen. 1894.

Kühler, R. Aufsätze über Märchen und Volkslieder. Aus seinem handschriftlichen Nachlass herausgegeben von Joh. Bolte u. Erich Schmidt. Berlin. 1894.

Letourneau, Ch. L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris. Bibliothèque anthropologique. («Представивъ въ предыдущихъ своихъ трудахъ эволюцію нравственности, брака, семьи, собственности, политическихъ и юридическихъ учреждений и религій у различныхъ человеческихъ расъ, Летуэрно теперь занялся изслѣдованіемъ эволюціи литературы, разсматривая литературу, какъ одно изъ многочисленныхъ выраженій народной жизни въ наиболее широкомъ смыслѣ этого слова». Наиболее ярко «народная жизнь отражается въ той литературѣ, истинно-народной, наивной и непосредственной, которая всюду предшествовала ученой литературѣ, существовала десятки тысячъ лѣтъ и послужила почвою для всей остальной искусственной литературы, являющейся продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи». «Летуэрно вездѣ старается показать, изъ какой тѣсной зависимости находится литература отъ социальнаго и политическаго положенія даннаго народа»).

Lewalter Joh. Deutsche Volkslieder in Niederhessen aus dem Munde des Volkes gesammelt. Hamburg. 1894.

Lubicz, Raf. Kilka zabytków języka staropolskiego. (Odbitka zt. IV—V «Prac Filologiczn.»). Warsz. 1894. 8°, 90 стр.

Monumenta confraternitatis Stauropiglanae, edidit d-r Wladimirus Milkowicz. Tomus I. Pars prima, continens diplomata et epistolas ab anno 1518—1593. Львовъ 1895 г. Стр. XVI+496. Цѣна 5 гульд. (Содержитъ акты на языкѣ церковно-славянскомъ, старо-молорусскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ, итальянскомъ, арабскомъ и армянскомъ).

Okresní národopisná výstava a sjezdy ve Hlinsku konané r. 1893. V Chotěboží, 1893.

Pelhau, H. Fr. Outlines of Roman History (въмѣстѣ съ главнѣйшими чертами римской исторіи). Ожидается большое сочиненіе того же автора по римской исторіи.

Peel, Helen. Polar Gleams, an account of a Voyage on the Yacht Blencathra. With a preface by the Marquess of Dufferin and contributions by Capt. I. Wiggins and F. G. Jackson (Arnold).

Peante (de la), Minna C. Other Lands and the people who live there.

Regnaud, P. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce. Paris. 1894.

Reichlin-Meldegg (A. Baronin v.). Regensburger Volkssagen für Jung und Alt. Regensburg. 1894.

Richter, A. Deutsche Redensarten. Sprachlich und kulturgeschichtlich erläutert (2 изд.). Leipzig. 1894.

Rohde, O. Die Erzählung vom Einsiedler und dem Engel in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig. 1894.

Torr, Cecil. Ancient ships. Cambrige. 1894.

Tiersot, J. Les types mélodiques dans la chanson populaire française. (Extr. de la Revue des Trad. pop.). Paris. 1894.

Taylor, H. L'origine des Aryens et l'homme préhistorique. (Перев. съ англ. въ «Bibliothèque évolutionniste». «Тейлоръ очень подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ параллелизмъ расъ и языковъ и выводы многихъ филологовъ».)

Tarde, G. La logique sociale. 1895. («Авторъ даетъ логическое развитіе своихъ идей общей социологій, изложенныхъ имъ въ его «Законахъ подражанія», приходитъ къ цѣлому ряду весьма интересныхъ заключеній насчетъ дѣйствія религій, языковъ, искусства, социальныхъ и коллективныхъ чувствъ, какъ, напримѣръ, національная ненависть, народная гордость и т. д.»).

Tischer, Frant. Jindřich IV z Hradce. Nástin zivotopisný. V Indř. Hradci. 1894. (сост. по нѣмецкому труду N. Cori).

Tovaryšstvo. Sborník literárných prac v storočnú pamät prvého «Učeného slovenského tovaryšstva», usporiadal Fr. Richard Osvald. Rozumbehu. 1893. (Есть этнограф. статьи).

Torma, Sofie (von). Ethnographische Analogien. Ein Beitrag zur Gestaltungs- und Entwicklungsgeschichte der Religion. Jena. 1894.

Todaro, A. della Gafia. Istituzioni di diritto civile russo. (Russia.—Tchernigof e Poltava. — Province Baltiche). Torino-Roma. 1894. 8°, 431 стр.

Varigny (de), Henry. En Amérique (Между прочими описаніями «не лишены интереса наблюденія надъ негрятинскою расою и замѣчанія о будущности этой расы»).

Wolfram, E. H. Nassauische Volkslieder. Berlin. 1894.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Нѣмота и косноязычіе.

Настоящая заметка вызвана помещенными въ „Этногр. Об.“ кн. XXII вопросами и составлена на основаніи свидѣній, собранныхъ въ Острожскомъ, Заславскомъ и Старо-Константиновскомъ у. Волыск. губ. разными лицами, между проч. воспитателями Острожской прогимназіи, Адлерпиномъ, Липскимъ, Балюкомъ, Томпозольскимъ, Каменискимъ и Шварцемъ. Лица, представившія эти собранныя ими свидѣнія, обращались съ вопросами къ людямъ разной національности (малороссы, поляки, евреи) и разныхъ профессій (медики, священники, повивальныя бабы, наконецъ, крестьяне—старики и старухи).

По собраннымъ свидѣніямъ, нѣмоту и косноязычіе народъ объясняетъ насльдственностью (если мать нѣма, то и ея дѣти часто бывають нѣмыми), сильнымъ ударомъ и испугомъ, грѣхами родителей и разными болѣзнями: сухоткой, золотухой и приростомъ языка. Чтобы предупредить возможность нѣмоты или другой какой болѣзни отъ испуга, въ г. Острогѣ поступаютъ такъ: надъ испуганнымъ ребенкомъ, во время сна, держать миску съ водою; на края миски кладутся крестообразно двѣ вилочки; потомъ растапливають воскъ и льютъ его въ миску, собирають его обратно, снова растапливають и льютъ въ ту же воду, повторяя это 9 разъ. Произносить ли при этомъ какія слова, неизвѣстно.—Въ м. Бѣлой Церкви 7-лѣтній еврейскій мальчикъ, испугавшись бросившей на него огромной собаки, онемѣлъ. Встрѣтившись вторично съ этой собакой, мальчикъ упалъ въ обморокъ, очнувшись отъ котораго, онъ, хотя и сталъ снова говорить, но неразборчиво. Отъ этого косноязычія дѣлала его повивальная баба, заставляя мальчика часа по два въ сутки вытягивать и втягивать обратно въ ротъ языкъ; по словамъ лица, знавшаго этого мальчика, косноязычіе прошло, хотя и не совсемъ. У дѣтей верѣдко замѣчается врожденный порокъ образованія языка, состоящій въ томъ, что уздечка подъ нижней поверхностью языка простирается впередъ дальше обыкновеннаго; иногда же, наоборотъ, сильно натянутая, вслѣдствіе своей ненормальной короткости, уздечка мѣшаетъ языку производить свободныя движенія, необходимыя при сосаніи и глотаніи. Народъ вѣритъ, что подобный приростъ языка

повлечет за собою въ будущемъ дикоту или, по меньшей мѣрѣ, косноязычiе, и для предупрежденiя этого зла считаетъ необходимымъ подрѣзывать языкъ. Иногда у ребенка на дѣлѣ вовсе даже нѣтъ никакого прироста, но родители бывають вовлечены въ ошибку, видя затрудненiя ребенка при сосанiи, затрудненiя, вызванныя на самомъ дѣлѣ насморкомъ или другою болезнью ребенка. Страшная по своему виду операцiя подрѣзыванiя языка пугаетъ родителей, и они стараются оттянуть подольше время, надѣясь, что съ теченiемъ времени ребенокъ и безъ операцiи станетъ говорить. Бывають поэтому случаи операцiи надъ трехъ и даже пятилѣтними дѣтьми. Но вообще подобный возрастъ считается уже не такимъ благопрiятнымъ для дѣлченiя посредствомъ подрѣзыванiя. Гораздо чаще операцiю эту производять, начиная съ 3 и до 6 мѣсяцевъ; бывали случаи операцiи даже надъ шестилѣтними дѣтьми. Главное условiе подобнаго дѣлченiя—это отсутствiе въ ребенкѣ другихъ болезней. Операцiю производять «сальшера, циркульника, повивальныя бабки, павивши въ этомъ руку крестьяне, вообще лица, привыкшия въ виду кромки и у которыхъ поэтому рука не дрогнетъ при видѣ ея. Инструментовъ, которые бы специально употреблялись только при этой операцiи, нѣтъ; грудному ребенку соединительную кожуцу слегка прокалываютъ иглой, а въ бы только показавшая кровь, или оцарапываютъ длиннымъ, кривымъ ногтемъ; въ болѣе поздней возрастѣ, когда эта кожаца становится болѣе толстой, ее подрѣзываютъ обыкновеннымъ острымъ ножикомъ, причемъ для удобства выправляютъ пошекъ съ слегка загнутымъ впередъ концомъ, или же зацѣпомъ, бритвой, у которыхъ все острiе, за исключенiемъ козачка, обматывается полотенцемъ въ предупрежденiе порванiя. У грудныхъ дѣтей языкъ подрѣзывается въ то время, когда они плачуть и держатъ поэтому ротъ раскрытымъ; болѣе же взрослымъ операторъ самъ раскрываетъ ротъ, вставляетъ между зубовъ пробку, чтобы дитя во время операцiи не могло закрыть рта, подымаетъ языкъ пальцемъ дѣвой руки или же тоненькой пластинкой и слегка подрѣзываетъ кожуцу; показавшуюся кровь вытирають и затѣмъ стараются, чтобы ребенокъ не двигалъ въ теченiе дни языкомъ, для чего даютъ ему помещенье въсть въ этотъ день и не позволяютъ много говорить. Никакихъ при этомъ специальныхъ обрядовъ и заговоровъ въ данной мѣстности не существуетъ. Возвращенiе лица, производившаго операцiю, бываеть различно и иногда зависитъ отъ состоянiя родителей: дается за операцiю или мѣра какого-либо зернового хлѣба, или же плата въ размѣрѣ отъ 15 к. до 1 р.

Отвѣтовъ на 5 и 6 вопросы намъ вовсе не удалось достать, и мы представляемъ другимъ корреспондентамъ отвѣчать на эти вопросы. А именно:

Не существуютъ ли относящiеся къ этой темѣ сказокъ, пѣсень, пословиць, загадокъ, представлений въ лицахъ и т. п.?

Не известны ли божества, амулеты, растенiя и пр., которыя избавляютъ отъ недостатковъ произношенiя, или же, наоборотъ, вызываютъ ихъ?

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ печати вышла Отчетъ за первое десятилѣтіе состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича Общества изученія Амурскаго Края (1884—1894). Общество съ большимъ успѣхомъ провизло свою, еще такъ недавно начавшуюся дѣятельность и подаетъ большія надежды на его дальнейшее процвѣтаніе. Оно располагаетъ достаточнымъ составомъ научныхъ силъ, собственнымъ музейскъ и даже собственнымъ админіемъ подъ него (стоимостью до 30.000 руб.), библиотекой и въ известной мѣрѣ денежными средствами. Научная дѣятельность Общества сказалась въ разнообразныхъ экспедиціяхъ, изслѣдованіяхъ и изданіяхъ по самой широкой программѣ изученія края. Между прочимъ встрѣчаемъ работы по этногр., антропологиі: В. П. Маргаритовъ произвелъ раскопки кухонныхъ остатковъ на полуостровѣ Яковскаго, близъ устья р. Седими; И. П. Надаровъ прочелъ докладъ „О инородческомъ населеніи Южно - Уссурийскаго края“; В. Ф. Михайловскій сдѣлалъ сообщеніе о найденномъ въ с. Никольскомъ камнѣ съ древнею китайскою надписью; В. П. Маргаритовъ совершилъ экспедицію для изученія быта орочей (Подробныя записи ихъ быта, сказаній и промысловъ), — сообщенія о ней напечатаны; Ф. Ф. Буссе и Г. Д. Марковъ произвели раскопки могилъ, кургановъ въ Суцатской долины; Ф. Ф. Буссе сдѣлалъ докладъ „о древностяхъ, найденныхъ въ с. Никольскаго и колчанъ р. Улаха“; М. Н. Дмитріевъ — сообщеніе о Чукотской землѣ; объ Анадырской край обработана рукопись ирешаваго мучанца Дьякова (II т. „Записокъ“); Л. Н. Бородавскій — о повадкѣ въ Монголіи (III т. „Записокъ“) и др. Въ музей Общества хранятся и этногр. коллекціи: чукчей, орочей, коряковъ и др. Общество имѣетъ и свое изданіе: „Записки Общества изученія Амурскаго Края“, которыхъ вышла уже IV томъ (Владивостокъ 1894).

30 января 1894 г. утверждёнъ уставъ Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а 13-го іюля того же года торжественнымъ засѣданіемъ открыто в Троицкосавенско-Кяхтинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла. Предсѣдатель Отдѣленія Н. Н. Сабуровъ, правитель дѣлъ — Ю. Д. Талыко-Гринцевичъ. Вышла брошюра объ открытіи отдѣленія (Иркутскъ 1894) — Протокола обынковъ общаго собранія Т.-К. Отдѣленія № 1 (16 сент. 94 г.).

16-го іюля 1894 г. въ Читѣ г. Приамурскія Губернаторомъ С. М. Духовскимъ открыта Забайкальская Областная Филиалціи Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Поводомъ къ тому послужилъ быстрый ростъ мѣстнаго Музея: до 10.000 предметовъ. Развѣщеніемъ коллекцій завѣдуетъ А. К. Кузнецовъ. Въ музей предположено три главныхъ отдѣленія: 1) минералы, флора, фауна, 2) археологія, антропологиія, этнографія, 3) промышленность. Предсѣдатель Филиалціи — ген.-м. Е. О. Мацевскій, тов. Предсѣдателя — ген.-м. И. П. Поточій, секретарь — врачъ Н. В. Кирилловъ. (NB. Вышелъ журналъ экстр. публичнаго за-

сѣданіи Филіаціи 3 сент. 1894 г. Начальникъ изысканій Забайкальской жел. дор. Г. В. Адриановъ прочелъ докладъ о результатѣ изслѣдованій вършенной ему экспедиціи инженеромъ).

По порученію „Общества имени Шевченка“ (въ Львовѣ), Иванъ Франко готовитъ къ изданію первый томъ „Памятників старорусского письменства по южнорусскимъ рукописамъ“. Этотъ томъ (онъ долженъ появиться въ свѣтъ въ текущемъ году) будетъ состоять исключительно изъ ветховатѣйшихъ апокрифовъ. Въ рукахъ г. Франка находится много рукописей, и въ томъ числѣ древній списокъ Псалмъ южнорусскаго извода. Большая часть матеріала является повсюду. Издаются только такіе тексты, которые по языку отличаются новыми южнорусскими отщипками, потому что издатель преслѣдуетъ и филологическія цѣли. Текстамъ предпосылается предисловіе, содержащее отнюдь объ апокрифахъ вообще и о печатаемыхъ въ книгѣ — въ частности, а въ концѣ книги будетъ помещенъ словарь и указатель. Издатель покорнѣйше проситъ всѣхъ интересующихся вопросомъ присылать ему рукописи или, по крайней мѣрѣ, описанія извѣстныхъ амъ рукописей. Адресъ: Австрія, Галичина, Львовъ (Lemberg), ул. Глубокая 7, Ивану Франку.

Подъ редакціей того же И. Франка начинаютъ издаваться на малорусскомъ языкѣ цѣлая серія этнографическихъ сочиненій общаго характера. Въ первой книгѣ второй серіи идетъ переводъ съ англійскаго: „Popular tales and fiction, their migrations and transformations“ Clouston'a („Народні казки та вигадки. Як вони блукують та перероблюються“). Переводъ сдѣлалъ А. Крымскій.

Чехославянская этнографическая выставка, имѣющая быть этимъ лѣтомъ, быстро подвигается къ открытію и продолжится съ 15 мая до конца сентября. Уже къ январю была готова большая часть отдѣловъ, представляющаго цѣлую чехославянскую деревню, которая будетъ состоять изъ цѣлаго ряда характерныхъ избъ и др. строеній съ разныхъ концовъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Славоніи, а посреди деревни—старый деревянный костелъ. Въ дальнѣйшемъ планѣ выставка представитъ: 1) отдѣлъ систематическій, имѣющій дать полный и цѣльный обзоръ чехославянской народности съ точки зрѣнія антропологической, географической и культурной, 2) частные отдѣлы по народностямъ и мѣстностямъ, въ количествѣ до 20 мѣстностей. Къ этнографической выставкѣ примкнутъ кромѣ того выставки: школьнаго дѣла, искусства, земледѣлія и промышленности. Очень любопытна будетъ на выставкѣ такъ называемая „Старая Прага“, гдѣ будетъ представленъ этотъ городъ въ видѣ маленькаго мѣстечка съ улицами, лавками, пивными и пр.,— все въ томъ видѣ, какъ было въ XVI столѣтіи. Къ открытію выставки готовится популярная брошюра о ней на чешскомъ и франц. языкахъ, которая будетъ разсылаема бесплатно отъ комитета выставки. Подержки по устройству выставки достигли полумилліона золотыхъ; всѣ онѣ покроются изъ добровольныхъ вкладовъ, платы за входъ и выручки отъ разнаго рода продажъ.

Итальянскіе ученые проф. Ottolenghi и d-g. Rossi выпустили интересное изслѣдованіе о сохранившемся доселѣ способѣ татуировки у простаго народа въ окрестности Siena, преимущественно у арестантовъ, которые воспроизводятъ на своемъ тѣлѣ знаки животныхъ и т. п., знаменующіе родину каждаго обозначеніемъ городскихъ гербовъ или фамильныхъ тамбъ. (Nuova Antologia. 1895. II). Сообщаемъ это свѣдѣніе въ дополненіе къ замѣткамъ по этому вопросу, сообщеннымъ раньше. (См. „Этногр. Обзоръ“, III, 132; V, 256).

ПО П Р А В К И.

Въ кн. XXIV:

Стран.	Строка.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
47	10	рис. 4d	рис. 3b
—	11	рис. 4a	рис. 3b
81	5	Перестречи	Перестрога
84	18	Писали	Писала
85	15	вазы	возы
86	44	бори	вори
87	5	козакмы	козаками
—	20	ихъ	ягъ
89	18	примѣтами	примѣрами
93	35	памятна	попята
96	2	грамматтвни	грамматяки
144	5 сн.	учителя	учащиха

Въ предыдущей (XXIII) книгѣ „Этнографическаго Обзорія“ вкратцѣ ошибка въ некрологѣ проф. Ом. Оглоповаго (стр. 176): свидѣніе о братѣ покойника Владимірѣ не правильно и повало въ некрологѣ по случайности.

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

	Р. Б.
Т. IV. Статьи П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Θ. Миллера, Ф. Д. Нефедова и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволжье и пр. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія и пр.)	2 —
Т. V. П. С. Ефименко: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ. Вып. 1. Вѣшняя обстановка, пища, одежда; нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. VI. Θ. Я. Трейландъ: Матеріалы по описанію латышскаго племенн. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ)	3 50
Т. VII. Статьи Е. И. Якушкина, А. С. Прушвина, Д. И. Плавовскаго, Нила Попова, В. Θ. Миллера, Θ. Е. Корша, Д. И. Якушка, Д. Я. Саможосова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука и др. (Споры о народности гушовъ, обычное право, септанство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣздскихъ вѣлоруссовъ, тилляки, черемные татары и пр.)	2 —
Т. VIII. Статьи В. Θ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаю, Н. Л. Гюндатти, Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остивковъ; народн. игры. Прилож.: Программы для собранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. И. Харузина	2 —
Т. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи В. Θ. Миллера, И. Н. Харузина, П. М. Богачевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Калдинскаго и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонцевой, Витек., Тамб., Казан. губ. и др.)	2 —
Т. X. И. Н. Харузинъ: Русскіе дошари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI. Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. Н. А. Ивамицкій; Вологодскій край. Ю. П. Мельниковъ и М. Кулинка; Вологодскія пѣсни (съ поемами). Вып. 3. В. П. Тихоновъ: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Витекской губ. В. П. Племинниковъ: Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII. В. М. Михайловскій: Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII. И. А. Житецкій: Астраханскіе казьяки. Съ рис.	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изсѣдованія В. И. Вербицкаго 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. Н. С. Тихоновова и В. Θ. М. Миллера 2 50

Г) «Этнографическое Обзорѣніе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшюся въ небольшомъ количествѣ брошюру Евг. Ляцкого: „Олонцевій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины“, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинь и стиховъ, можно получать через редакцію „Этногр. Обзорѣнія“. Ц. 40 к. съ перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

1895 г.

ОБОЗРѢНІЕ,

Годъ 7-й.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естественнаго, Антропологическаго и Этнографическаго, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ ред. Секретаря Отдѣла Н. А. Явчука,

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и исследований будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычая, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ исследований по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ сообщаются мелкіе, случайные матеріалы и наблюденія.

Обширный БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отрывки о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учреждений, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, типы народностей и т. п.

Условія подписки см. на обложкѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Политехнической Музей.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія „Этнографическое Обозрѣніе“ рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ учебн. заведеній (см. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, июнь).

БИБЛИОГРАФЪ.

1895.

ЖУРНАЛЪ

Годъ XI.

Историко-литературный и библиографическій.

Съ портретами, снимками съ книги, гравюръ, рукописей и т. п.

Отд. 1-й. Лѣтопись литературы и книгодѣнія: 1) Исторія литературы и просвѣщенія (ислѣдованія, статьи и матеріалы). 2) Книгодѣніе. Прошлое и настоящее книжного дѣла: книгопечатанія, бібліотекодѣнія, книжной торговли, книгоиздательства и т. п. 3) Критика и библиографія. 4) Разныя извѣстія и замѣтки; вопросы и отвѣты.

(Выходитъ 4 раза въ годъ).

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) Каталогъ новыхъ книгъ. 2) Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3) Россіа (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи). 4) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. 5) Замѣтки о новыхъ книгахъ. 6) Библиографическія извѣстія и объявленія.

(Выходитъ 6 разъ въ годъ).

Въ приложеніяхъ печатаются отдѣльныя работы по библиографіи и прочимъ отдѣламъ, входящимъ въ программу журнала.

Журналъ „Библиографъ“ РЕКОМЕНДОВАНЪ Ученымъ Комит. М.—ства Народнаго Просвѣщенія для основ. бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ; — ОДОВРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ; — ПОМѢЩЕНЪ по распоряженію Военно-Ученаго Комитета въ основной каталогъ для офицерскихъ бібліотекъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. А. Алексѣевъ, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ф. Березинъ-Ширневъ, акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Д. Бочаговъ, С. Н. Брайловскій, П. В. Быковъ, Н. Н. Вакуловскій, Н. В. Губерта, Н. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродскій, К. А. Ивановъ, проф. В. С. Иконниковъ, Д. Ф. Кобеко, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, А. І. Лященко, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Магилъ, В. П. Межовъ, В. Н. Перетцъ, проф. С. Ф. Платоновъ, Н. И. Полетаевъ, С. И. Пономаревъ, А. А. Савичъ, В. И. Святковъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, В. Ф. Солдатовъ, В. И. Срезневскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, Н. М. Туляковъ, П. М. Устиновичъ, Н. Д. Чечулинъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шлякинъ, проф. Е. Ф. Шмура, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за годъ: съ доставкой и пересылкою въ Россіи 5 руб., за-границу 6 руб.

(Въ лѣтніе мѣсяцы журналъ не выходитъ).

Отдѣльно: 1-го отдѣла вып. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; 2-го отдѣла № 30 к., съ перес. 40 к.

Плата за объявленія: страница—12 р.; $\frac{3}{4}$ стр.—10 р.; $\frac{1}{2}$ стр.—7 р.; $\frac{1}{4}$ стр.—4 р.; $\frac{1}{8}$ стр.—2 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Спб., Невскій просп., д. № 54) и въ редакціи. Кромѣ того, подписка принимается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: Спб., Никольская площадь, д. 4, кв. 5.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „Библиографъ“ за прошлое время съ 1885 г. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовую экземпляръ.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОКЪ

Съ декабря мѣсяца 1893 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.

Программа журнала, утвержденная Г. Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще. II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотеконвѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка. III. Объявленія на всѣхъ языкахъ. IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26"), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовую взносъ, — безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленовой бумагѣ; для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ кружка	4 р.
— — — — — подписчиковъ на журналъ	6 р.
— — — — — всѣхъ остальныхъ	10 р.
— — — — — въ годъ для членовъ и подписчиковъ	35 р.
— — — — — всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редацію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной). Въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ А. Д. Тороповъ.

1895 г. УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ 1895 г.

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета.

ВЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ПОМѢЩАЮТСЯ:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ; статьи, посвященныя обзорною коллекціей и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорныя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Въ 1895 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «ИЗВѢСТІЙ» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи; 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири); 3) Матеріалы археологическія, историческія и этнографическія, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи; 4) Хроника: извѣстій о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, этнографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочтанныхъ въ собраніяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи; 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи; 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для послѣднаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей въ courantъ всего, что является новаго въ этой области знанія и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингборгъ, Буда-Пештъ и Упсалъ (для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья: «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 р., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три р. при подпискѣ и два р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 руб., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, Н. Ф. Катанову.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ. Члены редакціоннаго комитета И. А. Смирновъ, Ф. Г. Мищенко.

ОБЪ ИЗДАНИИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совета.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорныя преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію учебной, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1) — оофициальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) — неофициальную (статьи научнаго содержания) съ отдѣлами—критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорно выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроникѣ, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студентамъ прочихъ Университетовъ 4 р.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малуя Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выпущенію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главныя отдѣла журнала: I, оригинальныя статьи; II, документы, извѣстія и записки; III, критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) портреты и рисунки, исполненные египетской, б) не жене одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки	8 „ 50 „
За-границу	12 „ — „

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882-го, по 8 рублей годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 рублю; при покупкѣ за всѣ годы 20 % уступки.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная улца, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель Е. М. Гамалій.

Редакторъ В. П. Науменко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 г.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Въ предстоящемъ году содержаніе газеты будетъ пополнено торговымъ отдѣломъ и особое вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ областной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою—на годъ—4 руб., девять мѣс.—3 руб., полгода—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—75 к., безъ доставки и пересылки—на годъ—3 руб., девять мѣс.—2 руб. 50 коп., полгода—2 руб., 3 мѣс.—1 руб. и 1 мѣс.—50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор.
Минскѣ губ.

Годъ 1-й.

Годъ 1-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1895-й ГОДЪ

на политическую, общественную, торгово-промышленную
и литературную газету

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакціей А. И. Родзевича.

Единственный и первый, со времени присоединенія къ Россіи Закаспійскаго края, мѣстный органъ, выходящій три раза въ недѣлю, съ предварительной цензурою въ городѣ Асхабадѣ, Закаспійской области.

Поставивъ себѣ главною задачею, по мѣрѣ нашихъ силъ и умѣній слушать интересамъ русскихъ владѣній въ Средней Азійи вообще и Закаспійскаго края въ особенности „Закаспійское Обозрѣніе“ обратитъ особое вниманіе на торгово-промышленный отдѣлъ, касающійся Закаспійской области, Туркестанскаго края, Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ и сопредѣльных къ онымъ государствъ. Первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ будетъ отведено средне-азиатскому хлопководству и развитію такъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые исключительно могутъ быть эксплуатируемы въ Средней Азійи и замѣнить собою иностранный, продуктовъ втихъ въ Россію, ввозъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	НА 1 ГОДЪ.	НА 6 МѢС.
Безъ пересылки и доставки	6 руб.	3 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ въ городъ Асхабадъ.	7 „	4 „ — „
Съ пересылкою и доставкою во вся мѣста Россійской Имперіи.	8 „	5 „ — „
За-границу (во вся мѣста почтового союза)	12 „	7 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Закаспійскаго Обозрѣнія“ въ г. Асхабадѣ, Закаспійской области, по Анненковской ул., въ д. „Русской Типографіи“.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ: Асхабадъ—Обозрѣніе.

Отвѣтственный редакторъ А. И. Родзевичъ.
Издатель К. М. Федоровъ.

„Этнографическое Обзорѣніе“.

Изданіе посвящено изученію преимущественно народностей Россіи и, главнымъ образомъ, ихъ духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и пр.

„Этнографическое Обзорѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ, каждая около 12 листовъ: въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки **4 р. 50 к.**, съ пересылкою **5 р.**, за границу **6 р.**

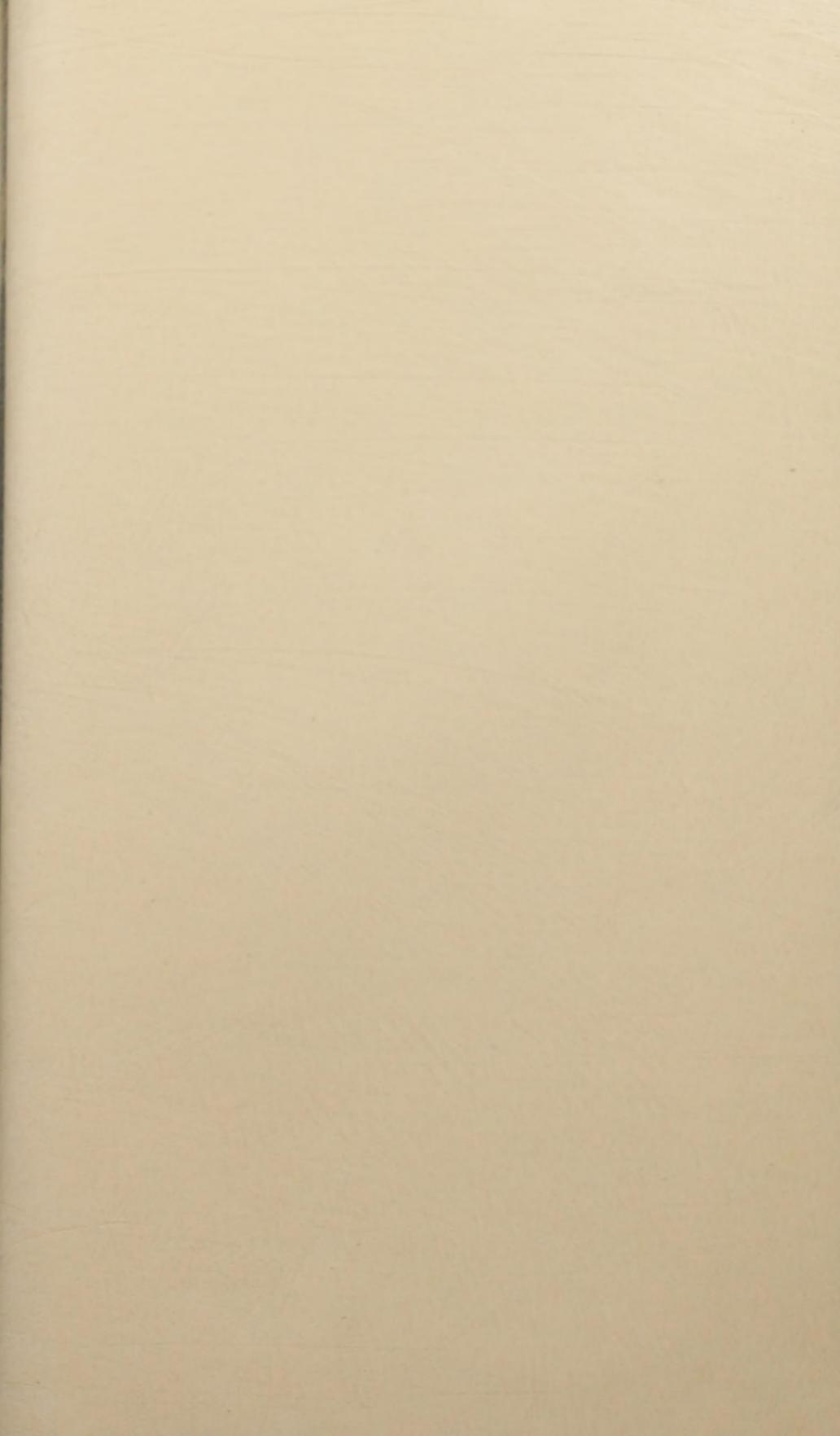
Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехнический Музей, на Лубянской площади*).

Вышедшія съ 1889 г. по настоящее время книги „Этнографическаго Обзорѣнія“, кромѣ кн. I, которая распродана, продаются отдѣльно въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ, при канцеляріи Общества, по 1 р. 50 к. каждая; кн. XIII—XIV въ одной книжкѣ 2 р. 50 к.

Остающіеся полные экземпляры изданія за прежніе годы съ 1890 г. продаются въ канцеляріи Общества по 5 руб. за годъ.

„Указатель къ Этнографическому Обзорѣнію“ (кн. I — XV) въ отдѣльной продажѣ 15 к.

Статьи и матеріалы слѣдуетъ адресовать: *въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“, Москва, Политехнический Музей.*

УМРА хлор 8218/150
PK 1389
AC 10932
PK 1922063

